

Актъ независимости Азербайджана

«28 мая 1918 года, въ гор.Тифлисъ, Національный Совѣтъ Азербайджана въ составѣ: товарища председателя Гасанъ-бека Агаева, секретаря Мустафы Махмудова, Фатали Хана Хойскаго, Халиль-бека Хасъ-Мамедова, Насибъ-бека Усуббекова, Миръ Гидаятъ Сеидова, Нариманъ-бека Нариманбекова, Эйбатъ-Гули Мамедбекова, Мехти-бека Гаджинскаго, Али Аскеръ-бека Махмудбекова, Асланъ-бека Кардашева, Султанъ Меджида Гани-заде, Акперъ-Ага Шейхъ-Уль-Исламова, Мехти бека Гаджибабабекова, Мамедъ Юсуфа Джафарова, Худададъ бека Меликъ-Асланова, Рагимъ-бека Векилова, Гамидъ-бека Шахтахтинскаго, Фридуны-бека Кочарлинскаго, Джамо-бека Гаджинскаго, Шафи-бека Рустамбекова, Хосровъ-паша бека Султанова, Джафара Ахундова, Магомедъ Магеррамова, Джавада Меликъ-Еганова и Гаджи Молла Ахундъ-заде, провозгласилъ слѣдующій актъ о независимости Азербайджана:

Въ ходѣ великой россійской революціи, въ Россіи установился политическій строй, который повлекъ за собой распадъ отдѣльныхъ частей государственнаго организма и оставленіе русскими войсками Закавказья.

Предоставленные собственнымъ силамъ народы Закавказья взяли въ свои руки дѣло устроения своихъ судебъ и создали Закавказскую Демократическую Федеративную Республику. Однако, въ дальнѣйшемъ ходѣ политическихъ событій, грузинскій народъ счелъ за благо выдѣлиться изъ состава Закавказской Федеративной Республики образовать независимую Грузинскую Демократическую Республику.

Нынѣшнее политическое положеніе Азербайджана, связанное съ ликвидаціей войны, возникшей между Россіей и Оттоманской имперіей, а также небывалая анархія внутри страны, повелительно диктуютъ Азербайджану, состоящему изъ Восточнаго и Южнаго Закавказья, необходимость созданія собственной государственной организаціи, дабы вывести народы Азербайджана изъ того тяжелаго внутренняго и внешняго положенія, въ которомъ они оказались.

На основаніи этого Мусульманскій Національный Совѣтъ Азербайджана, избранный народнымъ голосованіемъ, нынѣ всенародно объявляетъ:

I. Отнынѣ народы Азербайджана являются носителями суверенныхъ правъ и Азербайджанъ, состоящій изъ Восточнаго и Южнаго Закавказья, полноправнымъ, независимымъ государствомъ.

II. Формой политическаго устройства независимаго Азербайджана устанавливается Демократическая Республика.

III. Азербайджанская Демократическая Республика стремится установить добрососѣдскія отношенія со всеми членами международнаго общенія, а въ особенности съ сопредѣльными народами и государствами.

IV. Азербайджанская Демократическая Республика гарантируетъ въ своихъ предѣлахъ гражданскія и политическія права всемъ гражданамъ безъ различія національности, вѣроисповѣданія, социальнаго положенія и пола.

V. Азербайджанская Демократическая Республика всемъ народностямъ, населяющимъ ея территорию, предоставитъ широкій просторъ для свободнаго развитія.

VI. До созыва Учредительнаго Собранія во главѣ управленія всемъ Азербайджаномъ стоитъ Національный Совѣтъ, избранный народнымъ голосованіемъ, и Временное Правительство, ответственное передъ Національнымъ Собраніемъ».

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

*Сборникъ статей, посвященный 90-летию
Первой республики*

Москва
•SALAM press•
2008

63.3(5Азе) 6

Д 35

*Памяти Мир Идаята Сеидова,
члена Парламента Первой республики*

СОДЕРЖАНИЕ

ББК 66.017.75
А 17

Составитель: *Рамиз Абуталыбов*

А 17 АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РЕСПУБЛИКА. Сборник статей, посвященный
90-летию Первой республики.
Москва: «SALAM press», 2008. — 136 с.

ISBN № 978-5-7164-0590-5

ПРЕДИСЛОВИЕ	5

СОЗДАНИЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ — ПЕРВЫЙ ОПЫТ ПО ВНЕДРЕНИЮ ЕВРОПЕЙСКОЙ МОДЕЛИ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА НА ВОСТОКЕ	17

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ НА ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ	42

МЛАДШИЙ ИЗ «БОЛЬШОЙ ПЯТЕРКИ»	57

НЕФТЯНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ АЗЕРБАЙДЖАНА В 1918-1920 ГОДЫ	66

В ПЛЕНУ ЗАДАННОЙ КОНЦЕПЦИИ	78

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ НЕКРОПОЛЬ	88

ПОНЯТЬ ДРУГОЙ НАРОД	98

© Р.А. Абуталыбов, 2008

© «SALAM press», 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

Девяносто лет назад, 28 мая 1918 года была провозглашена Азербайджанская Демократическая Республика (АДР) и сформировано ее правительство во главе с Фатали-ханом Хойским. Из-за событий Первой мировой войны это правительство смогло попасть в свою столицу, Баку, лишь 112 дней спустя. Азербайджан стал первой республикой в исламском мире, опередив в этом Турцию на пять лет. В декабре 1918 года был создан азербайджанский парламент — опять-таки первый демократический парламент европейского образца в исламском мире.

Судьба отпустила АДР совсем немного времени. Из 23 месяцев своего существования правительство республики работало в Баку без присутствия чужеземных армий менее 8 месяцев. Такая хронология не раз порождала скептические оценки исторического значения этого первого опыта государственности современного типа в истории Азербайджана. Между тем, в революционные времена два (без малого) года — огромный срок, способный вместить в себе перемены такого размаха, для которых в спокойные периоды требуются многие десятилетия. В Азербайджане 1918-1920 годов было именно так: перемены произошли огромные и во многом необратимые.

Ученые советского времени чуть ли не по минутам изучили деятельность куда менее долговечных политических образований — Бакинского совета, Бакинского совнаркома, Бакинской коммуны, Временного ревкома Азербайджана (и т.д.), изображая дело так, что только они оставили свой след в истории (они

его оставили, никто не спорит!), тогда как остальные политические силы Азербайджана представляли «исторически обреченные буржуазно-помещичьи классы», были «наймитами империалистических держав», а потому не заслуживают интереса и даже упоминания. Каждый советский историк должен был делать вид, что после падения Бакинской коммуны в июле 1918 года всё достойное внимания происходило в большевистском подполье, тогда как на поверхности жизни какие-то зловредные и безликие мусаватисты только и делали, что помогали сперва английским, затем турецким и, наконец, снова английским оккупантам выкачивать из Азербайджана нефть, зерно и продукты животноводства. Правда, большевики им в этом всеми силами мешали, организуя забастовки и проводя свои подпольные съезды.

Не полнитесь, прочтите большую статью об Азербайджане в 16-томной Советской исторической энциклопедии, вышедшей в 1961-76 гг. Вы увидите, что автор (А.Н. Гулиев) умудрился ни разу не назвать АДР, ее правительство и парламент. Мелькнули лишь какие-то мусаватисты (без пояснений), совместно с интервентами временно восстановившие «власть буржуазии и беков-помещиков». Правда, в статье есть обнадеживающая отсылка: «см. *Иностранная военная интервенция на Кавказе и в Закавказье*». А вдруг там чуть больше информации, понадеялся я и полез в соответствующий том. Однако статья под таким названием там просто отсутствовала.

А уж как выкручивались авторы толстых трактатов! Сочинение мало-мальски правдоподобной исторической версии, лимитируемой огромным числом обязательных умолчаний и натяжек, можно вообще приравнять к научному подвигу. Чтобы не обесценить героизм подпольных большевиков, надо было показывать, как они, напрягая все силы, боролись против мощного репрессивного реакционного режима «мусаватистов», но при этом изображать этот режим совершенно ничтожным, не имеющим опоры в массах и непонятно на чем держащимся. Мало того, изображать его следовало так, чтобы читатели ничего о нем не узнали. Не узнали о том, что парламент Азербайджанской

демократической республики отражал не только партийное (в нем было представлено 11 фракций и групп — на 97 депутатов), но и этническое многообразие страны, что за короткое время в АДР успели сложиться основные государственные структуры и финансовая система, осуществлен принцип разделения властей, создана армия, введен восьмичасовой рабочий день, учрежден Азербайджанский университет, принят демократический закон о гражданстве и закон о выборах в Учредительное собрание Азербайджана, вероисповедания были отделены от государства (вещь в исламском мире дотоле неслыханная), удалось добиться признания Азербайджана со стороны ряда важных стран, добиться отказа Турции и Персии (нынешнего Ирана) от требований войти в состав соответственно турецкого и персидского государств, началась подготовка к переходу на латиницу. Благодаря Первой республике было узаконено само имя «Азербайджан».

Обо всем этом советский человек должны были оставаться в неведении. Правда, почти неразрешимую задачу, как всегда, порождали подробности. Ну как было не рассказать такой эпизод: «мусаватистская охранка» напала на след двух храбрых подпольщиков-большевиков, однако они оставили ее с носом. Дело в том, что они успели забежать в квартиру депутата парламента большевика А.Г.Караева, а войти в такую квартиру полиция могла лишь с согласия самого депутата либо по постановлению парламентского президиума. Постановление было принято сутки спустя, но за это время разыскиваемых и след простыл, они ушли через чердак. Сколько революционной романтики! Да вот беда: приходилось попутно упоминать о неудобоназываемых вещах, вроде принципа парламентской неприкосновенности. А главное, приоткрывать страшную тайну: большевик мог быть членом парламента. То есть, делал вывод потрясенный читатель, принадлежность к этой партии не являлась противозаконной, а дружков Караева ловили не за то, что большевики, а за то, что подпольщики. Чем они могли заниматься в своем подполье? Только одним: готовить захват власти, это советскому человеку объяснять не требовалось.

С советских времен утекло много воды. Исчезла цензура, открылись архивы, введен в научный оборот огромный массив ранее недоступных документов и свидетельств, вышел целый ряд работ о Первой республике. Многие из них, благодаря историческим сайтам в интернете, сегодня доступны всем желающим. Можно ли утверждать, что уж теперь-то картина событий, сотрясавших Азербайджан в период между свержением императорской власти и образованием ЗФСР, совершенно ясна и однозначна? Разумеется, нет. 80 лет назад советский историк-марксист М.Н. Покровский изрек свой знаменитый афоризм: *«Буржуазно-дворянская история не представляет собой ничего иного, кроме политики, опрокинутой в прошлое»*. Возможно, Покровский так и думал. Возможно, он не мог в 1928 году выразиться откровеннее, а на самом деле имел в виду историю вообще, независимо от классовой и партийной принадлежности историка. Все поняли его именно так.

В сильно политизированных обществах посткоммунистических стран любое историческое исследование обязательно будет субъективным, будет окрашено политическими, идеологическими, этническими, культурными и другими пристрастиями автора. Но это не мертвящая субъективность, навязанная тоталитарным государством, это субъективность несопадающих представлений свободных людей о том, верен ли был тот или иной исторический выбор, можно ли было избежать роковых ловушек прошлого, была ли у одной политической силы возможность одолеть или перехитрить другую. Ученый всегда видит (или думает, что видит) исторические развилки, он ищет скрытые пружины событий, он подсознательно или осознанно выявляет виновных в том, почему история пошла не тем путем, который больше отвечал бы его идейным предпочтениям. Это и есть политика, опрокинутая в прошлое. Беспристрастную историю способны писать разве что совсем холодные и бесстрастные люди. Такая история может быть востребована лишь в обществе, погружающемся в снисходительное и всепрощающее политкорректное равнодушие, преддверие гомеостаза, когда история,

собственно, уже не очень нужна, поскольку грядет якобы ее конец. Значит ли это, что занятия историей бессмысленны? Ничуть. Там, где монополии на истину нет ни у кого, где царит свобода исторических исследований, каждый может делать из работ историков собственные выводы, может сам сопоставлять предлагаемые версии событий. И, удивительное дело, совокупность взаимоисключающих, казалось бы, точек зрения порой создает стереоскопическую картину, когда вдруг становится ясно, кто в прошлом был обречен на поражение при любом раскладе, а кто просто упустил свой шанс.

Среди вопросов, обсуждаемых в научных спорах, связанных с АДР, самым важным, с точки зрения сегодняшнего дня, является такой: действительно ли в 1917-18 годах существовали объективные предпосылки азербайджанской независимости, действительно ли общество и народ Азербайджана уже дозрели в то время до независимости? Звучат утверждения, что выстраивая образ прошлого, современные историки «с энтузиазмом» выполняют политический заказ, а вместо объективного исследования создаются новые исторические мифы. Подразумевается (и дается) следующее объяснение: период независимости был историческим курьезом, порождением случайных обстоятельств, игры внешних сил. За такой точкой зрения горой высится марксистское начетничество. Марксисты, убежденные и вынужденные, ставили в советское время вопрос так: имела ли место классовая борьба пролетариата за национальное самоопределение — причем не сама по себе, а «в связи и на почве пролетарской революции, подчиненная интересам этой революции»? Если не имела, то самоопределение было фальшивым, беспочвенным, обреченным на провал — и в Польше, и в Прибалтике, и в Бухаре, и в Закавказье. Марксист Молотов, хочу напомнить, назвал Польшу «уродливым порождением Версальского договора». Такой фактор, как историческая воля польского народа, он с презрением отметал. Время показало, что польский «пролетариат» (допустим на минуту, что этот термин имеет право на существование) придерживался иного мнения.

Что касается «случайных обстоятельств», история сплошь соткана из них, даже как-то неловко напоминать об этом. В 1866 году от последствий падения с велосипеда умер цесаревич Николай, 22-летний сын императора Александра II. Он должен был царствовать под именем Николая II, его воспитывали как будущего императора, он обладал утонченной натурой и необыкновенными способностями. Престол унаследовал его слывший туповатым младший брат Александр. Если бы не злосчастный велосипед, судьба империи была бы иной. Лучше или хуже — но иной. Еще один пример: на выборах 1936 года в США реально мог победить американский Гитлер — губернатор Луизианы Хьюи Лонг (Huey Long), обещавший всеобщее «перераспределение благ», необыкновенно популярный демагог с замашками самого крутого диктатора. Он шел к власти на всех парах, поддерживаемый рабочим классом и фермерами, но был загадочно убит за год до выборов. Другого достойного соперника у Рузвельта не нашлось, и в результате США стали тем, чем они стали. Хьюи Лонг сделал бы их другими. Перенесемся ближе к нашим дням. В книге «От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным» есть два критических эпизода. В юные годы будущий президент на своем «запорожце» сбил человека: *«Я тогда не виноват был, это выяснили. Он сам, что ли, прыгнул под колеса... Счеты с жизнью сводил... Не знаю, что он там творил, балбес какой-то. Он убежал тут же»*. Впечатляет и другой эпизод, когда студент Путин сам едва уцелел за рулем (*«Несчастный «запорожец» встал на два колеса. Я практически потерял управление. Мы, конечно, должны были улететь в кювет...»* — но, к счастью, обошлось). Доля мгновения, несколько сантиметров — и судьба Владимира Путина могла повернуть совсем в другую сторону, а у России был бы другой президент.

В своей статье «Понять другой народ», включенной в этот сборник, я постарался показать, как случайный эпизод в итальянской правительственной чехарде, имевший место 19 июня 1919 года, решил не только судьбу Азербайджана, но и, возможно, судьбу большевистской власти в России, определив дальнейший

ход мировой истории. Такие вещи редко видны современникам, их не всегда просто разглядеть и в ретроспективе*.

Смешно верить, что революции происходят лишь тогда, когда «верхи не могут, низы не хотят» (или наоборот, уже не помню). Гораздо чаще толчок им дает сплоченная группа единомышленников, сумевших не упустить случай. Именно *случай* — вроде сильнейших снегопадов в феврале 1917 года, небольшого перерыва в подвозе продовольствия в Петроград, маленькой паузы в снабжении города хлебом. Группа лиц, близких к верховной власти, сочла тогда, что счастье само плывет в руки. Она умело инспирировала волнения в Петрограде, почему-то решив, что сумеет управлять событиями и дальше. Но *случаем*, который предоставили эти волнения, обрадованно воспользовалось множество других сил, и эти силы довольно быстро затоптали недалёковидных инициаторов событий. Для политических партий в национальных регионах Российской империи Февральская революция в Петрограде, в свою очередь, стала *случаем*, который они поспешили употребить в свою пользу, и было бы странно, если бы они поступили иначе. В Азербайджане не упустили свой случай «Мусават», «Иттихад», «Гуммет», федералисты. А также, конечно, эсеры и большевики.

Сам факт наличия этих партий, выглядящий сегодня само собой разумеющимся, не был таковым в мировых реалиях начала XX века. События 1918-20 годов не будут понятны, если мы забудем, что Россия была нетипичной империей. Почему Азербайджан стал первой республикой в исламском мире? Потому что его подготовило к этому пребывание в стремительно демократизировавшейся России. И с первым демократическим

* Писатели нередко пронизательнее историков и политологов. Насмежаясь над попытками марксистов вывести «законы исторического развития», Набоков писал: *«К счастью, закона никакого нет, — зубная боль проигрывает битву, дождливый денек отменяет намеченный мятеж, — все зыбко, все от случая, и напрасно старался тот расхлябанный и брюзгливый буржуа в клетчатых штанах времен Виктории, написавший темный труд «Капитал» — плод бессонницы и мигрени»* («Соглядатай»).

парламентом, равно как и с законом о выборах, Азербайджан опередил другие мусульманские страны по очевидной причине: у его населения уже был опыт участия в шести общероссийских выборах (четыре — в Государственную Думу, муниципальных выборах летом 1917 года и выборах в Учредительное собрание осенью того же года). Алимардан Топчибашев, ставший 7 декабря 1918 года председателем азербайджанского парламента, в прошлом был депутатом I Государственной Думы, а Фатали-хан Хойский — II Государственной Думы (Ульянов-Ленин В.И. тоже выставлял свою кандидатуру на выборах во Вторую Думу, но не прошел, а Хойский прошел); видный деятель «Мусавата» Мамед-Юсуф Джафаров был депутатом и IV Государственной Думы, и Всероссийского Учредительного собрания; несколько известных азербайджанских политиков, в том числе члены ЦК «Мусавата» Гасан Агаев, и Насиб Усуббеков (будущий председатель Совета министров АДР), были избраны во Всероссийское Учредительное собрание, тогда как их коллега по ЦК Мустафа Векилов был членом Временного Совета Российской республики (Предпарламента). Этот список можно продолжать довольно долго.

Правом избирать и быть избранными каждого российского подданного наделил еще избирательный закон 1906 года. Недостающие демократические свободы были узаконены российским Временным правительством сразу вслед за взятием власти. Сегодня политическое равноправие народов и национальностей кажется естественным как воздух, но стоит напомнить, что установление такого равноправия в России, никогда не считавшей себя колониальной империей, было для своего времени достаточно авангардным. На подобное не отважились даже французские левые в период нахождения у власти Народного Фронта (1936-38 гг.). Наконец, полное уравнивание женщин в правах с мужчинами, введенное Временным правительством (в этом Россия опередила Англию, Францию, Швейцарию и еще ряд «продвинутых стран»), было воспроизведено в законах АДР — став абсолютным новшеством в исламском мире.

Важнейшую роль сыграл и тот факт, что Временное правительство 1(14) сентября 1917 г. объявило Россию республикой. Азербайджанские демократы полностью приняли эти перемены, искренне считая их своими. Не случись большевистского переворота, они, возможно, посчитали бы вполне приемлемым пребывание Азербайджана в составе демократической Российской республики, но большевистское насилие над Учредительным собранием они принять не могли, и их решение объявить Азербайджан самостоятельным выглядит вполне логично.

Можно ли говорить об отсутствии закономерности в факте возникновении Азербайджанской Демократической Республики? Говорить можно, доказать нельзя. Было ли, к примеру, закономерным появление на карте мира Албании, о которой дореволюционная русская энциклопедия писала в 1911 году: *«Национальной истории албанцы не имеют, если не считать отдельных героических эпизодов, уцелевших в легендарной форме в народной памяти»*. Провозглашение независимости Албании стало возможным благодаря 1-й Балканской войне 1912 года, когда эта провинция Османской империи была занята войсками Черногории, Сербии и Греции. Могут сказать: раз Албания уцелела с тех пор, значит, ее независимость была закономерной и своевременной. На самом деле Албания уцелела лишь потому, что ни один из желавших поглотить ее соседей не оказался намного сильнее других*. Что касается Азербайджана, в 1920 году в Кавказском регионе не было никого сильнее XI Красной армии — не зря после завоевания Азербайджана она двинулась в поход (правда, неудачный) на Персию. Только это, и ничто другое, дает повод для утверждений о «нежизнеспособности» АДР и о «тщетности» тогдашних попыток сформировать азербайджанскую государственность.

Сомнительна и гипотеза политического заказа, с которым скептики связывают появление апологетических работ об АДР.

* Да и то в 1939 году Албания была аннексирована Италией и до поражения последней в 1944 году официально входила в ее состав.

Превозносить Первую республику — означает, хочешь ты того или нет, слегка принижать значение новой азербайджанской государственности, что едва ли входит в задачу руководства страны. Эта государственность досталась Азербайджану настолько нелегко, стоила таких жертв, что менять ее масштаб, быть может, и впрямь неразумно. Люди должны окончательно усвоить, что новый Азербайджан — это уже навсегда, им нужен исторический оптимизм, а воспоминание о падении Первой республики не добавляет оптимизма. Уже поэтому я не верю в поощрение «мифотворчества» сверху. Иное дело — общественный заказ, он не всегда совпадает с государственно-политическим. Интерес к своей истории, особенно к долго замалчивавшейся, естественен. В любой стране общественный заказ порождает, наряду с добросовестными исследованиями (пусть даже окрашенными в цвета политических симпатий и антипатий) и мифотворческие. Что ж, это издержки свободы, и мы все, не забывшие, что такое идеологический контроль, согласны нести эти издержки.

* * *

То, что предисловие к сборнику доверено написать мне, я расцениваю как незаслуженную честь, но и уклониться от нее не посчитал себя вправе. Как знать, быть может мнение русского журналиста, не связанного с Азербайджаном личными узами, не вовлеченного в политику, не имеющего научных амбиций и впрямь окажется объективнее воззрений некоторых профессиональных ученых, слишком укорененных в историческую конкнетику и сегодняшнюю политику.

Небольшое личное отступление. Двадцать лет назад, в конце 1988 года, по рукам ходила самиздатовская статья некоего профессора Максимова (возможно, псевдоним), где ученым языком, с цифрами и таблицами, доказывалось, что России необходимо как можно скорее отделиться от остальных четырнадцати республик СССР, которые только объедают ее. То, что СССР был обречен на распад (хотя и совсем по другим причинам), я понимал

и без самиздатовских текстов, но ускорять этот процесс мне казалось безумием. Вскоре зазвучали другие голоса в том же духе. В мае 1989 года писатель Валентин Распутин с трибуны Съезда народных депутатов СССР вопрошал на всю страну: почему бы России не выйти из Советского Союза, зачем нам такой балласт? Еще год спустя Съезд народных депутатов РСФСР принял (907 голосами из 929) Декларацию о суверенитете России, а правительство РСФСР во главе с Иваном Силаевым взяло сознательный курс на российский сепаратизм. Сокращая выплаты в союзный бюджет, оно отнимало у дотационных республик последний мотив оставаться в составе СССР. Помню, первым в моей жизни текстом, написанным не за пишущей машинкой, а за компьютером, стала статья против этой политики. Пригодилось и сочинение сомнительного профессора. Легче всего его доводы было опровергнуть как раз на примере Азербайджанской ССР. Не требовалось быть крупным знатоком экономической истории, чтобы показать: СССР жил и выжил в свои самые критические периоды во многом благодаря бакинской нефти. Без нее невозможна была индустриализация, без нее невозможна была, страшно произнести, победа в войне. «Второе Баку» в Поволжье и в Сибири стало экономической реальностью лишь в послевоенное время. Уже одно это должно было настроить профессора Максимова (кстати, марксиста, судя по его тексту) на другое отношение к Азербайджану.

Осенью 1990 года статью у меня нигде не приняли и со временем я забыл о ней, а 14 лет спустя случайно нашел. На дворе стояла другая эпоха, Азербайджанская ССР давно стала независимым государством, и все же, перечитав бледные страницы, я решил: статью необходимо довести до российского читателя, только начинаться она должна не с дебатов 1990 года, а с гораздо более ранней даты. Я не раз убеждался, что мои соотечественники мало знают об Азербайджане — гораздо меньше, чем, к примеру, о Грузии или о Латвии (которую они, впрочем, все равно путают с Литвой). А раз так, пусть это будет просто рассказ об очень важной для России стране и ее народе, обращенный к тем,

кто мало что знает об Азербайджане, но хотел бы узнать. Вместе с тем, как нельзя разгадать запутанный сюжет, не прочтя начало и середину книги, так невозможно понять другой народ, не уяснив истоки его проблем, постоянно действующие факторы его истории. Поэтому нельзя начать с 1936 года, с 1920-го, с 1872-го, с 1813-го. Не углубляясь во времена ширваншахов, следовало хотя бы объяснить, как Азербайджан оказался в составе Российской империи. Так родилась статья «Понять другой народ». Она была опубликована в два приема в электронном аналитическом журнале GlobalRus.ru осенью 2004 года, а сейчас с некоторыми исправлениями воспроизводится в настоящем сборнике. Охватывая пятивековой период, она не претендует на научность, но, как я надеюсь, создает небесполезный общий фон для других материалов сборника, анализирующих относительно краткие отрезки времени.

Допускаю, что в каких-то статьях, вошедших в предлагаемый сборник к 90-летию Азербайджанской демократической республики, может быть усмотрена политическая пристрастность, допускаю, что статьи сборника неравноценны, но ни одна из них совершенно точно не порождена государственным заказом. Это добровольное начинание историков и журналистов, посчитавших невозможным пройти мимо такой даты. Достаточно сказать, что хотя в сборнике участвуют преимущественно бакинцы, инициатива по его подготовке и выпуску в свет исходит не из Баку. Эта благородная инициатива принадлежит живущему в Москве дипломату в отставке, члену Международной Федерации журналистов Рамизу Абуталыбову.

Александр Горянин

СОЗДАНИЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ — ПЕРВЫЙ ОПЫТ ПО ВНЕДРЕНИЮ ЕВРОПЕЙСКОЙ МОДЕЛИ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА НА ВОСТОКЕ

Айдын Балаев,
доктор исторических наук

Провозглашение 28 мая 1918 года государственной независимости Азербайджана стало закономерным итогом развития национального движения, зародившегося на рубеже XIX-XX вв. Как свидетельствует исторический опыт, в процессе эволюции национальных движений этапу непосредственной борьбы за политические идеалы всегда предшествует период, характеризующийся доминированием культурно-языковой проблематики.

В этом отношении не составляет исключения и Азербайджан, где в момент зарождения национального движения на рубеже XIX-XX вв. языковые и культурные апелляции были «гораздо более доступными для понимания широких масс, чем заумные политические концепции»¹.

К тому же для возникновения внятной политической программы требуется известный минимум внешних условий, без которых национальный вопрос в полной мере не может развернуться. Образно выражаясь, «для произрастания этого растения нужен определенный политический «климат» — иначе ему придется довольствоваться прозябанием или вовсе заглохнуть навсегда или до перемены климата»².

Соответствующий же политический «климат» в России возник лишь с победой Февральской революции 1917 г., что, в свою очередь, способствовало созданию минимальных условий для политической деятельности на колониальных окраинах империи, чем не преминули воспользоваться национальные силы Азербайджана.

В этом контексте не случайно, что первая политическая программа азербайджанского национального движения была сформулирована и утверждена вскоре после Февральской революции на проходившем с 15 по 20 апреля 1917 года в Баку I Общекавказском мусульманском съезде. Несмотря на то, что на съезде был представлен весь спектр азербайджанских политических сил во всем его многообразии — от исламистов до социалистов, в целом он прошел под знаком доминирования идей партии «Мусават», которая к тому времени уже являлась ведущей силой национального движения в Азербайджане.

Признанием подобной роли партии стал факт, что право выступить по главному вопросу повестки дня съезда, политическому устройству страны, было предоставлено лидеру «Мусават» М.Э. Расулзаде. Именно по его предложению съезд принял решение признать наиболее подходящей формой государственного устройства России «демократическую республику на территориально-федеративных началах». Впервые в истории национального движения было выдвинуто требование предоставить Азербайджану и азербайджанцам национально-территориальную автономию³.

Выдвижение данной идеи стало наглядным проявлением осознания азербайджанцами собственной национальной идентичности, отличной от других мусульманских и тюркских народов.

Дополнительным подтверждением этого факта являются и выступления М.Э. Расулзаде на I Всероссийском мусульманском съезде, проходившем с 1 по 11 мая 1917 г. в Москве. На конкретных примерах он блестяще доказал ошибочность идеи о существовании «единой мусульманской нации», в то время доминировавшей среди представителей политических сил и

интеллигенции мусульманских народов России. Как заявил в своем выступлении с трибуны съезда М.Э. Расулзаде, *«не существует мусульманской нации, а есть нации, исповедующие ислам»*⁴, поскольку *«главным признаком нации является не общность религии, а единство языка, истории, обычаев и традиций»*⁵.

Не ограничившись развенчанием мифа о «мусульманской нации», М.Э. Расулзаде вышел далеко за рамки довольно популярной в тот момент концепции о «единой тюркской нации», фактически отрицавшей национальную самобытность отдельных тюркских народов. Он, в частности, заявил: *«Тюрко-татарские нации имеют общие корни. Вместе с тем, неопровержим и тот факт, что они говорят на отдельных диалектах и отличаются своими особенностями. У поволжских татар сегодня имеется собственная литература, печать, свои писатели и поэты. Узбеки также имеют свою богатую литературу. Начинает развиваться казахская и киргизская пресса. Ни один из этих народов не согласится отказаться от своей сущности. Азербайджанские тюрки также не откажутся от своего языка, литературы и обычаев»*⁶.

Эти глубоко продуманные высказывания М.Э. Расулзаде являются иллюстрацией того, что процесс вычленения азербайджанского самосознания из общемусульманского и общетюркского сознания приобрел необратимый характер. Безусловно, можно спорить о степени зрелости на тот момент национальной идентичности у азербайджанцев, а также о масштабах распространения этого явления среди народных масс. Но ее существование было уже очевидным.

Таким образом, на начальной стадии после Февральской революции стремление ведущих политических сил Азербайджана к созданию собственной государственности увязывалось с планами федерализации России и предоставления Азербайджану национально-территориальной автономии.

Однако развитие политических процессов в бывшей империи очень скоро продемонстрировало невозможность демократического переустройства России и гарантированного обеспечения

национальных прав нерусских народов в рамках единой российской государственности, т.к. Временное правительство, а затем сменившие его у власти большевики проигнорировали все требования угнетенных наций относительно создания национально-территориальных автономий.

При этом если Временному правительству более или менее удавалось обеспечивать мирное развитие политических процессов, то с приходом к власти большевиков произошло резкое обострение ситуации по всей стране. Ставка большевиков на силовые методы в социально-политическом переустройстве государства привела к активизации дезинтеграционных тенденций, спровоцировав процесс отпадения национальных окраин от центра.

Дезинтеграцию страны в начале января 1918 г. ускорил разгон большевиками Учредительного собрания, на которое возлагались большие надежды в урегулировании национального вопроса в России.

В этих условиях 22-23 января 1918 г. в Тифлисе состоялось заседание избранных от Закавказья членов уже бывшего Учредительного собрания. Охарактеризовав обстановку в центре России, как анархию и хаос, политические представители трех закавказских народов приняли решение «организоваться на местах» путем созыва регионального законодательного органа — Закавказского Сейма⁷.

Первое заседание Закавказского Сейма состоялось 10 февраля 1918 г. в Тифлисе. Наиболее крупными фракциями в нем обладали ведущие силы национальных движений закавказских народов — грузинские меньшевики (32 депутата), «Мусават» (30 депутатов) и дашнаки (27 депутатов).

Но существование Закавказского сейма оказалось недолговечным, поскольку с самых первых дней функционирования этого органа стало выявляться несовпадение политических устремлений трех основных его сегментов — грузинского, азербайджанского и армянского. Эти противоречия, в свою очередь, обуславливались множеством факторов исторического, политического, экономического и психологического характера. И устранение их

в экстремальных условиях того времени было абсолютно нереальным, что и послужило главной причиной неудачи национально-государственной программы, намеченной Сеймом.

Не обладая действенными рычагами влияния на происходившие в Закавказье политические процессы, Сейм зачастую занимал в отношении тех или иных важнейших событий позицию стороннего наблюдателя. Это особенно наглядно проявилось в ходе мартовских событий 1918 г., в результате чего от рук большевистско-дашнакских банд только в Баку погибло примерно 12 тыс. мирных азербайджанцев. Созерцательная позиция Сейма в отношении мартовских событий окончательно подорвала доверие азербайджанцев к этому органу.

С другой стороны, мартовские события 1918 года сыграли ключевую роль в изменении стратегических целей Азербайджанского национального движения. После этих событий ведущая сила национального движения — партия «Мусават» взяла курс на полную государственную независимость Азербайджана, поскольку мартовская трагедия продемонстрировала всю иллюзорность надежд на преобразование России под руководством большевиков в цивилизованное демократическое государство. Оказавшись перед лицом реальной угрозы национальному существованию, и другие азербайджанские партии вынуждены были поддержать линию «Мусавата».

Обреченность Закавказского Сейма была предрешена. Ситуацию не спасло даже провозглашение 22 апреля 1918 г. независимости Закавказской федеративной республики, на чем с самого начала деятельности Сейма настаивали представители азербайджанской фракции. В конечном итоге, отсутствие сплачивающей идеи сделало невозможным совместное сосуществование трех закавказских народов в рамках единого государственного образования.

26 мая 1918 г. Закавказский Сейм принял решение о своем самороспуске, тем самым санкционировав национально-государственное размежевание закавказских народов. В тот же день — 26 мая — была провозглашена независимость Грузии.

Роспуск Закавказского Сейма и провозглашение независимости Грузии создали реальную угрозу возникновения вакуума власти на территории Азербайджана. Для обсуждения путей выхода из создавшейся ситуации азербайджанские депутаты 27 мая 1918 г. собрались на чрезвычайное заседание. Учитывая серьезность момента, «собрание всех бывших членов Закавказского Сейма — азербайджанцев единогласно решило взять на себя бремя правления Азербайджаном, провозгласив себя Временным Национальным Советом Азербайджана»⁸. Председателем Национального Совета в ходе тайного голосования был избран М.Э. Расулзаде.

28 мая 1918 г. на заседании Национального Совета было принято решение о незамедлительном провозглашении независимости Азербайджана. Участники заседания 24 голосами при 2-х воздержавшихся утвердили текст «Акта о независимости Азербайджана», где провозглашалось создание Азербайджанской Демократической Республики (АДР). Вслед за тем был утвержден состав первого национального правительства во главе с Ф.Х. Хойским⁹.

30 мая 1918 г. внешнеполитические ведомства всех основных мировых держав были проинформированы о создании АДР, первой республики в истории всего мусульманского Востока¹⁰.

Безусловно, провозглашение независимости явилось восстановлением исторической справедливости и реализацией естественного права азербайджанского народа на собственную государственность. Но при этом следует признать, что в момент провозглашения 28 мая 1918 г. независимость Азербайджана имела, в значительной степени, декларативный характер. К тому же это историческое решение было принято за границами самого Азербайджана.

Для наполнения государственной независимости реальным содержанием еще предстояло обеспечить переезд национального правительства из Тифлиса в пределы страны и установить его юрисдикцию над всей территорией Азербайджана, значительная часть которой, включая столицу Баку, в то время находилась

под контролем большевистских сил. Необходимо было также ликвидировать очаги сепаратизма в различных регионах Азербайджана, угрожающих самому существованию молодой республики, создать дееспособную систему государственной власти, призванной решить первоочередные задачи национального возрождения. Кроме того, национальному правительству предстояло добиться признания независимости Азербайджана со стороны мирового сообщества, и, в первую очередь, союзных держав.

Между тем, сразу же после провозглашения независимости над молодой Азербайджанской республикой нависла смертельная угроза, поскольку в первых числах июня 1918 г. началось наступление вооруженных сил Бакинского совета в направлении Гянджи. Учитывая, что именно в Гянджу из Тифлиса собиралось переехать национальное правительство, целью этого наступления являлось уничтожение зарождающейся азербайджанской государственности.

Принимая во внимание все эти обстоятельства, Азербайджанское правительство для обеспечения безопасности населения и восстановления порядка в стране вынуждено было 12 июня 1918 года в полном соответствии с международным правом обратиться за военной помощью к Турции. И, выполняя свои обязательства по турецко-азербайджанскому договору от 4 июня 1918 г., Стамбул незамедлительно оказал военную помощь азербайджанской стороне.

Во многом благодаря именно турецкой помощи удалось приостановить продвижение большевистских войск к Гяндже. Решающая битва между войсками Бакинского Совета и турецко-азербайджанскими силами произошла под Геокчаем и продолжалась четыре дня — с 27 июня по 1 июля 1918 г. Она завершилась разгромом большевиков, после чего стратегическая инициатива на фронте полностью перешла в руки национальных сил.

Следует отметить, что в начальный период своего существования молодая республика сталкивалась не только с внешними, но и серьезными внутренними вызовами. Так, в тот период

определенной популярностью среди части населения пользовались т.н. «илхагисты» — сторонники присоединения Азербайджана к Турции. Основной костяк «илхагистов» составляли буржуазно-помещичьи и клерикальные круги Азербайджана, которые не без основания опасались укрепления позиций Национального Совета.

При этом «илхагистов» тревожила не столько сама идея независимости Азербайджана, как таковая, сколько планы Национального Совета по кардинальной реорганизации политической системы страны на основе демократических принципов. Призывы членов Национального Совета к скорейшей реализации широких демократических свобод, необходимости отделения церкви от государства, проведению аграрной реформы, предоставлению женщинам равных с мужчинами гражданских прав и др. рассматривались этими кругами в качестве прямой угрозы своим привилегиям. Путем слияния Азербайджана с Турцией они пытались помешать осуществлению планов Национального Совета.

Имея в виду именно эти круги, М.Э.Расулзаде впоследствии подчеркивал, что *«турки пришли к нам как воины, для защиты народа. Это верно. Но среди нас были свои беки и паши, которые стремились к тому, чтобы здесь управлял Стамбул»*¹¹.

Отсутствие крепких традиций национальной государственности, низкий уровень политического сознания и культуры у значительной части населения, а также имидж турков, как «спасителей» Азербайджана, являлись дополнительными факторами, способствовавшими успеху пропагандистской деятельности «илхагистов».

Положение сторонников азербайджанской независимости еще больше осложнялось тем обстоятельством, что «илхагистам» симпатизировал командующий турецкими войсками в Азербайджане Нури-паша. Это было обусловлено тем, что для тогдашних правящих кругов Османской империи была абсолютно неприемлемой приверженность азербайджанских лидеров к демократическим идеалам российской революции и светской модели государства.

К тому же Нури-паша был братом по отцу одного из наиболее радикально настроенных в отношении т.н. «восточных территорий» турецких руководителей — Энвер-паши и активным проводником в жизнь его политической программы, предусматривающей интеграцию всех тюркских народов Кавказа и Средней Азии в состав Османской империи.

Еще в ходе Трапезундских переговоров Энвер-паша настоятельно рекомендовал азербайджанским представителям согласиться на государственный союз Азербайджана с Турцией наподобие Австро-Венгрии. Но данное предложение было отвергнуто азербайджанской стороной, поскольку фактически означало аннексию Азербайджана Турцией¹².

Неудивительно, что приверженность азербайджанских лидеров «лозунгу независимого Азербайджана» воспринималось этими политическими кругами Османской империи, как проявление чуть ли не враждебного отношения к «интересам Турции и тюркского единства»¹³.

В силу этих причин, переехав 16 июня 1918 г. из Тифлиса в Гянджу, Национальный Совет и Азербайджанское правительство сразу же натолкнулись на крайне враждебное отношение Нури-паши. Обладавший реальной властью в городе Нури-паша публично выразил недоверие Национальному Совету и сформированному им правительству, тем самым спровоцировав серьезный политический кризис. Он потребовал роспуска Национального Совета, после чего намеревался «по своему усмотрению организовать новое правительство»¹⁴.

Подобные разногласия между Национальным Советом и турецким командованием фактически являлись отражением «борьбы между демократическими течениями и консервативными силами вокруг проблемы государственного устройства Азербайджана»¹⁵.

Азербайджанские лидеры оказались в весьма затруднительном положении. С одной стороны, они прекрасно осознавали, что собственными силами без внешней поддержки им не удастся защитить национальную независимость. В тогдашних условиях

такой силой могла быть только Турция, которая, несмотря на субъективные устремления тех или иных турецких руководителей, в отношении тюркских народов Кавказа и Центральной Азии выполняла ту же освободительную миссию, что и Россия на Балканах.

Но, с другой стороны, предложение Нури-паши было неприемлемым для азербайджанских лидеров, т.к. фактически означало отказ от идеи независимости страны. Лишь прагматизм руководства Национального Совета, его умение пойти на разумные компромиссы, не затрагивающие фундаментальные принципы государственной независимости, позволили найти консенсус с турецким командованием и с наименьшими потерями преодолеть острейший политический кризис.

По взаимному согласию сторон, 17 июня 1918 г. Национальный Совет Азербайджана принял решение о самороспуске. Но перед этим было сформировано второе правительство республики во главе с Ф.Х. Хойским, и приняты резолюции, определявшие его полномочия и обязанности. Согласно этому документу, новое правительство не имело право «отменить государственную независимость Азербайджана»¹⁶.

Безусловно, июньский кризис 1918 г. привел к усилению позиции «илхажистов» в стране и их влияния на принимаемые правительством решения. Но «илхажистам» так и не удалось добиться своей главной цели — присоединения Азербайджана к Турции.

Эти события лишний раз демонстрируют всю лживость доминировавших в советской историографии утверждений о том, что якобы «мусаватисты были врагами независимости азербайджанского народа», стремились «включить Азербайджан в состав Османской империи, и тем самым, полностью обезопасить себя от революции»¹⁷.

Несмотря на все эти коллизии в турецко-азербайджанских взаимоотношениях, обусловленных несовпадением в тот период стратегических целей азербайджанского национального движения и турецких правящих кругов, объективно турецкая помощь

Азербайджану носила прогрессивный характер, т.к. способствовала защите и укреплению зарождающейся азербайджанской государственности. Кроме того, Турция оказала неоценимую услугу в сфере военного строительства — в создании первых боевых частей азербайджанской армии.

Именно благодаря этой поддержке, объединенным турецко-азербайджанским силам удалось 15 сентября 1918 г. освободить Баку от войск т.н. «Диктатуры ЦентрОКаспия». И уже 17 сентября 1918 г. национальное правительство во главе с Ф.Хойским переехало из Гянджи в столицу Азербайджана Баку.

Отмечая значимость данного события, газета «Азербайджан» писала: «Если дату 28 мая мы считаем официальным днем провозглашения нашей независимости, то день 15 сентября, день вступления азербайджанских войск и Азербайджанского правительства в Баку, можно считать днем закладки фундамента и главных основ государственного организма»¹⁸.

Впрочем, стремительная развязка событий на фронтах Первой мировой войны вскоре поставила Азербайджан перед очередным серьезным испытанием. Потерпев поражение в войне, Турция 30 октября 1918 г. подписала Мудросское перемирие с державами Антанты. Согласно условиям перемирия, она должна была вывести свои войска из Закавказья, которое объявлялось сферой влияния Великобритании¹⁹.

Англичане же, призванные заменить турков в регионе, не питали особых симпатий к азербайджанским лидерам и деклариремым ими целям. В силу этого, первые контакты с англичанами не давали особого повода для оптимизма сторонникам азербайджанской независимости. Так, встречаясь с представителями Азербайджана в начале ноября 1918 г. в Энзели, главнокомандующий британскими войсками в Иране генерал В.М. Томсон прямо заявил, что «не существует республики, родившейся согласно всеобщему желанию азербайджанского народа, имеется только правительство, организованное интригой турецкого командования». Правда, в ответ на возражение азербайджанских представителей, В.М. Томсон обещал по прибытии в Баку

со всеми проблемами разобраться на месте и «вынести соответствующее решение»²⁰.

Тем не менее, в воззвании генерала Томсона к населению города, обнародованном после его прибытия в Баку 17 ноября 1918 года, слово «Азербайджан» даже не упоминалось. Из содержания этого воззвания проистекало, что англичане рассматривают Кавказ и Азербайджан как часть России.

В такой сложной политической обстановке Национальный Совет Азербайджана 16 ноября 1918 г. после пятимесячного перерыва вновь возобновил свою деятельность в Баку. На этом заседании члены Национального Совета высказались за создание коалиционного правительства.

Это был достаточно сильный политический ход азербайджанских лидеров, если учесть, что создание коалиционного правительства в стране являлось одним из главных требований английского командования. Именно этот шаг, в значительной степени, способствовал налаживанию плодотворного сотрудничества между национальными силами Азербайджана и англичанами.

Причем готовность азербайджанских лидеров к созданию коалиционного правительства проявилась не только в декларативных заявлениях, но и в практических шагах Национального Совета.

Одним из таких шагов стало принятие Национальным Советом 19 ноября 1918 г. «Закона об образовании азербайджанского парламента»²¹. Этот документ предусматривал специальные квоты в парламенте представителям основных нацменьшинств — русских, армян, поляков, грузин, евреев и немцев, строго пропорционально их удельному весу в составе населения Азербайджана.

Вслед за принятием данного закона, 24 ноября 1918 г. Национальный Совет Азербайджана выступил с новым компромиссным предложением. Пытаясь привлечь представителей Русского Национального Совета к участию в работе парламента и правительства, азербайджанские лидеры даже не настаивали на немедленном признании с их стороны независимости Азербайджана.

Они предлагали оставить решение этого вопроса на рассмотрение Парижской мирной конференции²².

Однако Русский Национальный Совет, скороспело возомнивший себя хозяином положения в городе, отказался делегировать своих представителей в парламента и потребовал передать всю полноту власти в городе этой структуре. Возможно, что англичане готовы были удовлетворить даже это требование русских лидеров. Но, окончательно потеряв чувство реальности, Русский Национальный Совет выдвинул новые требования, реализация которых фактически означала бы реанимацию политики репрессий в отношении азербайджанцев в духе трагических событий марта 1918 г.

Принятие этих условий могло привести к новой эскалации межнациональной напряженности, что шло вразрез с планами англичан, стремящихся к стабилизации ситуации в регионе. Поэтому при всей симпатии англичан к русским они не могли принять подобные требования Русского Национального Совета.

Жесткая позиция лидеров Русского Национального Совета, в конечном итоге, привела к расколу этой организации. Часть его членов, выразив свое несогласие с позицией руководства Русского Национального Совета, покинула его ряды. Они создали т.н. Русско-Славянское общество, которое, хотя и отказалось признать независимость Азербайджана, все же согласилось делегировать своих представителей в парламента.

На фоне непомерных амбиций и нереальных требований руководства Русского Национального Совета, ставшего камнем преткновения на пути создания коалиционной власти в Азербайджане, конструктивная позиция азербайджанских лидеров не могла не импонировать англичанам.

К тому же дальнейшее затягивание с формированием коалиционного правительства грозило дестабилизацией ситуации. Именно с этого момента начинается постепенное сближение между англичанами и Национальным Советом Азербайджана, что позволило национальным силам 7 декабря 1918 г. провести первое заседание Азербайджанского парламента.

Открывая первое заседание Азербайджанского парламента, председатель Национального Совета М.Э. Расулзаде, в частности, сказал: *«На мою долю выпало великое счастье — открыть заседание первого Азербайджанского парламента, члены которого призваны служить делу реализации идеи свободного и самостоятельного существования сынов своей родины... Наше отделение от России не является враждебным актом по отношению к России. Мы не чувствовали обиды от русского народа, который не меньше нас страдал под гнетом деспотизма. Мы желаем видеть в России государство, основанное на демократических началах. Мы любим Россию, но любим и свою независимость. Мы не хотим жить под игом давления, ибо счастье жизни — в свободе. Поднятое нами знамя свободы не должно спуститься»*²³.

На первом же заседании председателем парламента был избран А.М. Топчибашев, а его заместителем Г. Агаев.

На начальном этапе своей деятельности Азербайджанский парламент состоял из 97 депутатов, представлявших все основные политические силы страны, за исключением Русского Национального Совета. Самую крупную парламентскую фракцию образовали представители «Мусават» совместно с группой беспартийных деятелей (38 чл.). Партия «Иттихад» имела в парламенте 13 членов, «Эхрар» — 7, фракция социалистов, состоящая из представителей меньшевистского «Гуммет» и Мусульманского социалистического блока — 13, Русско-Славянское общество — 4, партия «Дашнакцутюн» — 7. По 4 представителя имели фракции национальных меньшинств и армянской общины. Кроме того, в парламенте действовали фракции «беспартийных» и «внепартийных», в последнюю входили такие известные политические деятели Азербайджана, как А.М. Топчибашев и С. Мехмандаров. Член парламента А. Эфендиев не вошел ни в одну фракцию²⁴.

В ответ на создание Азербайджанского парламента силы, сгруппировавшиеся вокруг Русского Национального Совета, в середине декабря 1918 г. предприняли неудачную попытку

насилованного захвата власти в Баку, что окончательно дискредитировало их в глазах английского командования.

Тем временем, после продолжительных консультаций 26 декабря 1918 г. парламент утвердил состав нового кабинета министров Азербайджана во главе с Ф.Х. Хойским. В состав правительства в качестве министров финансов, здравоохранения и продовольствия вошли трое членов Русско-Славянского общества.

После формирования нового правительства генерал В.М. Томсон 28 декабря 1918 года выступил с декларацией следующего содержания: «Ввиду образования коалиционного Азербайджанского правительства под председательством Ф.Х. Хойского, объявляю, что союзное командование будет оказывать полную поддержку этому правительству, как единственной местной законной власти в пределах Азербайджана»²⁵.

Прибывший 22 января 1919 г. в Баку главнокомандующий союзными войсками в Закавказье генерал Дж. Мильтон во время встречи с премьер-министром Ф.Х. Хойским еще раз подтвердил, что «английское правительство признает правительство Азербайджана, как единственную легальную власть на территории Азербайджана, что эта власть будет поддержана союзным командованием всеми способами»²⁶.

Это позволило Азербайджанскому правительству сконцентрировать свои усилия непосредственно в строительстве дееспособных государственных органов власти. Причем основатели республики во главе с М.Э. Расулзаде прекрасно осознавали, что сильное и действительно независимое национальное государство можно создать, только опираясь на демократические ценности.

В силу этого, в программе строительства азербайджанской государственности задачи национального освобождения органически увязывались с одновременным осуществлением демократических преобразований в обществе. При этом вся практика государственного строительства в 1918-1920 гг. свидетельствует о том, что для азербайджанских лидеров демократические лозунги носили не декларативный характер, а являлись программой практических действий.

По форме правления Азербайджанская республика была классическим примером парламентской республики, опирающейся на политический плюрализм и многопартийность. Именно парламент являлся ведущей ветвью государственной власти, определяя функции всех остальных государственно-правовых институтов страны. Исполнительная ветвь государственной власти — правительство — формировалось парламентом, и было ответственным перед ним.

В АДР на практике был реализован принцип разделения властей. Так, одним из первых решений Азербайджанского парламента стал закон, запрещавший членам парламента занимать должности в исполнительных структурах. Подобное совмещение должностей разрешалось только министрам. В «Законе о несовмещении государственной службы с членством в парламенте», в частности, отмечалось: *«Члены парламента, несшие должности по другим государственным учреждениям и проживающие в г. Баку, в течение трех дней, а иногородние — десяти, должны представить в канцелярию парламента документы об оставлении ими государственной службы. В противном случае, они лишаются как должности, так и права представительства в парламенте»*²⁷.

Основатели республики придерживались секуляристских взглядов. Еще до образования АДР, выступая в октябре 1917 г. на I съезде «Мусавата», М.Э. Расулзаде заявил: *«Духовенство не должно заниматься политикой и в политической борьбе мечеть должна быть нейтральна»*²⁸. Поэтому неудивительно, что Азербайджан стал практически первым светским государством мусульманского Востока, в котором церковь была отделена от государства, а религия объявлена личным делом граждан страны.

Принятое 21 июля 1919 г. «Положение о выборах» устанавливало демократическую процедуру выборов в Учредительное собрание путем равного, прямого и тайного голосования. «Положение» предоставляло женщинам равные с мужчинами избирательные права²⁹. Между тем, в тот период принцип гендерного равноправия в избирательной сфере еще не был реализован во

многих европейских государствах, не говоря уже о мусульманском Востоке.

В АДР были созданы также все условия для практической реализации принципов свободы слова. «Устав о печати» запрещал всякую цензуру в печати, а для основания периодических изданий достаточно было подать заявление о своем намерении на имя главного инспектора по делам печати. Печатный орган мог быть привлечен к ответственности только по решению суда и только в случае совершения преступлений, предусмотренных действующим уголовным законодательством³⁰.

Был реализован и принцип равенства граждан, независимо от их национальной, политической, религиозной, социальной и половой принадлежности. В основу «Закона об азербайджанском гражданстве» был положен принцип происхождения. Азербайджанскими гражданами считались все подданные бывшей Российской империи, без различия национальности и вероисповедания, которые сами, или их родители родились на территории Азербайджанской республики³¹.

Стержневым принципом национальной политики государства являлось положение о том, что Азербайджан — общая родина всех живущих на его территории граждан, независимо от их национальной принадлежности. В этой связи основатель республики М.Э.Расулзаде писал: *«...то, что азербайджанские турки составляют большинство населения страны, не дает им никаких преимуществ перед остальными этническими группами, наоборот, этот факт накладывает на них дополнительную ответственность по поддержанию межэтнического согласия»*³².

В Азербайджане действовали десятки общественно-политических и культурно-просветительских организаций русских, армян, евреев, грузин, немцев, поляков, греков, латышей, эстонцев и др. национальных меньшинств. А в парламенте, как уже было отмечено, интересы некоренного населения представляли четыре фракции — армянской общины, Русско-Славянского общества, партии «Дашнакцутюн» и других национальных меньшинств.

Следует отметить, что даже не прекращающиеся внешние угрозы не заставили азербайджанских лидеров отказаться от этих демократических преобразований. Между тем, ситуация на границах страны практически в течение всего периода существования АДР продолжала оставаться напряженной. Особенно серьезная угроза для независимости Азербайджана возникла весной 1919 г. в связи с захватом частями Добровольческой армии Деникина городов Петровск (ныне Махачкала) и Дербент.

Хотя представители Деникина заверяли, что «по отношению к Азербайджану никаких агрессивных действий предпринимать не собираются, а допускают и признают его самостоятельность»³³, но в правительстве были прекрасно осведомлены, что их истинной целью является ликвидация всех независимых государственных образований в Закавказье, в том числе Азербайджанской Республики.

Азербайджанская сторона вынуждена была предпринять ответные меры. По рекомендации парламента 9 июня 1918 г. был образован особый орган — Комитет Государственной обороны, который объявил на всей территории Азербайджана военное положение³⁴. Одновременно 27 июня 1919 г. было заключено военно-оборонительное соглашение между Грузией и Азербайджаном³⁵, направленное против возможной агрессии со стороны Деникина. Ответом Деникина на заключение оборонительного союза стало объявление экономической блокады Грузии и Азербайджана.

Тем не менее, вмешательство англичан преградило путь дальнейшему разрастанию конфликта. При их непосредственном участии была установлена демаркационная линия между Добровольческой армией Деникина и Азербайджаном, проходившая в пяти милях южнее Петровска. И Деникину с его армией было запрещено пересекать эту линию³⁶.

Немалых успехов удалось добиться в отстаивании территориальной целостности республики и нейтрализации различных сепаратистских движений. Как отмечал М.Э. Расулзаде, «Ленкоранский уезд, находившийся под игом русских бунтовщиков,

был возвращен матери-родине. С карабахскими армянами, которые даже во время пребывания турок не хотели подчиниться, пришли к соглашению и заставили их признать Азербайджанское правительство. Была обеспечена административная принадлежность Нахичевани к Азербайджанской Республике»³⁷.

Многие аспекты политики, проводимой Азербайджанским правительством в Нагорной части Карабаха, не потеряли своей значимости и в наши дни. Как известно, с момента своего возникновения в мае 1918 г. дашнакская Армения заявила о своих притязаниях на такие исконно азербайджанские земли, как Зангезур, Нахичеван и Нагорная часть Карабаха.

С целью поддержки подрывной деятельности сепаратистских сил в этих азербайджанских регионах правительством Армении выделялись значительные финансовые средства. Только в Нагорную часть Карабаха ежемесячно направлялось более 400 тысяч рублей. На этой территории под контролем эмиссаров из Армении велась усиленная работа по организации повстанческих отрядов, единственной целью которых являлась борьба против Азербайджанской государственности³⁸.

Учитывая непрекращающееся вмешательство армянской стороны во внутренние дела АДР, азербайджанское правительство 15 января 1919 года приняло решение о создании Карабахского генерал-губернаторства в составе Джеванширского, Шушинского, Джебраильского и Зангезурского уездов³⁹.

29 января 1919 года временным генерал-губернатором Карабаха был назначен Хосров бек Султанов. Несмотря на все протесты правительства Армении, 12 февраля 1919 года Х. Султанов прибыл в Шушу и приступил к исполнению своих обязанностей, что было встречено с большим облегчением и надеждами со стороны населения⁴⁰.

3 апреля 1919 года было обнародовано заявление представителя союзного командования на Южном Кавказе Шательворта, в котором подчеркивалось, что до окончательного решения вопроса Карабаха на Парижской мирной конференции, этот

регион остается в составе Азербайджана, и союзное командование признает администрацию Х. Султанова единственной законной властью в Карабахе⁴¹.

Деятельность Х. Султанова привела к постепенной нормализации взаимоотношений армянской и азербайджанской общин Карабаха. Подтверждением тому является достижение временного соглашения с армянами Карабаха. Так, состоявшийся 15 августа 1919 года VII съезд армян Карабаха принял решение о признании региона «временно в пределах Азербайджанской Республики» до окончательного решения этой проблемы на Парижской мирной конференции⁴².

Несмотря на непростую политическую ситуацию, в АДР значительное внимание уделялось национально-культурному строительству. Даже авторы, которых трудно заподозрить в особых симпатиях к АДР и ее основателям, признают, что реализованная в тот период национализация системы образования являлась одним из основных достижений «правительственной политики АДР»⁴³. Начало же этому процессу положило постановление правительства от 27 июня 1918 г. о признании государственным языком азербайджанского языка⁴⁴. Данное решение способствовало значительному расширению областей применения азербайджанского языка и развитию школьного образования на этом языке.

С целью подготовки национальных кадров были заложены основы высшего образования в Азербайджане. Так, 1 сентября 1919 г. было учреждено первое высшее учебное заведение страны — Бакинский университет. Парламентом был принят также закон об образовании сельскохозяйственного института. Кроме того, для получения высшего образования по различным специальностям — от архитектуры до кораблестроения, — примерно 100 студентов-азербайджанцев за счет государства были направлены в лучшие европейские университеты.

В марте 1919 г. впервые на мусульманском Востоке была создана на государственном уровне специальная комиссия для перевода азербайджанской письменности с арабской — на латинскую графику⁴⁵.

Указанные факты свидетельствуют о том, что в период существования АДР в стране было построено общество, обладающее широким спектром демократических свобод и политического плюрализма. Демократизм этого общества особенно ярко выделялся на фоне соседних мусульманских стран, где в то время все еще господствовал восточный деспотизм со всеми его атрибутами. Таким образом, в исследуемый период Азербайджан по уровню общественно-политического развития намного опережал соседние мусульманские государства.

Тем временем, в конце лета 1919 г. в политической жизни Азербайджана произошло знаменательное событие. Во второй половине августа 1919 г. английские войска окончательно покинули республику, которая отныне должна была существовать как совершенно независимое суверенное государство. И Азербайджанская Республика с честью вышла из этого серьезного испытания. Ни большевистских выступлений, ни погромов или тому подобных «потрясений», ни всеобщего «крушения», как предсказывали недруги азербайджанской независимости, не произошло. После ухода англичан государственный аппарат продолжал функционировать в таком же нормальном режиме, как и во время их пребывания в Азербайджане.

Однако, несмотря на все успехи, достигнутые в деле государственного строительства и демократизации общества, для окончательной реализации «Акта о независимости Азербайджана» необходимо было добиться признания Азербайджанской Демократической Республики со стороны мирового сообщества.

Как известно, судьба всех новообразовавшихся государств должна была решиться на Парижской мирной конференции. Именно с целью защиты интересов Азербайджана на этой конференции 28 декабря 1918 г. была образована азербайджанская мирная делегация, «в составе председателя парламента А.М. Топчибашева, члена правительства М.Г. Гаджинского, членов парламента А. Агаева и А. Шейхульисламова»⁴⁶.

Эта делегация сыграла немаловажную роль в том, что 11 января 1920 года Верховный Совет Союзных Держав единогласно

принял решение о признании де-факто независимости Азербайджана.

Данное решение позволило Азербайджанскому правительству значительно расширить географию своей внешнеполитической деятельности. В частности, 22 апреля 1920 г. парламент принял решение об учреждении дипломатических миссий Азербайджана в Великобритании, Италии, Германии, Швейцарии, Франции, Польше, США и России⁴⁷. К сожалению, из-за последовавшей вскоре после принятия этого закона оккупации страны большевиками, правительству не удалось выполнить данное решение парламента.

Международное признание АДР совпало с резким обострением ситуации у северных границ страны. К середине апреля 1920 г. части Красной армии, разбив остатки денкинских войск, вышли к границам Азербайджана. Попытки азербайджанской стороны разрядить ситуацию дипломатическим путем не увенчались успехом.

Глава внешнеполитического ведомства России Г.В. Чичерин даже не счел нужным ответить на ноту своего азербайджанского коллеги Ф.Х. Хойского от 15 апреля 1920 г. В ней выражалась обеспокоенность азербайджанского правительства в связи «с концентрацией значительных войсковых сил Российского Советского правительства»⁴⁸, что было явным признаком подготовки большевиками интервенции в Азербайджан.

Необходимо отметить, что перед вторжением в Азербайджан большевики тесно координировали свои действия с дашнакским правительством Армении, которое за свои «услуги» большевикам надеялось в качестве «подарка» получить часть азербайджанских земель. Именно с благословения большевиков 22 марта 1920 г. — в день главного национального праздника азербайджанцев — Новруз байрамы — армянские сепаратисты напали на Ханкендинский гарнизон азербайджанских войск, что послужило сигналом для начала антиправительственного мятежа на всей территории Нагорной части Карабаха.

В отличие от нынешнего карабахского конфликта, тогдашнему

Азербайджанскому правительству удалось быстро локализовать и подавить мятеж, но для этого пришлось перебросить практически все боеспособные части азербайджанской армии в Карабах. В результате чего, непосредственно перед большевистской интервенцией, северные границы Азербайджанской Республики оказались практически оголены.

Одновременно, следуя заранее согласованному плану, местные коммунисты воспользовались дашнакским мятежом, как поводом для обращения к большевистской России за военной помощью, необходимой, по их мнению, для наведения порядка и спокойствия в Азербайджане. И уже 27 апреля части Красной армии перешли азербайджанскую границу, а затем оккупировали всю территорию страны.

Несмотря на падение АДР по причине внешней агрессии, захватившим власть в Азербайджане большевикам не удалось перечеркнуть все достижения периода национальной независимости 1918-1920 гг. И, в первую очередь, они вынуждены были считаться с тем фактом, что Азербайджан стал реальностью на политической карте мира. Поэтому большевики вынуждены были отказаться от планов расчленения азербайджанских земель между соседними республиками и согласиться с существованием Азербайджана в качестве союзной республики в составе СССР.

Историческое значение создания АДР заключается в том, что эта республика была, по сути, первой попыткой реализации европейской модели национального государства на мусульманском Востоке. Как известно, европейские народы прошли эту стадию исторического развития еще в XIX в., а на Востоке миссия стать первопроходцами этого процесса выпала на долю азербайджанских лидеров.

В этой связи нельзя не подчеркнуть и то обстоятельство, что основатели АДР во главе с М.Э. Расулзаде на несколько лет опередили создателя современной Турции Ататюрка, поскольку идеи, которыми впоследствии руководствовался первый турецкий президент, были сформулированы и реализованы ими в

Азербайджане в 1918-1920 гг. Причем, в отличие от Ататюрка, опиравшегося в строительстве национального государства исключительно на авторитарные методы, азербайджанские лидеры придерживались демократических принципов. В данном контексте азербайджанских лидеров периода 1918-1920 гг., в какой-то степени, можно считать провозвестниками Ататюрка.

Примечания:

1. Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе. Нации и национализм. М., 2002, с. 137.
2. Авалов З. Национальный вопрос на Кавказе. — Русская мысль, 1911, №12, с.83.
3. Каспий, 1917, 21 апреля.
4. Rusyada Birinci Musluman kongresi. Ankara, 1990, с.298.
5. Там же, с.164.
6. Там же, с.166.
7. Ментешашвили А.М. Победа советской власти в Грузии и ее освещение в немарксистской историографии — Революция и народы России. М., 1989, с.40.
8. Государственный архив Азербайджанской Республики (далее — ГААР), ф.970, оп.1, ед. хр. 1, л.47.
9. ГААР, ф.970, оп.1, ед. хр.4, л.3.
10. ГААР, ф.970, оп.1, ед. хр.5, л.1.
11. Азербайджан, 1919, 12 февраля.
12. Балаев А. Азербайджанское национальное движение в 1917-1918 гг., Баку, 1998, с.208.
13. Расулзаде М.Э. О пантуризме. Оксфорд, 1985, с.71.
14. Мамедзаде М.Б. Азербайджанское национальное движение. Баку, 1992, с.99 (на азерб. яз.).
15. Расулзаде М.Э. Азербайджанская республика. Баку, 1990, с.40 (на азерб. яз.).
16. ГААР, ф.894, оп.10, ед. хр. 149, л.89.
17. Токаржевский Е.А. Из истории иностранной интервенции и гражданской войны в Азербайджане. Баку, 1957, с.83.

18. Азербайджан, 1919, 15 сентября.
19. Дипломатический словарь. т.П. М., Наука, 1985, с.255.
20. ГААР, ф.894, оп.10, ед. хр.148, л.44.
21. ГААР, ф.894, оп. 10, ед. хр. 169, л.19-20.
22. ГААР, ф.895, оп.1, ед. хр.11, л.12.
23. Азербайджан, 1918, 10 декабря.
24. ГААР, ф.895, оп.1, ед. хр.18, л.1-2.
25. Азербайджан, 1918, 29 декабря.
26. Азербайджан, 1919, 25 января.
27. Азербайджан, 1919, 28 января.
28. ГААР, ф.894, оп.10, ед. хр.60, л.12.
29. ГААР, ф.970, оп.1, ед. хр.212, л.1.
30. ГААР, ф.894, оп.3, ед. хр.294, л.43.
31. ГААР, ф.895, оп.3, ед. хр.92, л.31.
32. Балаев А. Азербайджанское национальное движение в 1917-1918 гг. с.255.
33. ГААР, ф.970, оп. 1, ед. хр. 166, л.3.
34. Азербайджан, 1919, 20 июня.
35. ГААР, ф.970, оп.1, ед. хр. 87, л. 31.
36. ГААР, ф.970, оп.1, ед. хр.166, л.2.
37. ГААР, ф.894, оп.10, ед. хр. 148, л.56.
38. Государственный архив политических партий и общественных движений Азербайджанской Республики (ГАППОДАР), ф.277, оп.2, ед. хр.58, л.4.
39. ГААР, ф.894, оп.2, ед. хр.81, л.49.
40. ГААР, ф.970, оп.1, ед. хр.247, л.10.
41. ГААР, ф.970, оп.1, ед. хр.62, л.66.
42. Знамя труда, 1919, 26 августа.
43. Волхонский М., Муханов В. По следам Азербайджанской Демократической Республики. М., 2007, с.221.
44. Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920). Законодательные акты. Баку, 1998, с.201.
45. Балаев А. Этноразноязыковые процессы в Азербайджане в XIX XX вв. Баку, 2005, с.70.
46. Азербайджан, 1918, 31 декабря.
47. ГААР, ф.895, оп.3, ед. хр. 314, л.45.
48. ГААР, ф.970, оп.1, ед. хр. 204, л.1.

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ НА ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Джамиль Гасанлы,
доктор исторических наук, профессор

Первый год независимого существования Азербайджанской республики был годом упорной борьбы и тяжелых испытаний.

В то время как правительство пыталось решать внутренние проблемы, связанные с многочисленными политическими и социально-экономическими трудностями, азербайджанские дипломаты вели ожесточенную борьбу за получение признания и поддержки со стороны собравшихся в Париже держав-победительниц.

Азербайджанский парламент утвердил делегацию для участия в Парижской мирной конференции в следующем составе: А. Топчибашев — председатель, М.Г. Гаджинский — заместитель председателя, члены делегации — А.А. Шейхульсламов, А. Агаев и советники М. Магеррамов и Дж. Гаджибеков. Делегация Азербайджана была наделена дополнительными полномочиями для «...подготовки общественного мнения цивилизованных стран Европы и Америки в направлении, наиболее благоприятствующем установлению коммерческих контактов с деловыми кругами этих стран».

18 января 1919 года азербайджанские дипломаты выехали в Стамбул, где должны были получить визы, и 20 января 1919 года отправиться в Париж. Однако после прибытия в Стамбул делегация вынуждена была задержаться там до конца апреля 1919 года, так как английское командование чинило всяческие

препятствия, чтобы не допустить азербайджанцев к участию в Парижской мирной конференции.

Представители англо-французского командования арестовали члена азербайджанской делегации Ахмед бека Агаева, «по обвинению в принадлежности к утопизму, в журнальных и парламентских выступлениях против Антанты» и пр. Все попытки главы азербайджанской делегации А. Топчибашева освободить А. Агаева не дали никаких результатов, во внимание не была принята даже доверенность, выданная генерал-губернатором Баку и его районов Томсоном на имя А. Агаева.

Из стамбульских донесений главы делегации Алимардан бека Топчибашева видно, какую титаническую работу ему пришлось проделать для получения визы на въезд в Париж. Но только к середине мая азербайджанским дипломатам удалось приехать во Францию, а это было слишком поздно для того, чтобы провести необходимую подготовительную работу по обеспечению поддержки в своем вопросе.

Однако уже 28 мая 1919 г. азербайджанской делегации удалось встретиться с президентом США В. Вильсоном. Результаты встречи оказались мало обнадеживающими. Президент США подчеркнул, что в намерения мирной конференции не входит раскол мира на мелкие территории, и вопрос Азербайджана не может быть разрешен до решения вопроса России. В то же время В. Вильсон заверил азербайджанскую делегацию в том, что «...азербайджанский народ найдет в великой отныне Америке защиту и поддержку в святом деле отстаивания своей свободы и независимости». Он рекомендовал азербайджанцам рассмотреть идею создания конфедерации народов Южного Кавказа, которая могла бы рассчитывать на покровительство одной из великих держав в качестве страны, переданной под мандат Лиги Наций.

Глава азербайджанской делегации А. Топчибашев вручил президенту США Вильсону копию меморандума, предъявленного на Парижской мирной конференции. Документ состоял из 3-х пунктов:

1. Меморандум о независимости Кавказского Азербайджана с описанием его границ на особом листе с картой;

2. Меморандум об экономическом состоянии и финансах Азербайджана с экономической картой;

3. Меморандум об этническом составе населения Азербайджана с диаграммами и этнографической картой.

Делегация Азербайджана проводила большую работу в целях ознакомления участников Парижской конференции с политическим положением в республике. Так, например, 23 и 28 мая 1919 г. состоялись встречи с английским представителем Л. Маллетом и представителем США Г. Моргентау.

В деятельности Парижской мирной конференции принимали участие делегаты всех независимых государств, образовавшихся на территории бывшей Российской империи. В ходе этой конференции они проводили между собой встречи, обменивались наблюдениями. А по некоторым вопросам — выступали с общими требованиями.

13 июня 1919 года за подписью В. Вильсона, Д. Ллойд-Джорджа, Б. Клемансо, В. Орландо и барона Макино был опубликован документ о частичном признании верховной власти адмирала Колчака на территории России. В связи с этим представители Азербайджана, Грузии, Латвии, Эстонии, Северного Кавказа, Белоруссии и Украины 13 июня 1919 года вручили ноту протеста председателю Парижской конференции.

Азербайджанской делегацией также была проведена в Париже большая работа по вопросу об отношениях с Ираном. Как известно, после образования АДР Иран выдвигал территориальные притязания на Азербайджан, требуя присоединения его к Иранскому государству.

Однако после заключения в Лондоне 19 августа 1919 года англо-иранского договора Иран отказался от своих территориальных притязаний, и 1 ноября 1919 года в Париже между Азербайджаном и Ираном был заключен договор о признании независимости Азербайджана, а также достигнуто соглашение об установлении дипломатических отношений между этими двумя странами. Подписание данного договора явилось большим успехом азербайджанской дипломатии на международной арене.

Вместе с тем деятельность Азербайджанской делегации, а также делегаций других вновь образовавшихся государств осложнилась затяжным характером рассмотрения вопроса о признании их независимости со стороны Парижской мирной конференции. Обсуждение этой проблемы должно было «увязываться» с так называемым «русским вопросом», который стоял в повестке дня конференции. Подобный подход ставил под сомнение признание этих стран как субъектов международного права. 8 октября 1919 г. представители независимых республик Азербайджана, Грузии, Латвии, Литвы, Эстонии, Горцев Северного Кавказа и Украины в дополнение к совместной декларации от 7 июля 1919 г. направили письмо председателю мирной конференции Клемансо, в котором резко осуждалась позиция, занятая в отношении этих республик влиятельными участниками конференции. В письме говорилось о политической ситуации, сложившейся на территории бывшей Российской империи, где, с одной стороны, «...русские большевики стремились установить диктатуру пролетариата и коммунизма, а с другой, российские реакционные круги стремились на той же территории установить свою военную диктатуру и реставрировать прежнюю Россию с порабощением народностей».

Делегации вышеуказанных новообразованных государств просили не откладывать рассмотрение вопроса о признании их субъектами международного права. В обращении указывалось, что затягивание данного вопроса на неопределенное время чревато тяжелыми последствиями для народов, которые стремятся к независимости. В письме на имя Клемансо были выдвинуты два вопроса, предлагаемых вниманию Высшего Совета. «Первое — признание каждой из республик независимым государством, и второе — о немедленном рассмотрении территориальных, финансовых, экономических и других вопросов».

Ситуация, создававшаяся на Кавказе вследствие большевистской угрозы, вынудила страны Антанты серьезно призадуматься и предпринять некоторые практические шаги. Было очевидно, что агрессия Красной Армии на Кавказе будет способствовать

распространению идей большевизма в Иране и Передней Азии, дестабилизируя весь Ближний и Средний Восток. В связи с этим многие политики Европы склонялись к мысли о необходимости укрепления обороноспособности Азербайджана и Грузии, обеспечив их соответствующими средствами обороны для противодействия советской экспансии. Однако дело оказания реальной помощи правительствам стран с непризнанным суверенитетом, в силу международных отношений, утвердившихся в послевоенный период, наталкивалось на немалые трудности. В то же время идея «единой и неделимой России», которая воспрепятствовала бы признанию этих республик со стороны международного сообщества, в сложившейся обстановке уже утратила всякий смысл. Надежды приверженцев этой идеи не оправдались. Вот почему в период столь ускоренного развития событий признание независимости Азербайджана и Грузии являлось неотложной задачей. С этой целью по инициативе Великобритании 10 января 1920 г. была созвана сессия Верховного Совета Парижской мирной конференции. В сессии участвовали главы правительств и министры иностранных дел Англии, Франции и Италии, а от США и Японии присутствовали делегаты мирной конференции и послы этих стран во Франции. На сессии, проведенной в Кэ д'Орсе, проблема кавказских республик подверглась весьма широкому и всестороннему обсуждению.

С подробной информацией о ситуации на Кавказе выступил британский премьер-министр, сообщивший о продвижении большевиков к Каспию, которые, в случае разгрома Деникина и захвата Каспийского моря, могут рассчитывать на помощь турков (здесь имеется в виду движение, начатое в Турции и возглавленное М.Кемалем -Ред.). В этом случае кавказские государства попадали в безвыходную ситуацию. Чтобы подобное не случилось, Ллойд Джордж предложил выработать наиболее приемлемый вариант снабжения этих государств оружием и военным снаряжением. По его предложению было принято постановление Верховного Совета, согласно которому военным инспекторам поручалось внести предложения по оказанию помощи кавказским

республикам. Полностью поддержав заявление Ллойда-Джорджа, Жорж Клемансо отметил необходимость разработки меморандума «Об оказании помощи кавказским республикам» британскими представителями, имевшими большой опыт в кавказских делах.

Следующее заседание Верховного Совета состоялось на уровне министров иностранных дел без участия Ллойда-Джорджа и Клемансо. По инициативе английского министра иностранных дел лорда Керзона, министры иностранных дел обсудили политическую сторону проблемы отношения к этим республикам.

В своем выступлении Керзон заявил о намерении Ллойда-Джорджа включить в повестку дня заседания Верховного Совета вопрос о признании независимости Азербайджана и Грузии. Что касается «армянского вопроса», то его предполагалось решить вместе с «турецким вопросом». Министры иностранных дел выразили единое мнение по поводу угрозы, нависшей с трех сторон над Азербайджаном и Грузией.

Здесь учитывались, во-первых, продвижение на южном направлении войск большевистской России, во-вторых, отступавшие деникинские войска, которые могли вторгнуться в эти республики, и, в-третьих, — кемалисты, способные по соглашению с Россией войти в пределы этих республик. Понимая критический характер сложившейся ситуации, правительства Азербайджана и Грузии обратились к странам Антанты за помощью.

Проинформировав Верховный Совет об этих просьбах, Керзон выдвинул предложение о немедленном признании де-факто Азербайджана и Грузии. Из атмосферы, царившей на Версальской конференции, явствовало, что все условия, необходимые для признания реально функционировавших государств, были уже созданы. Нужен был лишь последний толчок, и этот толчок был сделан делегатом мирной конференции, министром иностранных дел Великобритании лордом Керзоном.

По мнению Керзона, вхождение британских войск в пределы Кавказа после Мудросского перемирия создавало для британского правительства наибольшие преимущества. Несколько

позже, 11 января, по предложению лорда Керзона, Верховный Совет союзников принял постановление следующего содержания: «Союзнические и объединенные государства совместно признают правительство Азербайджана и Грузии на уровне де-факто».

Однако представители США и Японии заявили о том, что для присоединения к акту признания Азербайджана и Грузии они должны выяснить мнения своих правительств. Немного позже Япония присоединилась к постановлению Верховного Совета, принятого 7 февраля. Что касается Соединенных Штатов, то они официально отказались сделать это. Такое решение США обуславливалось различными причинами. Американское правительство, в частности, опасалось усиления влияния Великобритании на Кавказе. В то же время на заключительном этапе мирной конференции между США и ее европейскими союзниками возникли серьезные разногласия. Думается, однако, что нежелание США признать независимость Азербайджана нельзя объяснить одними англо-американскими противоречиями. Отказ большинства американского Сената утвердить Версальский договор, критика политики широкого международного сотрудничества, проводимой правительством Вильсона, как и критика всей его внешнеполитической линии в целом, — вот что оказало влияние на мнение Сената в отношении Кавказа.

13 января посол США в Париже Валлес сообщил в Вашингтон о том, что Англия и Франция де-факто признали независимость Азербайджана и Грузии и собираются оказать им помощь.

В ответном послании американского посольства во Франции говорилось, что Соединенные Штаты, соглашаясь с идеей помощи Англии и Франции кавказским государствам, тем не менее, рассматривают признание их независимости как начало распада России.

Стоит в то же время отметить, что признание союзниками 19 января независимости Армении было оценено Соединенными Штатами вовсе не в качестве фактора, способствующего расчлениению России. В результате чего 23 апреля 1920 г. США де-факто признали Армению.

15 января представители Азербайджана и Грузии были приглашены в министерство иностранных дел Франции. А.Топчибашева и М.Маггеромова от Азербайджана и И.Церетели и З.Авалова от Грузии приняли первый секретарь министерства Жюль Камбон, представитель Англии Филипп Керр и Италии — маркиз де-ла Торрета. Жюль Камбон вручил А.Топчибашеву официальное решение Парижской мирной конференции о признании де-факто Азербайджана со стороны членов Верховного Совета и союзнических стран. Поздравив азербайджанских и грузинских представителей, он заявил, что отныне Азербайджан и Грузия, в качестве признанных государств, могут официально обращаться к мирной конференции при решении тех или иных важных вопросов.

Начиная с этого времени, обе эти страны могут официально войти в сношения с «Верховным Советом», а также требовать учета своих нужд и обеспечения своих законных прав и равноправного членства на заседаниях конференции.

Помимо этого, Камбон заявил о том, что акту признания правительств этих государств должно сопутствовать одновременно признание факта отделения их от России.

После этого Ж. Камбон расспросил делегатов об их просьбах и предложениях. Выступивший от Азербайджанской Республики А.Топчибашев дал краткую информацию о политической структуре Азербайджана, отметив при этом, что Азербайджанская Республика ожидает как помощи, так и своего признания де-юре со стороны великих государств.

15 января Совет военных экспертов обсудил в Версале вопросы, связанные с оказанием военной помощи Азербайджану и Грузии. Для участия в работе Совета из Лондона в Париж в срочном порядке прибыли военный министр Великобритании У.Черчилль, начальник главного штаба Британской Империи фельдмаршал Г.Вильсон, первый лорд-адмирал У. Ланг, лорд-адмирал Битти и др.

16 января работа военных экспертов была возобновлена. На заседании председательствовал Ж.Клемансо. За день до этого, встретившись с азербайджанскими и грузинскими делегатами,

он попросил Ж. Камбона сделать сообщение по поводу обстановки на Кавказе. Ж. Камбон, проинформировав участников заседания об обороноспособности кавказских республик, отметил, что они испытывают серьезную потребность в оказании финансовой, военной и другой помощи. Однако сообщения, сделанные Ж. Камбоном и Ф. Керром, не удовлетворили Клемансо. Было решено, что следующее заседание, с участием делегатов Азербайджана и Грузии, продолжит фельдмаршал Г. Вильсон.

17 января в помещении гостиницы «Кларидж», где проживали азербайджанские делегаты, под председательством Г. Вильсона было проведено совещание, в котором участвовали адмирал Битти, представитель министерства иностранных дел Англии Роберт Ванситарт, а также делегаты Азербайджана и Грузии.

Главная цель совещания заключалась в прояснении вопросов предоставления материальной помощи Азербайджану и Грузии, оказавшихся перед лицом угрозы большевистского нашествия. Тем не менее, вопрос об отправке союзных войск на Кавказ на заседании не обсуждался. Была затронута лишь проблема оказания помощи в рамках продовольственных поставок. На вопрос адмирала Битти, сумеет ли Азербайджан организовать свои военно-морские силы для обороны побережья Каспийского моря без помощи извне, А. Топчибашев ответил отрицательно.

19 января 1920 года на заседании Верховного Совета Парижской мирной конференции с участием глав правительств тема южно-кавказских республик подверглась дальнейшему детальному обсуждению. В тот же день азербайджанские делегаты в полном составе участвовали в заседании Парижской мирной конференции, на которой присутствовали такие выдающиеся политики того времени, как Ллойд Джордж, Клемансо, Нитти, Камбон, Матеи, Керзон, Черчилль, Фош, Битти, Вильсон и др. На заседании был зачитан меморандум, подготовленный по поручению Верховного Совета от 10 января английскими делегатами. В меморандуме предусматривались следующие меры:

1. Признание Азербайджана и Грузии (эта мера была осуществлена).

2. Передача Азербайджану, Грузии и Армении оружия и снаряжения, предназначенного в свое время Деникину и находившегося в пути.

3. Оказание Азербайджану и Грузии дополнительно продовольственной, финансовой и военной (оружием и одеждой) помощи.

4. Проведение дополнительных мер по укреплению обороны Баку.

5. Обеспечение обороны Каспийского побережья, недопущение большевистской армии к Каспийскому морю и Каспийской флотилии. Возращение деникинской морской флотилии в общее пользование союзников, в случае же невозможности сего — ее потопление.

С докладом военных экспертов союзников на заседании выступил маршал Фердинанд Фош. Наибольший спор вызвал вопрос о том, как и в какой форме следует оказывать помощь южно-кавказским республикам. Глава делегации военных экспертов маршал Фош считал необходимым послать на Кавказ несколько дивизий. Поддержав Фердинанда Фоша, фельдмаршал Вильсон добавил, что без взятия на себя британской флотилией инициативы на Каспийском море удержать Кавказ будет невозможно. С Г. Вильсоном солидаризовался военный министр У. Черчилль, который заявил, что если Англия не установит господство на Каспийском море, все отправленное на Кавказ оружие захватят большевики.

Против предложения военных экспертов категорически возражал Ллойд Джордж, отметивший, что военные ничего не смыслят в политике. «Если Кавказ нельзя удержать без посылки туда армии и если отправленное оружие будет потеряно, то логически следует отказаться от помощи. Надо ли понимать решение военных именно в таком плане?» — сказал Ллойд Джордж, адресуя свой вопрос маршалу Фошу. Но маршал Фош справедливо полагал, что избавить Кавказ от большевистского нашествия можно только путем направления туда армии.

Таким образом, Клемансо и Черчилль выступали за

непосредственную отправку войск на Кавказ, в то время как Ллойд Джордж и Нитти предлагали ограничить помощь поставками военного снаряжения.

Отмечая необходимость оказания военной помощи Азербайджану и Грузии, Ллойд Джордж в то же время пытался выяснить возможности эффективного использования помощи этими республиками, его беспокоило, не перейдет ли эта помощь, по примеру помощи, направленной Деникину, в руки большевистской армии? Обращаясь к делегатам Азербайджана и Грузии, председатель конференции Ж.Клемансо попросил их пояснить, какие угрозы более всего беспокоят эти страны и смогут ли они, в связи с вопросом, поднятым Ллойд Джорджем, эффективно воспользоваться помощью, предоставленной им союзниками?

Для того чтобы получить ответы на эти вопросы, было решено выслушать непосредственно азербайджанских и грузинских депутатов. От имени обеих делегаций, по достигнутой договоренности, выступил И. Церетели, отметивший большую потребность Грузии и Азербайджана в помощи союзников. На вопрос Клемансо «Хотите ли вы армию?», Церетели ответил, что это было бы лучшим решением, поскольку большевики рано или поздно ринутся на Кавказ.

Затем Ллойд Джордж принялся подробно расспрашивать о вооруженных силах Азербайджана. Сделав по этому поводу сообщение, советник азербайджанской делегации М.Магеррамов заявил, что при наличии необходимого количества вооружения и снаряжения в Азербайджане можно мобилизовать в армию за короткое время 100 тыс. человек. Выступивший на заседании А.Топчибашев отметил, что Азербайджанская Республика не имеет никаких претензий ни к большевикам, ни к Деникину. Она не намерена вмешиваться во внутренние дела России. Вместе с тем он считал, что для защиты от угрозы, исходящей для независимости Азербайджана от обеих сил, следует эффективно использовать все возможности, и, в первую очередь, помощь, предоставленную союзниками.

По мнению Алимардан бека, если бы союзники смогли

задействовать английскую флотилию в Энзели, это бы значительно укрепило обороноспособность Баку. А.Топчибашев предложил также союзникам признать де-факто Горскую Республику, игравшую роль буфера между армией, двигающейся с севера, и кавказскими республиками.

Подводя итог заседания, Ллойд Джордж считал необходимым оказание срочной помощи республикам Кавказа в виде предоставления им вооружения, военного снаряжения и обмундирования. Касаясь вопроса посылки армии в Азербайджан и Грузию, он признал невозможность этого шага. По его мнению, кавказским республикам следует укреплять свою обороноспособность и особенно обороноспособность Баку за счет собственных вооруженных сил. Ллойд Джордж одобрил выдвинутое А.Топчибашевым предложение о признании де-факто Горской республики. В результате, в связи с обсуждавшимися вопросами, Верховный Совет принял в отношении Кавказа постановление, состоявшее из четырех пунктов:

1. Признание де-факто Армении и Дагестана. Данное решение не касается вопроса определения границ Армении, которое будет рассматриваться в связи с «турецким вопросом».
 2. Союзные правительства не обладают ресурсами для отправки армии в Кавказские республики.
 3. Союзники окажут помощь Кавказским республикам путем поставки туда вооружения, военного снаряжения и продовольствия.
 4. Просить маршала Фоша и фельдмаршала Вильсона рассмотреть вопросы, связанные с уточнением конкретного состава военных материалов и путей их доставки в республики Кавказа.
- Таким образом, политическое признание Азербайджанской Республики на Парижской мирной конференции в январе 1920 г. следует оценить как результат успешной дипломатической деятельности азербайджанских делегатов, возглавляемых А.Топчибашевым. В связи с победой, достигнутой с большими трудностями и лишениями, А.Топчибашев в письме, направленном из Парижа главе азербайджанского правительства Н.Усуббекову,

писал: «Нет ничего изменчивее и эластичнее политики. И поэтому ее приливы и отливы всегда неожиданны. Тем не менее, начинается такая эпоха, когда укрепляются и наши надежды на свободное независимое существование, стремясь обрести какую-то реальную форму. Мы никогда не теряем надежды и не теряли их даже в самые неблагоприятные для всех народов прежней России моменты, когда нам говорили о тщетности нашего труда. Мы действовали подобным образом, потому что верили, что наш народ сможет жить независимо, что, наконец, любым путем обретем независимость. Вместе с тем мы не забываем и о влиятельных борцах других малых народов. Во имя обретения своей свободы эти народы боролись не полгода и не год, а десятки и более лет и путем многочисленных человеческих и материальных жертв достигли желаемого. Цена такого дорогого счастья никогда не заставляла и не заставит нас отступить, поскольку мы не знаем ничего, равного этому счастью».

12 января 1920 г. в АДР было созвано чрезвычайное заседание правительства, где объявили о проведении 14 января праздничных торжеств на всей территории Азербайджана. Было принято решение о проведении в столице республики митингов и демонстраций, а также военного парада азербайджанской армии и торжественного заседания парламента Азербайджана. 14 января был объявлен нерабочим днем. В тот же день было опубликовано обращение премьер-министра Республики Н.Усуббекова к гражданам Азербайджана, в котором говорилось: «Граждане, 28 мая 1918 г. Азербайджан волей своей нации был объявлен независимым. В огне жестоких событий и бедствий рождена Республика. Подвергаясь кровавой смуте и бедствиям, разрушалась целая страна. Определив свою судьбу и обретя свое священное право, нация вскоре, положив конец смуте, сумела успешно заложить основы своего государства. Несмотря на все трудности, имевшиеся на пути осуществления в будущем нашей национальной цели и идеи, Азербайджан сумел с честью выйти из выпавшего на его долю тяжелого испытания. Нация, показавшая

свою способность к независимой жизни и самоуправлению, собственной волей успешно заложила основы и обеспечила развитие нового свободного и демократического Азербайджана.

Верховным Советом союзников было принято совместное постановление по поводу независимости Азербайджана. Вступление Азербайджана в качестве полноправного члена в семью передовых наций Запада является самым светлым днем в его истории. Нет сомнений в том, что с этого дня дух и нравственность нации, прогрессируя день ото дня, будут значительно улучшаться. Какие бы препятствия и беды ни случились в дальнейшем, правительство верит, что все граждане, как один, окажут помощь в деле обеспечения счастья для своей свободной и независимой страны. Да здравствует независимый азербайджанский народ».

Признание независимости Азербайджана способствовало росту интереса к нему на международной арене. Целый ряд стран — Бельгия, Швейцария, Голландия, Чехия и Словакия, Финляндия стали открывать в Баку консульства, а Италия открыла здесь свое дипломатическое представительство.

Поражение армии Деникина в феврале стало важным событием, обеспечившим некоторую мирную передышку республике. Начался процесс налаживания всестороннего сотрудничества с соседними Грузией и Ираном. 20 марта 1920 года между Азербайджаном и Ираном был подписан договор о мире и дружбе, по которому иранское правительство признавало де-юре независимость Азербайджана. Стороны принимали на себя обязательства по созданию и укреплению дружественных и экономических отношений, а также по открытию азербайджанского посольства в Тегеране и иранского — в Баку. Кроме того, в тот же день между Азербайджаном и Ираном были подписаны соглашения о таможене, торговле, почтово-телеграфных и консульских отношениях. Спустя некоторое время в Тегеране открылось посольство Азербайджана, а в Тебризе начало действовать генеральное азербайджанское консульство.

В середине апреля 1920 года азербайджанский парламент

принял закон об учреждении дипломатических представительств в Великобритании, Франции, Италии, США, Швейцарии, Польше, Латвии, Литве, Эстонии, Финляндии, Украине, Румынии, Германии и России. Расширились дипломатические связи с такими соседними странами, как Турция, Грузия и Армения. В этот период в Баку начали действовать дипломатические миссии свыше 20 стран.

Очевидно, что накануне апрельской оккупации 1920 года с изоляцией Азербайджанской Республики на международной арене было покончено. Начался процесс широкого дипломатического признания и вхождения независимого Азербайджана в систему всесторонних международных связей.

Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920), Издательство «Элм», Баку-1998, сс. 217-230

МЛАДШИЙ ИЗ «БОЛЬШОЙ ПЯТЕРКИ»

Гамлет Исаханлы,
профессор, ректор университета «Хазар»

М Расулзаде (1884-1955) — политический деятель, активно изучаемый в последние 15-20 лет историками и публицистами Азербайджана, США, Европы и России. Помимо широкой политической деятельности, он еще и историк, автор многочисленных аналитических обзоров по истории национально-освободительного движения; издатель, редактор, журналист, трудившийся в газетах и журналах Азербайджана, Ирана, Турции и Европы; литературовед, перу которого принадлежат оригинальные труды по азербайджанской и восточной литературе; наконец, писатель и переводчик.

Большая пятерка общественных и политических деятелей Азербайджана начала XX века — Али бей Гусейнзаде (1864-1940), Ахмед Агаоглу (1869-1939), Нариман Нариманов (1870-1925), Мамедамин (Мухаммед Амин) Расулзаде (1884-1955) и Алимардан бек Топчибашев (1865-1934) — сыграла огромную роль в формировании политического климата и ориентации общественно-политических течений в первой четверти минувшего века (не умаляя при этом роль и заслуги других известных политиков). Кроме того, все они, за исключением Н. Нариманова, действовали и во второй четверти столетия. Волна политических катаклизмов выплеснула этих видных политических лидеров за пределы Родины — в период советизации Азербайджана все они по разным причинам вынуждены были уехать за рубеж, где и завершили свои дни: Топчибашев — в Париже,

А.Гусейнзаде, А.Агаоглу и М.Расулзаде — в Турции, а Н.Нариманов — в Москве.

Ниже речь идет, в основном, о лидерах политического движения, а не о литературно-общественной жизни того времени. Н.Везиров, Дж.Мамедгулузаде, М.Сабир, У.Гаджибеков, А.Ахвердиев и другие признанные писатели и деятели искусства оказывали, безусловно, существенное влияние на общественно-политическую жизнь в стране, хотя сами они, будучи деятелями литературы и культуры, политикой непосредственно не занимались, за исключением отдельных случаев. К этим исключениям относится деятельность У.Гаджибекова в партии «Иттихад» («Союз»), а также деятельность Ю.В.Чеменземинли и Дж.Джабарлы в партии «Мусават» («Равенство»). Н.Нариманов же одинаково успешно занимался и политикой, и писательской деятельностью.

Каковы же были основные темы, обсуждавшиеся в общественно-политической жизни начала XX века? Это были — европеизация, оставившая заметный след в творчестве Аббасгулу Бакиханова, аргументированная и пропагандированная Мирзой Фатали Ахундовым, ревностно отстаивавшаяся Гасан бек Зардаби; исламизация, выдвигавшаяся Джемаледдином Афгани, А.Гусейнзаде и молодым А.Агаоглу; туркизация, подготовленная творчеством М.Ф.Ахунзаде, разрабатывавшаяся и развивавшаяся А.Гусейнзаде, З.Гокалпом, А.Агаоглу и другими. В преддверии же первой русской революции наибольшую популярность приобрело социал-демократическое движение, во главе которого стояли Н.Нариманов и М.Расулзаде. Одновременно стали пробиваться и ростки азербайджанства, пестовавшиеся писателями, поэтами и публицистами, прежде всего, Джалилом Мамедгулузаде и Узеиром Гаджибековым.

Просветительское движение, начатое и всячески поддерживавшееся такими мыслителями, как А.Бакиханов, М.Ф.Ахундов, Гасан бек Зардаби, и ставшее высшей целью упомянутых и не упомянутых мужей просвещения — тема, конечно, особая, и требует к себе особого внимания. В периоды поиска путей

преодоления отсталости просветительство выходило на первый план.

Каждая из вышеотмеченных, исключая просветительство, идей и общественно-политических идеалов, которые должны были определить пути развития общества, имели своих лидеров, ревностных сторонников и ярых противников. Борьба за свои идеи, ум, талант, энергия и организаторские способности, затрачиваемые на то, чтобы доказать правильность избранного пути осуществления своих идеалов, усиливали политическое и литературно-публицистическое движение, приводили лидеров к столкновению, что было вполне естественно.

Исследователи и публицисты, смотревшие на историческое прошлое через призму собственных политических идеалов, старались либо усиливать краски борьбы новыми оттенками, либо предпочитали умалчивать о некоторых фактах во имя «национального единства» или же для идеализации исторической личности. Борьба тех дней, проецируясь на наше время под разными углами, служит предметом споров между приверженцами, например, Н.Нариманова и М.Расулзаде; обычно вторые резко атакуют, а первые защищаются и лишь в отдельных случаях переходят в контратаку. Чтобы приблизиться к истине, необходимо, отказавшись от задачи создания кумиров, проводить системные и долгосрочные исследования.

М.Расулзаде, младший член вышеуказанной большой пятерки, посвятил более полувека своей жизни политической борьбе, заглавная идея которой сместилась от автономии к полной государственной независимости Азербайджана. Судьба уготовила ему жребий — оказаться в политической эмиграции, где он провел больше половины жизни. Необходимо отметить, что трудности и тяготы жизни на чужбине не подорвали его политическую волю, решимость и целеустремленность — напротив, с годами эти качества еще больше усиливались, а перо приобретало большую остроту и глубину охвата.

М.Расулзаде принадлежат немалые заслуги в формировании и развитии азербайджанской печати. Кроме того, М.Расулзаде,

который уже в молодости верил в необходимость создания общественных организаций, активно действовал в благотворительно-просветительских обществах, был председателем и основным идеологом сильнейшей в начале XX века политической партии Азербайджана — «Мусават», позже создал политические общества в Турции и Европе. Пожалуй, никто в Азербайджане не сможет сравниться с М.Расулзаде по обширности географии издательской деятельности: он был редактором и издателем газет и журналов на Кавказе, в Иране, Турции, странах Европы. Он и А.Агаоглу относятся к авторам, которым принадлежит авторство наибольшего в истории Азербайджана количества политико-публицистических статей и брошюр. Ю.Акчуря вспоминает в шутку сказанные слова Ахмед бека: «Если собрать вместе все написанные мною статьи, можно проложить широкую дорогу от Баку до Стамбула».

М.Расулзаде включился в политическую жизнь с 18 лет и тогда же стал писать на самые разнообразные темы — политики, образования, культуры, экономики, художественной литературы. Это было время усиления социалистической мысли и пробуждения национализма в политике. Начало XX века ознаменовалось мощными общественно-политическими потрясениями — революция 1905 года в России, Конституционный переворот и последующие события в Иране, подъем движения младотурок в Турции, на Кавказе — армяно-мусульманские столкновения и формирование различных армянских политических партий и движений, одним из направлений в деятельности которых стала антитурецкая и антиазербайджанская политика. Все эти события привели к невиданному расцвету политической печати, росту политического сознания в Азербайджане, возникновению политических партий. Именно на этой волне возникли партии «Гуммет» (Н.Нариманов, М.Расулзаде, М.Азизбеков и другие), «Дифаи» (Насиб бей Юсифбейли, А.Агаоглу и др.), Общероссийский союз мусульман (А.Топчибашев, Исмаил Гаспринский, Юсуф Акчуря и др.), а также сопутствовавшая им печать. В этот период представители интеллигенции казанских и крымских

татар, азербайджанцев в России поддерживали тесные связи со стамбульской интеллектуальной элитой, обмениваясь идеями.

После поражения русской революции 1905 года М.Расулзаде уехал в Иран, где принял деятельное участие в Конституционной революции, познакомился с ее вождями Саттарханом, Багирханом, Сеидом Гасаном Тагизаде, опубликовал в газете «Тарагги» свои «Иранские письма», вызвавшие большой интерес, написал работу, посвященную критике партий — конкурентов социал-демократов. Он был редактором первой в Иране газеты европейского типа — органа иранских социал-демократов «Ирани-Ноу», оказавшей огромное влияние на общественно-политическую жизнь, формирование политического сознания и развитие журналистики в этой стране. Основное содержание газеты составляли международные и региональные новости, подаваемые в антиимпериалистическом и антироссийском духе, но в то же время в контексте солидарности с российскими социал-демократами, а также национальные вопросы. «Ирани-ноу» старалась формировать как политический, так и литературный вкус своих читателей. Кроме того, газета активно разъясняла основные положения марксизма, давала комментарии к таким произведениям, как «Манифест коммунистической партии», «Капитал», «Критика политической экономии». Однако в мае 1911 года, когда соотношение сил изменилось, в результате давления России на иранские власти М.Расулзаде вынужден был отправиться в Стамбул, служивший излюбленным прибежищем для политических эмигрантов-мусульман из России и Ирана.

Гнев правительства, вызванный социал-демократическим движением, готовившим революцию в России, обрушился на всех тех, кто высказывал свое веское слово в политике. Предстояло либо скрыться в подполье, либо эмигрировать — иного пути не было. У.Гаджибеков, считавший жизненно важным наличие образованных лидеров, способных заниматься проблемами нации, в очередном номере газеты «Тарагги» от 27 августа 1909 г. писал: «...Если кто-то и заступался за нас и отстаивал наши права с честью и достоинством представителя нации — это был Ахмед бек.

Его принудили покинуть страну... После Ахмед бека был доктор Карабек Карабеков (врач, журналист и общественный деятель, 1874-1953), и его заставили уехать из страны. Кроме них, был и Алимарданбек Топчибашев, и его принудили к бегству из страны. Был еще и Нариман Нариманов; его заключили в тюрьму, а семью обрекли на голод».

В тот период господствующими политическими течениями в Стамбуле являлись туркизм и туранизм, разрабатывавшиеся в статьях и публицистических работах, прежде всего, иммигрантов из России — Юсуфа Акчуры, Али бея Гусейнзаде и А.Агаоглу, а из представителей турецкой политической мысли — Зии Гокалпа. Так, выходец из волжских татар Ю.Акчура еще в 1904 г. выдвинул лозунг «Османизм, исламизм и туркизм». А.Гусейнзаде в 1905-1906 гг. сформулировал основные положения политического туркизма и туранизма, выдвинув свой знаменитый лозунг «Туркизироваться, исламизироваться, европеизироваться». М.Расулзаде был самым младшим среди этой когорты политических деятелей и идеологов, у которых он учился. Он опубликовал в журнале «Тюрк юрду» работу «Иранские тюрки».

В 1913 году М.Расулзаде вернулся в Баку уже достаточно сформировавшимся политиком и стал основным идеологом партии «Мусават», продолжая активную публицистическую деятельность, выступая со статьями по вопросам национального развития. Он выдвинул политическую программу, сочетавшую в себе социал-демократические и исламистско-тюркистские положения, нацеленную на равноправие мусульман в России. Благодаря систематической кропотливой работе, М.Расулзаде сумел превратить «Мусават» в серьезную партию с широкой и привлекательной программой. Этой цели служила издававшаяся им с 1915 года газета «Ачыг соз».

Февральская революция 1917 года в России углубила политическое противостояние в стране, привела к усилению борьбы за власть. Проведенные в таких условиях в Баку 15-20 апреля съезд мусульман Кавказа, а 1-11 мая в Москве — съезд мусульман России высказались в пользу активно пропагандировавшейся

М.Расулзаде идеи построения нового российского государства по принципу территориальной автономии. Таким образом, М.Расулзаде, наряду с А.Топчибашевым, стал лидером движения за территориальную автономию. В этот период все политические силы России, за исключением большевиков, отстаивали унитарную модель российского государства. Таким образом, ситуация толкала к сотрудничеству с большевиками, включившими в свою программу положение о праве народов на самоопределение. Однако после победы большевиков в России в октябре 1917 года национальные партии Южного Кавказа — «Мусават» в Азербайджане, меньшевики в Грузии, «Дашнакцутюн» в Армении — в поисках общерегиональной государственности создали Закавказский сейм, что указывало на расхождение подходов к национальным проблемам с большевиками. Мартовская резня 1918 года мусульманского населения в Баку окончательно сделала большевиков и «Мусават» ярыми врагами.

В этот период М.Расулзаде был избран председателем Азербайджанского национального совета. После провозглашения 28 мая 1918 г. Азербайджанской Демократической Республики и формирования к концу года парламента во главе со старейшей азербайджанских политиков А.Топчибашевым он стал лидером парламентской фракции «Мусават».

Несмотря на то, что в течение 23 месяцев своего существования Азербайджанская Демократическая Республика не была признана на международной арене, несмотря на правительственные кризисы и военную слабость, возвышение национального духа, национальная политика, опыт парламентаризма и государственного управления, укрепление идеи азербайджанства привели к тому, что эти 23 месяца признаны славной страницей в истории азербайджанского народа. Однако столь неожиданно, без достаточного общественно-политического и культурного фундамента возникшая независимость вряд ли могла просуществовать долго.

В дальнейшем в условиях, когда успех в междуусобной войне в России стал склоняться на сторону большевиков, когда Ататюрк и

Ленин укрепляли союзнические отношения, необходимые для обеих сторон, а Красная Армия упрочила позиции на Северном Кавказе, неуклонно продвигаясь к границам Азербайджана, в политической элите страны стало множиться число сторонников нахождения общего языка с большевиками. К концу 1919 года левое крыло «Мусават» во главе с М.Расулзаде и М.Гаджинским уже не видело в сближении с большевиками ничего предосудительного. Однако непримиримо радикальная позиция правого крыла партии во главе с Фаталиханом Хойским привела к тому, что, в конечном итоге, парламентская комиссия большинством голосов приняла ультиматум большевиков о передаче им власти.

После большевистского переворота М.Расулзаде некоторое время скрывался в Лагиче, где написал одно из наиболее оригинальных и романтических своих произведений — «Сиявуш нашего века». Это было началом серии работ на тему Азербайджана, азербайджанства, азербайджановедения, последующие из которых он будет писать уже в эмиграции до конца жизни неустанно и вдохновенно.

Вскоре М.Расулзаде был схвачен и заключен в бакинскую тюрьму. Однако Сталин, с которым у него были хорошие отношения, вызволил его из заключения и увез в Москву, откуда тот в 1922 году сумел бежать в Финляндию, а затем в Турцию. С 1922-го по 1931 год М.Расулзаде работал над объединением азербайджанской эмиграции в единый центр, но так и не сумел добиться этого ни в Турции, ни в Европе. В 1923 году он начал издавать резко антисоветский по духу журнал «Ени Кафкасия», который под давлением Советов был закрыт в 1927 г. Тем не менее, М.Расулзаде продолжал борьбу, издавая печатные органы под другими названиями. Наконец, в 1931 году за нанесение вреда турецко-советским отношениям он был депортирован из Турции, которую считал своей второй родиной. Однако усталость, осторожность, адаптация к менявшейся политической реальности были чужды этой беспокойной, кипучей натуре. В этот период «большой эмиграции» возросли разногласия М.Расулзаде с

А.Гусейнзаде и А.Агаоглу. В то время как М.Расулзаде создавал для правительства Турции проблемы, А.Агаоглу и Ю.Акчура при всех своих левых взглядах сотрудничали с правительством и даже были избраны депутатами парламента.

В дальнейшем и до 1947 года М.Расулзаде жил в различных европейских странах — Польше, Германии, Франции, Швейцарии, Румынии, переезжая из одной страны в другую, по большей части, вынужденно, и развивая свою деятельность на двух основных направлениях: организаторская, антисоветская работа среди эмиграции и издание газет и журналов, бойцовская и просветительская публицистика, статьи и брошюры исследовательского плана. Вместе с А.Топчибашевым он находился в первых рядах борьбы в обществе политических эмигрантов из народов СССР «Прометей» и движении «Соглашение о Кавказской конфедерации». Необходимо отдельно отметить его деятельность, связанную с азербайджанскими военнопленными во время и после Второй мировой войны.

В 1947 г. М.Расулзаде вернулся в Турцию, где продолжил «борьбу за Азербайджан». Он не устал высказывать в письменной и организационной форме протесты русской эмиграции, вынашивавшей идею построения в России после возможного развала Советов унитарного государства, и сотрудничавшим с ней представителям азербайджанской эмиграции, старался всемерно оживить идею кавказского единения.

Мамедамин Расулзаде, в молодости писавший стихи и пьесы, стоял много выше политика как исследователь и публицист, был видным литературоведом, культурологом и историком. Последние годы жизни (1950-1955) он посвятил преимущественно написанию книг и статей именно в этих областях. Из подобных его трудов особого внимания заслуживает монография «Азербайджанский поэт Низами», сохраняющая свое значение и поныне.

*Журнал «IRS-Наследие»,
№12 (2004, Москва)*

НЕФТЯНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ АЗЕРБАЙДЖАНА В 1918-1920 ГОДЫ

Исмаил Агакишиев,
кандидат исторических наук

С середины XIX века Баку, наряду с Пенсильванией, являлся мировым центром добычи нефти. Эру промышленного освоения в данном регионе этого важнейшего энергетического ресурса, ставшего вскоре подлинным властелином мира и двигателем научно-технического прогресса, ознаменовал в 1848 году нефтяной фонтан на месторождении Биби-Эйбат на Апшеронском полуострове.

Однако крылатая фраза, кто владеет нефтью, тот владеет миром, не относилась в полной мере к местному азербайджанскому населению, так как северные территории Азербайджана с начала XIX века входили в состав Российской Империи.

К началу XIX века Баку постепенно превратился в крупный промышленный центр государства, откуда поставлялось 95 % нефти страны и 50% мировой нефти. Так что история нефтяной промышленности России есть в немалой степени история нефти Апшеронского полуострова.

До событий 1905 года по объему добычи нефти Баку занимал первое место в мире, опережая США. Пожары на промыслах в годы революции нанесли ощутимый удар нефтяной промышленности Российского государства. Но, несмотря на это, еще долгие годы Баку оставался одним из ведущих центров нефтедобычи, привлекая к себе внимание крупных мировых держав.

Эта проблема стало особенно актуальной после Октябрьской революции 1917 года и в годы гражданской войны.

После разгона 6(19) января 1918 года Учредительного собрания политический кризис в бывшей империи усугубился. И если до этого момента демократические силы страны были преисполнены надежд на установление демократического правления в центре, а власть большевиков ими рассматривалось, как временная, то разгон Учредительного собрания не оставил никаких надежд на то, что победители захотят поделиться с кем-то властными полномочиями.

В своих мемуарах Ной Жордания (1869-1953) впоследствии писал: «После разгона Учредительного собрания мы остались одни, и должны были думать о себе. Это означало практически выделение из состава России и создание нашей жизни по собственному нашему усмотрению. Это заключение вытекало из следующих всем известных фактов: большевистский переворот в России, авторитет которого мы не признавали; Брест-Литовский договор, вследствие которого мы теряли часть нашей территории».¹

10 февраля 1918 года избранные во Всероссийское Учредительное собрание депутаты от Закавказского региона учредили одноименный сейм. Председателем этого законодательного органа был избран Н.С.Чхеидзе(1864-1929). Азербайджанская фракция Сейма состояла из 44 депутатов, представляющих партии «Мусават» («Равенство»), «Гуммет» («Взаимопомощь»), «Иттихад» («Единство») и мусульманский социалистический блок. Лидером фракции стал известный политический деятель М.Э.Расулзаде (1884-1955), чье имя заслуживает большего внимания современной азербайджанской исторической науки.

В 1917 году на бакинских промыслах было добыто 405,7 млн. пудов нефти, что неизбежно спровоцировало борьбу за этот важнейший ресурс между Сеймом и большевиками. Сторонники В.И.Ленина, избрав тактику бойкота, не признали власть Сейма. И с марта 1918 года Бакинский Совет принимает решение о наступательных действиях. В резолюции, одобренной на заседании 15 марта 1918 года, намечался курс на свержение власти Сейма.²

Вслед за этим вспыхнули кровавые мартовские события, инспирированные Бакинским Советом и партией Дашнакцутюн, и направленные на утверждение собственной власти в городе. В результате этих событий, как известно, погибли тысячи ни в чем не повинных граждан. Пострадали в мартовские дни и нефтепромыслы, особенно Бинагадинские.³

В итоге городская Дума было разогнана, и вся власть перешла к Бакинскому Совету, что сулило нефтепромышленникам большие «сюрпризы». 8 апреля 1918 года Комитет Революционной Обороны потребовал от нефтяных компаний 50 млн. рублей, и получил эти деньги.⁴

В условиях отсутствия в центральной власти представителей демократических сил и в разгар «красного террора» 9 апреля 1918 года Закавказский Сейм вынужден был принять решение о провозглашении независимости края, в первую очередь, от власти большевиков. А 22 апреля 1918 года было заявлено о создании Закавказской демократической федеративной республики. В состав этого образования входили территории Южного Кавказа, присоединенные к России в конце XVIII — первой четверти XIX века, поначалу существовавшие как автономные части Империи и позднее сформировавшиеся в Тифлисскую, Кутаисскую, Бакинскую, Елизаветпольскую (Гянджинскую) губернии и Батумскую область. В правительство, возглавляемое А.И.Чхеидзе, вошло 5 азербайджанских представителей: М.Г.Гаджинский (министр торговли и промышленности), Ф.Хан-Хойский (министр юстиции), Х.Мелик-Асланов (министр путей сообщения), И.Гейдаров (министр государственного контроля), Н. Усуббеков (министр просвещения).

Намерения ЗДФР установить контроль над бакинскими нефтепромыслами оказались невыполнимыми в связи с тем, что власть в городе принадлежала Бакинской коммуне, которая оставалась верной РКП (б) и своей главной задачей видела обеспечение нефтью Советской России.

Однако ЗДФР просуществовала недолго. К распаду этого новообразования привели существенные противоречия между

представителями семи основных фракций Закавказского Сейма: мусульманского социалистического блока, социал-демократов меньшевиков, Мусават, Дашнакцутюн, социалистов-революционеров, партии мусульман России, социалистов-федералистов и национал-демократов. Столь разные по идеологической направленности и установкам силы не смогли добиться политического консенсуса, и объединенные их действия были практически невозможны.

26 мая 1918 года из Закавказского Сейма вышли грузинские представители, что привело к самороспуску этой структуры. ЗДФР прекратила свое существование. Однако на ее основе возникли три суверенных республики.

Здесь необходимо отметить, что азербайджанские представители до конца сопротивлялись распаду ЗДФР. Но, оказавшись перед фактом потери общей государственности, они, вслед за грузинами, 28 мая 1918 года объявили об образовании Азербайджанской Народной Республики. Ее премьер-министром стал Фатали хан Хойский (1875-1920), а руководителем Временного Национального Совета был избран Мамед Эмин Расулзаде.

Появление на политической арене региона Азербайджанской Демократической Республики сильно обеспокоило как центральную российскую власть, так и Бакинский Совет, с политической которого было несогласно большинство нефтепромышленников. Впервые в азербайджанской истории возник шанс, что коренное население этих земель могло бы стать собственником своих недр. Однако, по мнению большевиков, этого нельзя было допустить, нефть должна была принадлежать Советам рабочих, солдатских и матросских депутатов, т.е. по сути, той же большевистской власти.

Добиться этого можно было лишь путем национализации нефтяной промышленности. В день провозглашения Азербайджанской Демократической республики, 28 мая 1918 года, Бакинский Совет получил телеграмму от И.В.Сталина, где содержалась следующая информация: «Совет народных комиссаров утвердил национализацию нефтяной промышленности».⁵

На основании сталинской телеграммы Бакинский Совнарком 2 июня 1918 года принял декрет о национализации нефтяной промышленности, иными словами, произошло упразднение нефтяной промышленности, базирующейся на частной собственности.

Однако принятие этого декрета было, скорее, импульсивным жестом, нежели итогом продуманного плана. При не укрепившемся окончательно режиме большевиков по всей стране это могло привести к непреодолимому кризису между нефтяными компаниями и Бакинскими комиссарами, что и стало в дальнейшем не последней причиной потери ими своей власти.

Всего было национализировано 400 предприятий. В результате спешки и упущений на подготовительном этапе среди национализированных предприятий оказались давно прекратившие свою производственную деятельность. Этим же декретом упразднялся Съезд Бакинских нефтепромышленников, успешно функционировавший с 1884 года.

Национализация нефтяной промышленности привела к резкому падению объемов добычи нефти, что подтверждается в телеграмме председателя Бакинского Совнаркома С.Г.Шаумяна от 9 июля 1918 года на имя И.В.Сталина: «За июнь всего добыто 17 млн. пуд. нефтяных продуктов, в то время как за май (вследствие перехода со старого на новый стиль, он считал только 19 дней) около 12 млн. пуд.»⁶

Тем не менее, политическая стратегия большевиков в области экономики не позволяла останавливаться на достигнутом, вслед за нефтяной промышленностью на очереди стояла национализация транспорта, являвшегося неотъемлемой частью нефтяного бизнеса.

5 июня 1918 года Бакинский Совнарком принял решение о национализации Каспийского флота. И воплощение в жизнь данного решения также сопровождалось ожесточенным сопротивлением собственников.

20 июня 1918 г. на своем заседании Совет народных комиссаров РСФСР утвердил Декрет о национализации нефтяной промышленности и постановление об ответственности кредитных и

инных учреждений, а также частных лиц за сохранность имущества национализированных нефтяных предприятий, что привело к возмущению даже в нейтральных европейских странах. С активным протестом против национализации нефтяной промышленности Азербайджана, наряду с зарубежными акционерами, выступили дипломатические представители таких государств, как Испания, Дания, Голландия, Норвегия, Швейцария, а также соседняя Азербайджану Персия.

Однако господство Совнаркома над нефтяной промышленностью продолжалось недолго. Этому способствовали, с одной стороны, противоречия внутри союза между большевиками и дашнаками, с другой, наступление на Баку азербайджанских военных отрядов, поддерживаемых турецкими войсками. Сражение под Геокчаем стало переломным в противостоянии между противниками в пользу азербайджано-тюркского альянса.

Выходом из создавшегося критического положения партия Дашнакцутюн видела в приглашении в город англичан. Против этого активно выступили большевики во главе с С.Шаумяном. Но 25 июля 1918 года на заседании Совета депутатов прошло предложение дашнаков. И сторонникам С.Шаумяна пришлось отказаться от постов народных комиссаров.

Всего за навигацию 1918 г. Совнаркомом было вывезено из Баку в Советскую Россию 77,6 млн. пудов нефти и нефтепродуктов.⁷ Национализация нефтяной промышленности привела к резкому падению добычи и вывоза нефти, что явилось закономерным результатом игнорирования большевиками инструментов рыночного хозяйствования. Но одно очевидно: вся отправленная нефть была окрашена кровью тысяч безвинно убитых азербайджанцев совместными усилиями большевиков и дашнаков⁸.

1 августа 1918 году после падения Бакинской коммуны власть в городе перешла к «Диктатуре ЦентрОКаспия», исполнительного органа Бакинского совета депутатов. Но и в этой структуре по-прежнему огромную роль играли представители Дашнакцутюн, крайне не заинтересованные в захвате города

объединенными азербайджано-турецкими силами. Главной задачей «Диктатуры ЦентрОКаспия» являлась организация обороны Баку.

В тот период в нефти остро нуждался и новый союзник в Первой мировой войне — Германия. Это была единственная воюющая страна, принявшая предложение Советской России о заключении мира. Как известно, 25 октября 1917 года одним из принятых на Втором съезде Советов документов являлся Декрет о мире. Раздираемая гражданским противостоянием Советская Россия выходила из Первой мировой войны, предлагая воюющим сторонам заключить мир без аннексий и контрибуций.

Страны Антанты не поддержали предложения Советской России. А Германия на условиях аннексии западных, т.е. европейских территорий, согласилась заключить мир в марте 1918г. К тому времени 1 Мировая война превратилась в «войну моторов», требовавшую большое количество топлива. Теперь, согласно Брест — Литовскому соглашению, Германия должна была получить нефть и вывезти ее через Батуми, где располагались немецкие войска.

По этому договору немцы признавали нефтяной Баку территорией России, что было весьма важно для большевиков, так как почти все мировые державы претендовали тогда на Бакинские нефтепромыслы. Взамен советское правительство брало на себя обязательства отдавать Германии четвертую часть добываемой нефти Баку. Возможно, при своевременном получении нефти Германией летом 1918 года итог войны был бы иным. Единственным условием практического осуществления этого плана являлся бы отказ Турции от поддержки АДР в наступлении на Баку и сдача города силам, поддерживающим Советскую Россию. Однако подобный исход не совпадал с интересами Турции, формально еще являющейся в то время союзником Германии.

15 сентября 1918 года, несмотря на сопротивление отрядов «Диктатуры ЦентрОКаспия», турецко-азербайджанским военным формированиям удалось войти в город. А в конце сентября парламент и правительство Азербайджанской Демократической

Республики переехали из Гянджи в Баку. Законная власть, наконец, обрела местом своего пребывания город, по праву являвшийся столицей республики.

Немного в мире городов, которые имели бы такую трагическую и одновременно героическую историю, как Баку, и виной тому была нефть... Как писал английский журнал «Near East» в 1918 году, «...Баку — величайший нефтяной центр мира. Если нефть — королева, то Баку — ее трон».

К сожалению, собственному народу в 1918-20-е годы эта нефть ничего, кроме страданий, не принесла.

Правительство АДР 7 октября 1918 года отменило декрет Бакинского Совнаркома от 2 июня 1918 г. о национализации нефтяных предприятий на Апшеронском полуострове, и своим решением вернуло эти промыслы и нефтеперегонные заводы их прежним владельцам. Отмена национализации явилась первым государственным актом АДР.

Между тем, сложная международная ситуация, создавшаяся на заключительной стадии Первой мировой войны, а также стремление, практически, каждой воюющей стороны овладеть Бакинской нефтью порождали серьезные угрозы суверенитету АДР. 30 октября 1918г. между странами Антанты и Турцией было заключено Мудросское перемирие. По этому документу Турция должна была эвакуировать свои военные формирования из Баку, и город переходил в сферу влияния Антанты.⁹

17 ноября 1918 года турецкие войска оставили Баку, и туда прибыли из Персии части британской армии во главе с генералом М.М.Томсоном, объявившим себя генерал-губернатором. Англичане сразу установили жесткий контроль над вывозом нефти. Собственниками нефтепромыслов оставались прежние владельцы, однако их право вывоза ограничивалось: для этого требовалось специальное разрешение новых хозяев города.

В ноябре-декабре 1918г нефть и нефтепродукты из Баку почти не вывозились. Целью британцев стало увеличение запасов нефтепродуктов, чтобы обеспечить свою армию дешевым сырьем на перспективу. С 10 декабря 1918г. по 1 мая 1919г. 85% всего

топлива и 72% бензина, вывезенного из Баку в Батуми, поступило в адрес британского командования.¹⁰

Показательный момент: по существу британцы за нефтепродукты ничего не платили, за полученный товар они списывали долги нефтепромышленников государственным банкам.¹¹ Но даже в этом случае англичане брали нефтепродукты по ценам на 25% ниже цен мирового рынка.¹²

Нефтепромышленникам разрешался более свободный вывоз керосина, однако количество экспортируемого товара было недостаточно для покрытия издержек нефтяных компаний. Подобная политика привела к дефициту денег. Создалась уникальная экономическая ситуация: имея большие нефтяные запасы и реализуя их часть, компании все равно оставались без оборотных средств. Попытки правительства Азербайджана исправить ситуацию с помощью выдачи ссуд под залог добытой нефти не имели долговременного эффекта.

Но господство англичан, как и других держав, в Баку было не вечным. По решению Парижской конференции 24 августа 1919 года британские войска покинули бакинскую землю.¹³ На той же конференции было решено передать мандат на Азербайджан Италии. И, хотя бы в этом, Баку повезло: в Италии сменилось правительство, а новое руководство отказалось от этого мандата. Однако англичане еще долго контролировали вывоз нефтепродуктов через Батум, всячески блокируя попытки нефтепромышленников США и правительства Франции закупить нефть у АДР во время мирового нефтяного кризиса, разразившегося с конца 1919 года.

Несмотря на увеличение добычи нефти по сравнению с периодом правления Бакинского Совнаркома, в 1919-1920 годы экспорт бакинской нефти поначалу был небольшой. При дефиците этого ресурса на мировом рынке англичане в Батуми получали десятикратную прибыль на каждый затраченный фунт стерлингов.

Но вскоре нефтепромышленникам США удалось договориться с англичанами. И с 31 декабря 1919-го по 6 марта 1920-го годов те вывозили из Азербайджана через Батум 114 пудов нефтепродуктов.¹⁴

В годы существования АДР руководство Советской России, не признавая законным существование этого государства, свои потребности в нефтепродуктах попыталось решить, вступив в прямые переговоры с нефтяными компаниями. Однако крупные нефтяные компании не желали иметь дело с большевистской властью, наоборот, они выступали за запрещение вывоза нефтепродуктов в Советскую Россию. Это означало фактическое объявление экономической блокады России. В памяти нефтяных магнатов крепко запечатлелась недавняя национализация нефтяной промышленности.

Новой властью им охотно разрешался вывоз нефти через Батум в Европу. Но не Европа, а Россия являлась основным рынком сбыта, и потеря именно этого рынка стала главной причиной накопления больших запасов нефтепродуктов на складах в Баку.

Вместе с тем, без нефти экономика России не смогла бы выбраться из разлуки гражданской войны. В.И. Ленин в ноябре 1919 года писал: «Топливный кризис встал в центре всех остальных вопросов. Топливный кризис надо преодолеть, во что бы ни стало...».¹⁵

Единственный выход из создавшейся ситуации большевики видели в захвате Баку, что и было осуществлено 28 апреля 1920 года.

Подводя итог истории нефтяной промышленности Апшеронского полуострова в 1918-1920 годы, можно сделать следующие выводы:

Баку оставался короной нефтяных богатств мира. Все ведущие государства, пользуясь политическим кризисом, охватившим бывшую Российскую империю, желали стать новыми хозяевами этой короны.

Политические представители Азербайджана в лице депутатов Учредительного Собрания, а после — Закавказского Сейма не являлись сепаратистами, а, наоборот, выступили за единую демократическую Россию, гарантирующую равные права всем народам.

Закавказский Сейм после разгона Учредительного Собрания не принял, как законную, власть Советов и вынужден был организовать собственное правительство.

Только после распада этой структуры азербайджанские представители Сейма 28 мая 1918 объявили об образовании АДР, при этом заложив в основу нового независимого государства демократические принципы.

Однако это молодое государство в силу существующих объективных причин не располагало собственной достаточно развитой экономикой, не имело армии и флота. Все это предстояло еще создать.

Положение АДР буквально с момента ее образования было критическим из-за продолжающейся мировой войны, где Азербайджан — в целом, а нефтяной Баку — в частности, явились ареной захватнической политики воюющих стран, таких, как Германия, Россия, Великобритания и Турция.

В рассматриваемый период — 1917-1920 годы — меняются хозяева Бакинской нефти. На разных этапах ими были Бакинской Совнарком, «Диктатура ЦентрОкаспия», Великобритания и Турция.

Но необходимо отметить, что с сентября 1918 года АДР, несмотря на ограничения ее государственной независимости вначале Турцией, а потом Великобританией, постепенно начала самостоятельно формировать нефтяную политику в стране. Отмена национализации и возвращение промыслов бывшим собственникам — исторический шаг в восстановлении нефтяной промышленности республики, следствием чего стало увеличение нефтедобычи и экспорта нефти в Европу.

Подлинной катастрофой для нефтепромышленников явился приход к власти в России большевиков, а завоевание 11 «освободительной» Армией Баку 28 апреля 1920 года стало концом всего нефтяного бизнеса в Азербайджане. После этого началась совсем другая страница в истории нашей нефтедобычи, отмеченная как своими достижениями, так и потерями.

Примечания:

1. *Жордания Н.Н.* Моя жизнь. Стенфорд, 1968. с.85.
2. История Коммунистической Партии Азербайджана. Баку, 1958, с.285.
3. Промышленный экспорт. Итоги и перспективы. М.-Л., 1928, с.99.
4. *Ратгаузер Я.* Революция и гражданская война в Баку, 1927. Ч.1, с.162.
5. Документы внешней политики СССР. т.1.М., 1957, с.122.
6. Экономическая жизнь СССР: Хроника событий и фактов. 1917-1965. т.1, с.27.
7. *Гиндин А.М., Муслимов И.С.* Первые социалистические мероприятия Советской власти в Азербайджане. Вопросы истории, 1963, № 11, с.26.
8. *Балаев А.Г.* Февральская революция и национальные окраины. Мартовские события 1918 года в Азербайджане. Москва, «Флинта» - 2008.
9. РГАЭ.ф.6880.оп.1.д.4.л.29.
10. «Нефтяное дело», 1919, № 11-12, с.3.
11. Там же, с.2.
12. «Народное хозяйство», Баку, 1920, №1, с.10-11.
13. *Раевский А.* Английская интервенция и мусаватистское правительство. Из истории интервенции и контрреволюции в Закавказье. Баку, 1927, с.58.
14. *Токаржевский Е.А.* Из истории иностранной интервенции и гражданской войны в Азербайджане. Баку. 1957, с.245.
15. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. т.39, с.306-307.

В ПЛЕНУ ЗАДАННОЙ КОНЦЕПЦИИ

*По поводу книги Михаила Волконского и Вадима Муханова
«По следам Азербайджанской Демократической
Республики»*

Ибрагим Алиев,
кандидат исторических наук

В последние десятилетия в странах постсоветского мира, как и во всех сферах их общественной жизни, наблюдается оживление и в научных исследованиях исторического прошлого. Особенно актуальны различные этапы советского периода истории. Проявление большого интереса к страницам истории, называемым «белыми пятнами», естественно в странах этого пространства после распада СССР. Если этот интерес, с одной стороны, исходит от научного интереса к проблемам, оставшимся неизученными по известным причинам, то с другой — вызван необходимостью дать политическую оценку и выявить их роль в современной истории. Одной из таких проблем является проблема трактовки некоторых событий и фактов в истории Закавказья, в нашем случае — Азербайджана 1917-1920 годов.

Действительно, долгие годы даже сами историки имели весьма скудное представление о событиях, происходивших в 1917-20 годы в этом регионе. Документы тех лет лежали под спудом в архивах и «спецхранах» библиотек, куда имело доступ весьма ограниченное число исследователей. К тому же в годы советской власти соответствующие органы крайне чутко реагировали на каждое слово, сказанное о событиях тех лет в Азербайджане, и

это было далеко неслучайно, ибо историческая правда никак не соответствовала требованиям коммунистической пропаганды.

Сегодня ситуация изменилась. Отменены запреты, облегчен доступ к документам по данной тематике. Поэтому в течение последних десятилетий по истории Азербайджана периода 1917-20 годов проводились многочисленные исследования, написано много книг, статей, опубликованы сборники документов, что позволило расширить представления об этом противоречивом, запутанном периоде. Однако в таких исследованиях и сегодня имеются ошибки и погрешности. Действительно, очень трудно добиться научных результатов, адекватно отражающих долгое время подвергавшийся фальсификациям, преднамеренно запутанный исторический период. Здесь еще предстоит долгая, кропотливая работа. А наличие разногласий между его исследователями по тому или иному вопросу неизбежно, и должно восприниматься, как нормальное явление.

Однако следует отличать объективно допущенную ошибку от заведомой фальсификации с определенными целями. Например, ложный характер многих положений и выводов советских ученых об истории Закавказья 1917-20 годов ни для кого не являлся секретом, по крайней мере, в последние годы Советской власти. А возникшая в постсоветские годы в позициях ученых другая крайность при оценке тех или иных событий и процессов объяснима закономерной реакцией на многолетнюю духовно-идеологическую цензуру, и это наблюдается не только в Азербайджане. Думается, со временем подобные ошибки начнут преодолевать по мере расширения и углубления исследовательской деятельности. В этом плане следует особо подчеркнуть значение появившихся в Азербайджане в последние десятилетия фундаментальных исследований по названной проблематике.

Однако настораживают не отдельные ошибки, допускаемые в научных трудах по объективным причинам, а то, что и сегодня, даже в свете новых фактов, продолжают попытки фальсифицировать историю тех лет, делаются противоречащие закономерностям исторического развития необоснованные выводы в

интересах политических сил, имеющих коварные намерения в отношении данного региона.

Книга М. Волконского и В. Муханова под названием «По следам Азербайджанской Демократической Республики», опубликованная московским издательством «Европа», стала одним из ярких тому примеров. Не претендуя на основательный анализ всей книги, хотелось бы остановиться на тех вопиющих моментах, где авторы вступают в откровенное противоречие со здравым смыслом, и, всеми правдами и неправдами, притягивают за уши к заранее заданной концепции историческую реальность. Выполняя заказ определенных политических сил, они в том же обвиняют азербайджанских исследователей, и в каждом своем положении и выводе стремятся к тому, чтобы аргументировать собственные необоснованные тезисы. Подобные методы давно известны. Автор вроде бы здраво рассуждает о предмете и будто бы им соблюдают все принципы объективного научного анализа, а на самом деле внимательный читатель легко обнаружит ложь и подтасовки в подходе к материалу исследования, не говоря уж о вытекающих из него выводах. В работе М. Волконского и В. Муханова мы наблюдаем нечто похожее. Особенно поражают ложные выводы, для утверждения которых авторы приводят множество фактов, правда, вырывая их из общего контекста, замалчивая невыгодные для себя моменты и т. д. Однако даже после такой массивной фальсификации в демонстрации исторического материала эти выводы никак не свидетельствуют о состоятельности концепции книги.

Сразу надо отметить, что в написании данной работы было использовано огромное количество источников. Всесторонняя осведомленность авторов о предмете бесспорна. Но настораживает даже не сам подход к исследованию данной проблемы, а та цель, которую они преднамеренно поставили перед собой. Главная мысль их заключается в том, что образование АДР и ее функционирование как независимого государства — якобы всего лишь плод мифотворчества азербайджанских историков. По мнению авторов, Азербайджанская республика была порождена

ситуацией, вызванной борьбой противоборствующих сил в Первой мировой войне и сразу после нее, и не имеет никакого отношения к социально-политическим, экономическим и духовным процессам непосредственно в самом Азербайджане.

Они пишут: «Насколько вообще можно говорить о существовании в это время независимого суверенного государства под названием Азербайджанская Республика? Ведь на границах распавшейся Российской империи в этот период рождались и гибли многие эфемерные государственные образования. Не является ли Азербайджанская Республика всего лишь одним из подобных образований, возникших в результате сложных политических игр и экономических факторов...».

Конечно, нельзя отрицать значение указанных «игр и факторов». Однако проблема заключается не в наличии или отсутствии роли того или иного «центра» или фактора влияния, а в умышленном искажении ракурса исследования.

На наш взгляд, такой подход коренится не в желании авторов книги выявить объективную истину о событиях тех лет в Азербайджане, а в стремлении деформировать реальную историю, поставить под сомнение исторические достижения азербайджанского народа, пытаться доказать, тем самым, его неспособность к государственному творчеству. Судя по выводам Волконского и Муханова, их беспокоит не история 1917-20 гг., а нынешнее состояние дел в Азербайджане. Отвергая реальные этапы политической борьбы, этапы становления демократического государства в Азербайджане, они не хотят признать объективность этого процесса, объясняя все «игрой случайностей». Исходя из подобных посылок, они ставят под сомнение генетическую связь современной Азербайджанской Республики с предыдущими республиками — Азербайджанской Демократической Республикой и Азербайджанской ССР. Поставив под сомнение историческую закономерность образования и функционирования Азербайджанской Демократической Республики, пытаются убедить читателей в отсутствии идейных и социально-политических корней нынешней Азербайджанской Республики. Таким

образом, главной мишенью этих фальсификаторов является именно современный независимый Азербайджан. Весь ход размышлений Муханова и Волконского направлен именно на это.

Главным аргументом авторов книги является необоснованный тезис об отсутствии в те годы воли азербайджанского народа к обретению независимости и в создании суверенного государства. А в качестве примера они приводят историю феодальной раздробленности в Азербайджане второй половины XVIII века и замалчивают сильные периоды его истории. «Насколько население Азербайджана было консолидировано идеей независимого суверенного азербайджанского государства и насколько легитимными были органы власти молодой республики?» — спрашивают они.

Наверное, следует напомнить авторам данной книги о том, что Азербайджан имеет давнюю историю государственного строительства. На этой земле государства существовали с древнейших времен, и сложилась своя богатая традиция политической жизни. Конечно же, эти государства переживали различные этапы, впрочем, как и другие страны мира, они то усиливались, то ослабевали. Для всякого, имеющего хоть какое-то представление о мировой истории, это не является откровением. Азербайджан — одна из тех стран, какие имеют полноценную историю государственности.

Уже в начале XVII века здесь сложилось централизованное государство, ставшее образцом государственного устройства феодального типа. А тот факт, что государство это затем ослабло и подверглось дезинтеграции, превратилось в добычу для хищных соседей, имеет свои глубокие причины. И его распад, и расчленение не могут объясняться отсутствием у азербайджанского народа традиции государственности. В истории каждого народа, каждого государства бывают взлеты и падения. Именно в тот период, когда Азербайджан переживал в XVIII- XIX веках свои трудные дни, он и был разделен между соседями.

Авторы книги аргументируют свои порочные выводы слабостью национально- демократического движения и пассивностью

азербайджанцев в социал-демократической революции. Действительно, становление национального демократического движения в Азербайджане шло непросто, и вначале это движение было более инертно, чем у христианских народов, особенно русского, но происходило это не по вине азербайджанцев. Ведь сами авторы данной книги приводят примеры того, какому сильному давлению подвергалось мусульманское население со стороны имперской власти. Мусульман не допускали в управленческие структуры, для них был во многом закрыт путь к образованию. Время от времени мусульманская среда подвергалась «чисткам». В 1841-43 годах власти додумались до того, что в мусульманском Закавказье стали проводить политику, направленную на создание здесь «естественного русского дворянства». Лишали местных беков, агаларов их прав и собственности, пытались вытеснить их дворянами-христианами, и превратить всё мусульманское население, в том числе коренных местных дворян, в их крепостных.

После реформ 1860 гг. мало что изменилось. Все реформы в мусульманской среде проводились непоследовательно и половинчато, что относится и к крестьянской реформе 1870 г., и судебной реформе 1866 г., и городской реформе 1878 года. Во всех перечисленных реформах власти, прежде всего, заботились о том, чтобы помешать развитию и укреплению местной мусульманской элиты, способной повести за собой народ. Как же можно было консолидировать население вокруг национальной идеи в таких условиях? И то, что, несмотря на все препятствия, все же удалось сформировать национально-демократическое движение, говорит не об отсутствии воли народа к свободе, а наоборот — о силе его воли.

Мало чем отличались от позиций власти по отношению к мусульманским народам России, в том числе и Закавказья, позиции возникших в конце XIX — начале XX века политических партий и общественных движений. Объявив себя демократами, ни одна из них не собиралась хотя бы учитывать их интересы. И социал-демократы не были исключением, хотя в своей программе

утверждали «права нации на самоопределение». Насколько правильным был этот лозунг и насколько соответствовал интересам российских народов — вопрос другого порядка и его обсуждать мы не собираемся. Хочется только сказать, что как бы справедливо ни звучали лозунги социал-демократов по национальному вопросу, на практике, в повседневной жизни, мусульманское население встречало совсем иное к себе отношение.

Мусульман отталкивало от социал-демократов их пренебрежительное поведение, смешанное с потенциальной армянской враждой к «дикому мусульманскому населению». И подобное дискриминационное отношение как со стороны властей, так и со стороны социал-демократов неоднократно подтверждалось в повседневной жизни. Особенно оно проявилось после февральской 1917 года революции, когда социал-демократы были, как никогда, близки к поставленным целям. Ярким примером тому стало игнорирование различными демократическими силами интересов азербайджанского населения Закавказья. А мартовские кровавые события 1918 года стали пиком этого противостояния. При таком враждебном и унижительном отношении к мусульманскому населению говорить о нормальном дружеском сотрудничестве с немусульманской массой было немыслимо. Большевики, ситуационно объединившиеся с армянскими националистами, учинили массовую резню мирных азербайджанцев, совершенно забыв при этом о провозглашенных марксистских целях и принципах. Находить причины пассивности мусульманского населения в этой борьбе в его отсталости или апатичности, значит не понимать или не желать понимать реальный исторической ситуации.

Обвинение азербайджанского народа в отсутствии у него воли к независимости свидетельствует лишь о тенденциозности исследователей. Подобный вывод есть результат умышленного или же одностороннего подхода к сложнейшим социально-политическим проблемам.

Пренебрежительное отношение к мусульманским народам проявилось и в позиции христианских государств, участников

противоборства в Первой мировой войне. Даже демократические силы Европы, преследующие самые гуманные цели, подходили к проблемам народов Востока со своими европейскими мерками.

Авторы книги, утверждая, что АДР проводила несамостоятельную внутреннюю и внешнюю политику, ставят риторический вопрос: «Можно ли говорить о проведении правительством республики самостоятельной внутренней и внешней политики».

Но что такое, по их мнению, самостоятельная политика?

Кто не пользуется внешней поддержкой в сложные моменты своей истории? Может быть, белогвардейцы не пользовались такой поддержкой? Или армяне, которые для достижения своих целей были готовы сотрудничать, по их собственным заявлениям, хоть с дьяволом? Ведь армянская партия Дашнакцутюн, выдававшая себя за поборника идей западной демократии, выполняла большевистский заказ, когда учинила резню мирных азербайджанцев в Баку. Опять же дашнаки подняли мятеж в разных районах Азербайджана в апреле 1920 года, чтобы отвлечь вооруженные силы АДР и, тем самым, облегчить советскую оккупацию Азербайджана.

По мнению авторов книги, Азербайджан должен был отказаться от помощи османской Турции, чтобы оставаться «честным» в борьбе с окружающими его врагами. Видимо, для того, чтобы они проглотили его как можно скорее. Так что обвинение АДР за ее поиски поддержки у мирового сообщества совершенно абсурдно.

Что касается того, что АДР просуществовала всего 23 месяца и пала, будучи оккупированной Советской Россией, — так это тоже не может быть напрямую связано с ее неспособностью вести самостоятельную политику или отсутствием у азербайджанцев воли к независимости. Оккупация стала закономерным результатом противостояния множества тенденций тогдашнего мирового развития, и зависела далеко не только от воли азербайджанского народа. Ведь все государства, отколовшиеся от Российской империи при ее распаде, рано или поздно были возвращены в границы империи под другим названием (за исключением Финляндии).

Правда, в деятельности правительства АДР было много недостатков и не преодоленных трудностей. Имелись негативные явления, коррупция, предательство, допускались непоправимые ошибки. Этого никто и не собирается отрицать, и все это нашло всестороннее отражение в трудах азербайджанских историков. Но все подобные факты не дают повода сомневаться в праве и способности азербайджанского народа создать независимое суверенное государство.

Во множестве авторитетных научных исследований неоднократно доказывалось, что образование АДР, деятельность ее руководства были закономерным результатом исторического развития Азербайджана. АДР опиралась на традиции государственности, которым уже несколько тысячелетий.

Божьей милостью государство не образуется. Именно благодаря политической воле азербайджанского народа при советской власти Азербайджан стал Советской Социалистической Республикой. В те годы многих советских руководителей беспокоило существование мусульманской республики наравне с христианскими. Вот почему постоянно старались затушевать этот факт различными оговорками. Партийной верхушке не хотелось допустить вхождения мусульманской Азербайджанской ССР в СССР как равноправного члена Союза, поэтому пришли к решению о создании Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республики. Однако, в конце концов, власть вынуждена была примириться с реальностью, и в 1936 году Азербайджанская ССР стала полноправным членом СССР. Таким образом, после падения АДР политическая воля азербайджанского народа проявилась, хотя и в закамуфлированной форме, в существовании Азербайджанской ССР.

Распад СССР открыл путь к восстановлению полной независимости. Поэтому сегодня правомерно говорить о *наследственной преемственности* Азербайджанского Демократического государства.

Попытка отделить историю этих трех азербайджанских республик — АДР, Азербайджанской ССР и современной

Азербайджанской Республики — друг от друга, прервать общую историческую нить, пытаться объяснить образование каждой из них отдельными внешними причинами — противоречит закономерностям исторического развития и является спекуляцией на историческую тему.

В книге Волконского и Муханова последовательно проявляется враждебное отношение авторов к Азербайджану и его народу. Эта позиция ярче всего заметна в сделанных выводах. Эти псевдоученые даже не скрывают своих намерений опорочить всё положительное, всё ценное, что есть в истории АДР, целенаправленно ищут аргументы для того, чтобы доказать: достигнутые успехи являются результатом различных случайностей. Они обвиняют Азербайджан, его политических деятелей во всех смертных грехах, однако, обвиняя Азербайджан и Грузию в развале единого Закавказского государства, при этом не упоминают о предательской позиции и подрывной деятельности дашнаков, всегда выполнявших функцию пятой колонны различных внешних сил. Выдавая армянских националистов за безвинных жертв, авторы умалчивают об их вредоносной экстремистской деятельности в регионе, что давно нашло отражение в серьезной научной литературе. Например, кровавым мартовским событиям 1918 г. в Баку, оказавшим огромное влияние на деструктивные процессы в регионе, авторами книги уделено совсем незначительное внимание, и то больше для опровержения фактов о численности жертв (стр. 77-79). Зато они с болью говорят о не имевшей место в реальности «резне 32 тысяч армян» при освобождении Баку в сентябре 1918 года Кавказско-Исламской армией. Почерк знакомый, не так ли?

Можно много говорить и о других лживых «конструкциях» Волконского и Муханова. Однако пусть каждый заметит для себя их умысел, скрываемый за примитивными рассуждениями.

Газета «Эхо»,
26 января 2008, сс. 7-8 (Баку)

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

МОГИЛЫ НА ЧУЖБИНЕ

Рамиз Абуталыбов

«Свобода, Равенство и Братство» — эти магические слова всегда притягивали и сейчас притягивают во Францию со всего мира людей разных национальностей и вероисповеданий.

Одни ищут здесь политического убежища, другие — славы, третьи — стабильного заработка, а если повезет — и богатства, и т.д. Кому-то везет, а кому-то — нет. Но ни один из неудачников не скажет худого слова о Франции и ее народе.

Среди огромной массы эмигрантов были и наши соотечественники, для которых Франция стала второй родиной.

На различных кладбищах покоятся здесь наши земляки.

Представители первой волны азербайджанской эмиграции (1920-1930 гг.) в большинстве своем имели высшее образование. Они никогда не забывали свою родину, работали на ее благо и оставили добрую память о себе.

Остались на чужбине и многие представители второй, послевоенной эмиграции, бывшие пленные и перемещенные лица. У них не было другого выбора, так как великий кормчий объявил: «Победителей судят».

Как сложится судьба «третьей волны» — нынешней эмиграции? Об этом будут знать наши потомки.

А сегодня мы расскажем о захоронениях некоторых наших земляков во Франции.

Из шести членов азербайджанской делегации, выехавшей во Францию в 1919 г. для участия в работе Версальской мирной конференции, четверо — Али Мардан бек Топчибашев, Акпер Ага Шейх-уль-Исламов, Джейхун бек Гаджибейли и Мамед Магеррамов скончались в Париже.

Первым ушел из жизни в ноябре 1934 г. А.М.Топчибашев. В последние годы он жил в предместье Парижа — Сен-Клу и похоронен там же на местном кладбище. В семейном склепе покоятся его супруга — Пери ханум (1873-1947) (дочь Гасан бека Зардаби) и их сыновья: Али Акбер бек (1896-1977) и Рашид бек (1900-1926). Автор этих строк присутствовал на траурной церемонии погребения Али Акбер бека в 1977 г.

Недалеко от них — могилы Джейхун бека Гаджибейли (1891-1962), его супруги Захры ханум Гаджикасимовой, сыновей Джейхун бека и Тимучин бека.

На мусульманском кладбище в городе Бобиньи, близ Парижа, захоронен Акпер Ага Шейх-уль-Исламов (1891-1961).

Последним из членов делегации ушел из жизни в 1982 г. Мамед Магеррамов (род. в 1895 г.). Он похоронен на кладбище Монпарнас в Париже.

В октябре 1994 г. в Париже, в возрасте 79 лет, скончался художник Селим Туран, сын Алибека Гусейн-заде. Сегодня его настенную живопись, скульптуры, парковые ансамбли можно увидеть в двадцати городах Франции.

На различных кладбищах во Франции покоятся члены семей Асадуллаевых и Зюльгадаровых.

Глава семьи парижских Асадуллаевых — Мирза Шамси оглу (1875-1938) захоронен на кладбище в Бобиньи. Рядом с ним — его двадцатилетний внук Надир (1919-1939) — сын Али Асадуллаева и Лейлы ханум Тагиевой (дочь Гаджи Зейналабдина Тагиева).

Там же предположительно захоронена и старшая дочь Мирзы Асадуллаева — Говсар ханум (могилу не удалось найти). У нее было два сына: от первого брака — Исмаил Гасанов, которого не взяли во Францию, и он умер в Баку; и от второго брака —

известный французский востоковед Асадулла Меликиан-Ширвани, сейчас он живет в Париже.

Вторая дочь Мирзы Асадуллаева — Сурая ханум (могила не найдена) также скончалась в Париже. Ее муж Мурад Везиров умер в Иране. Во Франции сейчас живет их дочь.

Третья дочь Мирзы Асадуллаева — Кюбра ханум (1901-1985) похоронена в Париже на кладбище Батиньоль.

Четвертая дочь — Умм-эль-Бану (род. 16 января 1905 г. в Баку), известная французская писательница, издававшая свои произведения под псевдонимом Банин, скончалась в Париже 23 октября 1992 г.

Сын Мирзы Асадуллаева от второго брака — Шамси тоже умер в Париже.

В начале XX века в Азербайджане одним из крупных землевладельцев был Аллахьяр бек Зюльгадаров. Кое-кто из его потомков после 1920 г. переехал во Францию. На двух кладбищах удалось найти могилы некоторых из них.

На мусульманском кладбище города Бобиньи захоронены Нушу бек, Махрух ханум и Хавер ханум Зюльгадаровы. На православном русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа покоятся Зоря Тукаева, урожденная Зюльгадар и Юлия Зюльгадар, урожденная Брандт. Юлия была сестрой Надежды Брандт — жены Никиты Нахичеванского, внука генерала Гусейн Хана Нахичеванского.

Одна из Зюльгадаровых — Суджаат ханум долгое время жила в Париже в семье Джейхун бека Гаджибейли. В 60-е годы XX столетия она вместе с детьми переехала в США.

Хотелось бы несколько слов сказать о парижском русском кладбище. Расположено оно в небольшом городке Сент-Женевьев-де-Буа в 30 км от Парижа. Здесь более 20000 могил, среди них и захоронения известных русских писателей, ученых, политиков, художников, артистов, военных и представителей духовенства.

Документы свидетельствуют о том, что молодая англичанка Доротея Пейджет, воспитанная русской няней, купила особняк

в Сент-Женевьев-де-Буа и вместе с княгиней Верой Мещерской создала здесь «Русский дом» для престарелых.

В 1927 г. недалеко от этого особняка возникло русское кладбище. Здесь покоятся — Иван Бунин, Константин Коровин, Иван Мозжухин, Дмитрий Мережковский, князь Феликс Юсупов, Виктор Некрасов, Андрей Тарковский, Александр Галич, Рудольф Нуриев и многие другие.

Есть на этом кладбище и могилы представителей других национальностей, некогда населявших Российскую империю. Кто-то из них принял православие, а кто-то, проживая в Париже среди своих сограждан и уходя в мир иной, хотел остаться навеки рядом, с друзьями и соседями.

На русском кладбище можно увидеть надгробия в мусульманском стиле — со звездой и полумесяцем. Например, на могилах Лейлы ханум Муфтий Заде (1878-1966) и ее сына Рустем Бея Тайганского (1903-1980). А вот другие имена — Мирза Джабраил, Селим Идрисов (ум. 1973), Измаил Базаров (ум. 29.09.1943), ротмистр князь Владимир Али Бей Балатуков (2.08.1852-6.09.1933), ротмистр Селим мурза Муфтий Заде (1885-1945), Рефик Бей Laval Ahmet (2.04.1893-6.05.1973) и др.

Не только в Париже, но и в других городах Франции можно найти могилы наших соотечественников. Приведу имена некоторых из них: Мамед Алиев, Ага Рза Тагиев, Гасан Ами, Ага Шариф Шихалиев и Магеррам Магеррамов.

...Эту статью мне хочется закончить строками стихов русского поэта Роберта Рождественского, посвященных россиянам, покоящимся во французской земле. Эти его слова полностью можно отнести и к нашим землякам, не по своей вине, навечно оставшимся в прекрасной и гостеприимной Франции:

**Спят они бедные, примиренные с вечностью,
Вспомнивши, может, завет о прощеньи, любви,
Жертвы Истории, внутренней черствости, —
В чем-то неправые, в чем-то и правые, —
Кто же не грешен на этой земле?..**

МАТЕРИАЛЫ К АЗЕРБАЙДЖАНСКОМУ
НЕКРОПОЛЮ ВО ФРАНЦИИ

Эльдар Исмаилов

Исследователи-генеалоги не раз указывали на важность изучения и сохранения подобных некрополей. В первую очередь — они хранят данные о времени и месте смерти и захоронения конкретных людей. Описания некрополей, производимые с разными целями, могут служить источником и других сведений об умерших. Как отмечает академик С.О. Шмидт, материалы «некрополей важны не только для уточнения дат жизни и деятельности отдельных лиц и их генеалогических связей, но и для познания многообразных явлений государственно-политической и социокультурной истории»*.

Как известно, основными источниками генеалогических изысканий являются документальные собрания государственных и частных архивов. Однако при изучении генеалогии эмиграции, когда исследователи сталкиваются с проблемой малодоступности архивных и литературных источников, значение данных некрополистики еще более возрастает.

Принимая во внимание вышесказанное, в настоящей статье приведены сведения, извлеченные из малоизвестной в Азербайджане справочной литературы, посвященной русскому некрополю. Материалы этих справочников содержат в себе информацию не только о русских захоронениях зарубежья, но и о тех, кто похоронен на русских кладбищах, либо чьи некрологи были опубликованы в русских эмигрантских газетах. Это, в основном,

* Шмидт С.О. Исторический некрополь в системе культуры России. Московский некрополь (история, искусство, охрана). Москва, 1991. с. 16.

представители народов, населявших бывшую Российскую империю, которые по тем или иным причинам вынуждены были покинуть свою историческую Родину. Среди этих справочников по масштабу представленной информации выделяется 6-томное энциклопедическое издание, подготовленное отделом литературы русского зарубежья Российской государственной библиотеки — «Незабытые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917-2001». Также следует выделить работы крупного специалиста по генеалогии русской эмиграции И.И. Грезина, его труды по генеалогии и некрополистике русской эмиграции во Франции, Бельгии, Швейцарии. В книге И. Грезина «Алфавитный список русских захоронений на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа» представлен алфавитный список фамилий персон, похороненных на этом известном русском кладбище. В работе дан генеалогический обзор всех без исключения русских захоронений, представлено более 10 тысяч имен. Подобная информация содержится и в его рукописи 1996 года, в настоящее время еще не изданной, «Кладбище Saucade». Там говорится о более чем 2700 захоронений на кладбище Кокад в Ницце*.

Продолжая тему некрополя азербайджанской эмиграции во Франции, поднятую Р.А. Абуталыбовым, ниже приведены алфавитные списки некрологов и захоронений азербайджанцев и членов их семей, информация о которых имеется в трех вышеперечисленных справочниках.

* * *

Асадулаев Ага Мирза (ум. 14.04.1938, Париж). Похоронен на кладбище г. Бобиньи, под Парижем [1. С. 142].

Асадулаева Мария Петровна (1877 — 1961). Похоронена на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа [6. С. 16].

Асадулаева (урожд. Датиева) Тамара-ханум (ум. до

* Выражаю благодарность А.А. Лукьянову за предоставленную возможность ознакомиться с экземпляром рукописи.

18.11.1965, Франция). Похоронена на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа [1. С. 142].

Бек-Софиев (Оскар) Борис Александрович (4.07.1874 — 25.04.1934, Париж)*. ... Умер от туберкулеза в госпитале Брюссэ. Похоронен на кладбище Тие [1. С. 243]. Борис Бек-Софиев — отец поэта и художника Юрия Борисовича Софиева (7/20.02.1900 — 22.05.1975, Алма-Ата) — участника французского движения Сопротивления, в 1955 г. вернувшегося на родину. Юрий Борисович Софиев был женат на известной русской поэтессе Ирине Николаевне Кнорринг (по мужу Бек-Софиева; литературный псевдоним Ирина Бек) (21.04.1906 — 21(23).01.1943, Париж). Ирина Николаевна страдала диабетом и скончалась на 37-м году жизни от отсутствия инсулина. 7 декабря 1965 г. ее прах был перенесен на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа [3. С. 323; 6. С. 29].

Бек-Софиев Лев Оскарович (24.11.1902 — 3.06.1982, Париж). Последний редактор «Военно-исторического вестника». Похоронен на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа [1. С. 243; 6. С. 28].

Бек-Софиев Максимилиан Оскарович (5.01.1906 — 5.11.1937/2.01.1945). Похоронен на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. «Замучен насмерть в колымских концлагерях» [6. С. 29].

Бек-Софиева (ур. Радионова) Лидия Николаевна (20.06.1876 — 28.07.1956). Похоронена на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа [6. С. 29].

Бек-Софиева (ур. Василевская/Wasilewska) Мария-Луиза Теофиловна (24.01.1905 — ...). Похоронена на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа [6. С. 29].

Брант Зюльгадар (Brandt Zulgardar) Юлия Гавриловна (1881 — ум. до 19.09.1956, Франция). Похоронена на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа [1. С. 402; 6. С. 29].

* Сын подполковника Аббас-Кули-бека Софиева, происходившего «из бекской фамилии Тифлисской губернии», Оскар-бек Софиев в 90-х гг. XIX в. женившись на русской девушке Лидии Николаевне Родионовой, принял православие с именем Борис Александрович. О нем, его происхождении, службе, а также о его потомках, см.: Исмаилов Э.Э. Георгиевские кавалеры - азербайджанцы. Москва, 2005. С. 170-177.

Везирова Хуршид Ханум (ум. 2.06.1930, Париж) [1. С. 523].
Гаджинский Ахмед-бек (ум. 1.04.1963, Франция)*. Бакинский нефтепромышленник. Похоронен на кладбище St.-Ouen [2. С. 17].
Гаджинский Садык-бек (ум. до 30 апр. 1929, Франция) [2. С. 17].
Зюльгадар Махрух-Ханум (ум. 9.01.1949, Париж). Скончалась скоропостижно. Похоронена на мусульманском кладбище [2. С. 647].

Макинская (ур. княжна Меликова) Екатерина, княгиня** (25.06/8.07.1903 — 8.10.1990). Похоронена на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа [6. С. 235].

Макинская (ур. Бюрэн де Розьер/Burin de Roziers) Huguette, княгиня (31.07.1921 — 30.10.1989). Похоронена на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа [6. С. 235].

Макинская (урожд. Любельская) Стефания Антоновна, княгиня (21.04.1878, Варшава — 16.02.1964, Париж). Вторая жена Паши хана Макинского. Умерла на 86-м году жизни. Похоронена на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа [4. С. 316; 6. С. 235].

Макинский Александр, князь (13.10.1900, Маку, Иран — 25.04.1988, Нейи-сюр-Сен, под Парижем). ...Принял американское гражданство... Сотрудник ряда Американских и французских газет. Писал под псевдонимом Александр Готье... По окончании войны принял французское подданство... Офицер Почетного легиона, командор испанского Ордена Достоинства, великий офицер иранского Ордена Льва и Солнца, рыцарь академических палм... Похоронен 29 апреля 1988 г. на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа [4. С. 316; 6. С. 235].

Макинский Кирилл, князь (2.04.1910 — 8.01.1991). Похоронен на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа [6. С. 236].

Макинский Паша хан (15.08.1862, Эривань — 9.07.1934, Париж). Скончался после продолжительной болезни. Похоронен

* О семье Гаджинских см.: Исмаил-заде Н.Дж. Иса бек Гаджинский, его происхождение и потомки. Известия АИРО. Вып. 4. Баку, 2003. С. 29-34.

** О семьях Макинских и Нахичеванских см.: Мирзазаде П.Х. Потомки ханов Макинских и Нахичеванских за рубежом. Известия АИРО. Вып. 5. Баку, 2004. С. 48-54.

12 июля 1934 г. на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа [4. С. 316; 6. С. 235].

Мартынова (урожд. княжна Нахичеванская) **Татьяна Гусейновна** (Санкт-Петербурге 30.06.1894 — 3.05.1972, Ницца). Похоронена на кладбище Кокад в Ницце; на могиле дат нет (захоронение № 257) [4. С. 415; 7].

Наврузов Теймур Бей (3.05.1880 — 23.01.1961). Генерал-майор [Азербайджанской армии], [подполковник] 17-го Нижегородского полка. Похоронен на кладбище Кокад в Ницце (захоронение № 848)* [7].

Принцесса **Реза-Кули-Мирза Мария Константиновна** (ум. 21.06.1958). Похоронена на кладбище Кокад в Ницце (захоронение № 259) [7].

Топчибаши (Топчибашев) **Али-Мардан-Бек** (4.05.1862, Тифлис — 8.11.1934, Париж). ...Похоронен 8 ноября 1934 г. на кладбище в St.-Cloud (Париж) [5. С. 433].

Известия Азербайджанского историко-родословного общества, выпуск 6 (Баку, «Адилоглу»-2007)

Литература:

1. Незабываемые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917-1997: В 6 т. Т. 1. А — В / Рос. гос. б-ка; Сост. В.Н. Чуваков; под ред. Е.В. Макаревич. — Москва, 1999.
2. Незабываемые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917-1997: В 6 т. Т. 2. Г — З / Рос. гос. б-ка; Сост. В.Н. Чуваков; под ред. Е.В. Макаревич. — Москва, 1999.
3. Незабываемые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917-1999: В 6 т. Т. 3. И — К / Рос. гос. б-ка; Сост. В.Н. Чуваков; под ред. Е.В. Макаревич. — Москва, 2001.
4. Незабываемые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917-1999: В 6 т. Т. 4. Л — М / Рос. гос. б-ка; Сост. В.Н. Чуваков; под ред. Е.В. Макаревич. — Москва, 2004.
5. Незабываемые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917-2001: В 6 т. Т. 6. Кн. 2. Скр — Ф / Рос. гос. б-ка; Сост. В.Н. Чуваков; под ред. Е.В. Макаревич. — Москва, 2005.
6. Grezine Ivan. Inventaire nominatif des sepultures russes du cimetiere de Ste-Genevieve-des-Bois / Алфавитный список русских захоронений на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Paris, 1995.
7. Грезин И.И. Кладбище Caucade. Nice, 1996 (рукопись).

* О Теймур беке Наврузове (Наврузове) см.: Исмаилов Э.Э. Георгиевские кавалеры — азербайджанцы. Москва, 2005. С. 178-187.

ПОНЯТЬ ДРУГОЙ НАРОД

Александр Горянин,
журналист

КАК АЗЕРБАЙДЖАН ОКАЗАЛСЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ГДЕ ИСТОКИ ЕГО ПРОБЛЕМ

В середине 80-х один либеральный нью-йоркский журнал поместил карикатуру «Мир в представлении президента Рейгана». Рейгановский мир был предсказуем, но все равно прелестен. Всю его середину занимали США, наполовину состоящие из Калифорнии. Неподалеку нагло корячилась Империя Зла, тоже здоровенная. Все прочие страны являлись собой сущую мелочь. Индия с надписью «Injuns» (краснокожие) была с горошину, Китай с перепелиное яйцо. Африканские племена (впрочем, демократически настроенные) ездили верхом на жирафах, на дальнем берегу Океана обитали Антиподы с пёсьими головами. Между Лягушатниками и Макаронниками жались Япы (япошки), дальше выглядывали страны Маловажные и Совсем Неважные.

В некоторых отношениях наш российский условно-просвещенный слой недалеко ушел от папаши Рейгана. Прежде всего, в своих суждениях о степени важности для России той или иной страны. Да и образы самих стран у этого слоя сплошь и рядом дикие. Многие из них лишь недавно перестали путать Иран с Ираком — как раньше путали (а может, и продолжают) Литву с Латвией. Начитанные, казалось бы, люди уверены, что у России есть граница с Арменией, а Чечня граничит с Абхазией. Совсем не случайно оборот «лица кавказской национальности», от чистого

сердца пущенный каким-то кувшинным административным рылом, стал вполне всерьез употребляться людьми с высшим образованием. Включая (даже!) тех, кто умеет склонять числительные.

На опыте частных бесед знаю, что большинство наших интеллигентов подразумеваемо делит страны мира на Симпатичные (они же Цивилизованные и уже поэтому Важные) и Прочие. В первые зачисляют все страны Запада, так что бывает трудновато доказать собеседнику, что отношения, скажем, с Казахстаном или Азербайджаном для России раз эдак в двадцать важнее, чем с Канадой или Испанией — совершенно не желая обидеть последние.

Поговорим об Азербайджане, стране, чье значение для России чрезвычайно велико. Любой народ надо понять, надо уметь поставить себя на его место. Но как нельзя разгадать запутанный сюжет, не прочтя начало и середину книги, так невозможно понять народ, не уяснив истоки его проблем, постоянно действующие факторы его истории. Без этого мы рискуем попасть со своим политическим планированием пальцем в небо.

Азербайджан — сложная тема. Энциклопедической справкой тут не обойдешься, надо раскрыть логику событий, которая неотвратимо сделала Азербайджан частью Российской империи, рассказать об Азербайджанской демократической республике 1918-20 годов, коснуться советского периода вплоть до Перестройки. Просьба при чтении поглядывать на карту. Понять Азербайджан, понять отношения России и Азербайджана без географии невозможно.

«Где огонь горит неугасимый»

На вопрос о том, почему Азербайджан оказался в составе России, правильно ответят немногие. Хотя взаимная диффузия Руси и Кавказа началась около одиннадцати веков назад, со времен Тмутараканского княжества (которое, напомним, было одним из кавказских государств), Византия и Орда отодвинули наше более близкое знакомство на столетия. Но любые столетия проходят.

Когда купцы двух народов вновь освоили великий торговый путь по Волге, Каспию и каспийскому берегу, контакты стали неизбежны. Кто-то, как и сегодня, оставался жить в далекой земле. Как пишет Афанасий Никитин, когда судно с товарами русской купеческой компании при посольстве Василия Папина, в составе которой следовал Никитин, разбилось о берег близ Дербента, из его спутников одни вернулись на Русь, *«иные остались в Шемахее, а иные пошли роботать к Баке»*. Сам же Афанасий *«пошел к Дербенти, а оттоле к Баке, где огонь горит не угасимый»*, но не «роботать» там, а двигаться дальше, в Индию. Было это в 1468 году: еще не открыли Америку и не родился Васко де Гама. В те времена не было государства «Азербайджан», значительную часть его нынешней территории занимало государство Ширваншахов. Баку был одним из городов Ширвана, но не столицей. Столицей была Шемаха. Никитин называет шаха Ширвана «татарским ширвашином». Имя «татар» держалось в русском обиходе за азербайджанцами вплоть до 20-х годов XX века.

Во времена Никитина Шемаха и Москва начали обмениваться посольствами, вести речи «о дружбе и согласии», слать друг другу подарки: посол Василий Папин вез от Ивана III ширваншаху Фаруху Ясару 90 кречетов. Но, положив руку на сердце, большого значения все это не имело, и мы с азербайджанцами так и остались бы отдаленными знакомыми, если бы не два других закавказских народа — православные грузины и грегорианцы армяне.

Движение России на юг: самозащита и исполнение обета

Находясь под постоянным (как армяне) или периодически возобновляемым (как грузины) игом то персов, то турок, они всегда искали христианских заступников. Самым понятным в то время способом получить заступничество был вассалитет. Первое грузинское посольство, принесшее присягу русскому царю, прибыло в Москву в 1491 году, однако реально великая грузинская мечта сбылась лишь через три века, на протяжении которых челобитные и присяги многократно обновлялись.

Защита закавказских христиан стала считаться в Москве святым, не подлежащим обсуждению долгом, и хотя выполнить этот долг было затруднительно — тысяча верст, отделявшая русские пределы от Кавказа, контролировались воинственными кочевниками, — установление опеки над Грузией и Арменией было воспринято как государственная задача России, которая рано или поздно должна быть выполнена. Важным политическим фактором на протяжении столетий оставалась грузинская эмиграция в Москве, а затем в Петербурге, постоянно лоббировавшая интересы Грузии. В число эмигрантов нередко входили грузинские цари и царевичи, иногда с двором, — как живое напоминание о взятом на себя Россией обете. Именно здесь главный ключ к войнам Российской империи на Кавказе.

Об этом у нас постоянно забывают, приписывая экспансию России на юг исключительно врожденному русскому империализму. Правда, мессианский мотив не был главным. Прежде всего, век за веком строя засечные линии, Россия последовательно теснила своих исторических врагов, живших набегами и грабежом — Большую орду, Ногайскую орду, Крымское ханство и его союзницу Астрахань. После сотен их набегов, порой до самой Москвы, потеряв счет сожженным и разграбленным городам и угнанным людям, Россия обязана была устранить угрозу радикально. Вольные казаки, сильно опережая государство, вели собственный натиск на юг. Начиная с 1534 г. гребенские казаки селятся в предгорьях Восточного Кавказа и в устье Терека. Казаки не были имперскими агентами царизма, более того — московские власти видели в них преступников. Но довольно скоро, присоединив Астрахань, Россия вышла на Каспий, «простила» гребенцев, поручив им нести пограничную службу на новых рубежах. Россия впервые стала соседствовать с лезгинами, аварцами и азербайджанцами (в Дагестане их всегда было много), после чего ее продвижение на юг здесь прекращается на 150 лет.

Не будь грузинского и отчасти армянского факторов, граница и сегодня, вероятно, проходила бы здесь же. Горы не манили русских. Для них, фундаментально равнинных жителей, горы

были средой тяжелой и непривлекательной. России было достаточно, чтобы дагестанские князья не закрывали, что иногда случалось, для русских купцов путь в Баку и Персию. Торговать было чем. Например, по производству шелка-сырца Ширван занимал одно из первых мест в мире.

Летели годы. Россия отдышалась от Смутного времени, и стала вновь получать просьбы о вассалитете — от мегрельского царя Леона, кахетинского царя Теймураза, имеретинского царя Александра, армянского католикоса Акопа Джугаеци, царя Имеретии и Кахетии Арчила, от депутации Тушети, Хевсурети и Пшави... Набожный государь Алексей Михайлович не раз плакал, размышляя об участи братьев-христиан. Но что он мог сделать? Все жалованные грамоты о приеме в подданство мало что значили без военного присутствия на месте. А как его обеспечить? Военно-Грузинская дорога, Военно-Сухумская дорога — все это придет позже. У России тогда был, по сути, один путь в Закавказье: каспийским берегом — то есть, через Азербайджан. А это означало войну с Персией. Алексею Михайловичу хватало войн с Швецией, Польшей и Степаном Разинным (совершившим, среди прочего, пиратский набег на Баку с моря). Прорываться через Дербентские ворота Тишайший царь не стал.

Не таков был его сын, Петр Первый. После победы над шведами в Северной войне, он немедленно вспоминает о своем «христианском долге» на юге. Действуя в согласии с грузинским царем Вахтангом VI и армянским католикосом Исайей, Петр I двинул в 3(14) мая 1722 года войска в прикаспийские владения Персии.

Азербайджан между трех огней

Что из себя представляли тогда эти владения? Ширван давно утратил самостоятельность — еще в 1538 году его поглотила империя Сефевидов. Поначалу азербайджанцы были в ней на особом положении: в середине XVI века из 74 эмиров империи 69 были азербайджанцами, в основном из азербайджанцев набиралась

и армия Сефевидов. Потом азербайджанские земли на полвека захватила Турция, потом их вновь вернули себе персы — но уже не как привилегированную область, а как одну из окраин персидского государства. Лучшие времена остались позади.

Сам Петр во время Персидского похода до Азербайджана не дошел. Из Дербента он вернулся в Астрахань. 15(26) июля 1723 года, после четырех дней артобстрела, десант под командованием генерал-майора Михаила Афанасьевича Матюшкина взял Баку.

Как нам и азербайджанцам относиться к этому обстрелу и штурму сегодня, почти триста лет спустя? Ясно, что не по нынешним меркам. Неприкосновенность границ и святость суверенитетов перестали быть теорией лишь после Второй мировой и создания ООН. Ялтинский перекрой мира решили считать последним, все предыдущие взаимные претензии стран и народов обнулить, а если немогуту — улаживать без оружия. И это было правильно. Ни одно событие в истории нельзя судить по более позднему, не имеющему обратной силы, законам. С момента появления человечества все воевали со всеми, с кем только позволяла география, большие страны завоевывали страны поменьше либо хуже вооруженные, и в этом отношении Россия была не хуже и не лучше Персии, Турции или Англии. Как раз перед Персидским походом Петра Англия оттяпала у Франции побережье Гудзонова залива, у Испании — Гибралтар, а в Индии готовилась к завоеванию Бенгалии, Австрия отняла у Испании остров Сардинию и так далее. Таковы были нравы эпохи.

В полной гармонии с этими нравами вслед за Петром на персов напали турки. Персидский шах Тахмасп решил, что три фронта (с востока наседали восставшие афганцы) это чересчур и отправил в Петербург посольство для заключения мира. Тем временем турки быстро захватили как раз те земли, освободить которые собирался Петр — Восточную Грузию (с Тифлисом) и Армению. Это отодвигало достижение поставленной задачи: тут же начинать следующую войну было невозможно, да и турки представляли из себя более сильного врага, чем персы. 12 (23) сентября 1723 г. в Петербурге был подписан договор, закреплявший

за Россией западный и южный берега Каспия от устья Терека до устья Атрека в Туркмении. Так впервые Баку и Ленкорань (но не Шемаха, не Нуха, не Гянджа, не Шуша) оказались в составе Российской империи. Оказались в ней также персидские провинции Гилян, Мазандеран и Астрабад — то есть, по сути, ядро современного Иранского Азербайджана.

Миссия невыполнима?

Вскоре Россия поняла, что решительно не знает, что ей делать с этой относительно узкой (от 40 до 100 верст), но бесконечно длинной полосой побережья. Заводить колониальное хозяйство южного типа она, в отличие от Испании или Англии, не стремилась, а защищать здесь было некого: компактно живущие христиане в этих местах отсутствовали. Один маленький христианский народ, удины, правда, обнаружился, но он жил в мире со своими мусульманскими соседями.

В октябре 1724 г., за три месяца до смерти Петра, к нему обратились армянские патриархи Исая и Нерсес уже с пятым или шестым по счету письмом. Оно содержало просьбу о «вспоможении» со стороны России *«воинскими людьми... токмо б повелеть им придти в провинции Карабахскую и Шемахинскую вскорости, а ежели не будут, то по сущей истине турки поберут всё месяца в три и христиан всех поьют и погубят»*. Заметим: армяне просят спасти их не от соседей-азербайджанцев, а от наступающих турок. Императорской канцелярией был составлен ответ, очень странный документ. Можно подумать, это отклик на совсем другое письмо. Речь идет о том, что русские управители «новополученных провинций» получают указания *«дабы они вас [армян] как в Гилянъ и в Мизендрон, так и в Баку и в другие удобные места, когда кто из вас туда прибудет, не токмо приняли, но для жития и поселения удобные места отвели и в прочем во всякой милости и охранении содержали»*. Но главное, как гласит помета на документе, *«сей грамоты ни государь не подписывал, ни канцлер не контрассигновал, а отдана она*

без подписания». Монархи умеют быть уклончивыми не хуже барышень.

В Баку, Ленкорани и прочих местах Прикаспия русские гарнизоны простояли всего несколько лет. Анна Иоанновна, искавшая в Персии союзницу для борьбы с турками, в два приема вернула ей не пригодившиеся земли. Забавно, что в тексте соответствующего договора обе стороны изобразили забывчивость: они сделали вид, что Россия не забирала прикаспийские провинции «в вечное владение», а просто взяла их ненадолго — то ли почитать, то ли поиграть, — и вот теперь возвращает.

Новый персидский правитель, Надир-шах установил в Азербайджане, как писали советские историки, невыносимый гнет, что вызвало ряд народных восстаний. Но в целом персы оказались не такими уж унитаристами: после смерти Надир-шаха на территории Азербайджана возникло множество почти независимых ханств. Развитию страны такая раздробленность, конечно, не содействовала — как и сохранявшееся натуральное хозяйство.

Отвернуться от Закавказья равносильно клятвопреступлению

Среди государственных деятелей Азербайджана появились свои «западники», сторонники модернизации. Тогда это означало русскую ориентацию — для Азербайджана Россия была в XVIII веке главной западной страной. Речь идет о таких фигурах, как хан Кубинский Фатали, как Ибрагим Халил-хан Карабахский. И тот, и другой отправляли в Россию посольства с заверениями, что не прочь перейти под русское покровительство. Они надеялись таким способом окончательно избавиться от персов (у Фатали-хана были, вдобавок, свои гегемонистские планы в регионе, и он надеялся осуществить их с помощью России), но присоединения к России не хотели.

В Грузии видели вещи иначе. В конце 1782 года царь Картли и Кахетии Ираклий II засыпал Екатерину Великую письмами с мольбой о полном протекторате. Он решил, что время пришло.

После очередной победы над Турцией Россия утвердилась на Черном море, а на Северном Кавказе была завершена линия укреплений от устья Дона до устья Терека — от моря до моря. Отказ от покровительства был бы теперь равносильен со стороны Екатерины клятвopеcтyплению — слишком много раз это покровительство было торжественно обещано. Понимая это, императрица пошла на заключение в 1783 году Георгиевского трактата, по которому Ираклий со своим царством и народом переходил под опеку и защиту России, отказываясь от самостоятельной внешней политики, а грузинское дворянство, духовенство и купечество уравнивалось в правах с русским.

Для подкрепления договора предполагалось размещение в Грузии русских войск. Горцы Северного Кавказа поняли, что Российская империя переступает Кавказский хребет и они оказываются в ее тылу. Первое большое антирусское восстание возглавил в 1785 г. шейх Мансур. В его войско вошли отряды чеченцев, аварцев, даргинцев, кумыков, кабардинцев, черкесов, абазинoв. Так началась почти 80-летняя Кавказская война.

Появление России в Закавказье стало постоянным раздражителем также для турок и персов. Последние терпели больше десяти лет, но в 1795 г. ворвались в Грузию и Карабах, разграбили Тифлис. Это показало, что Георгиевский трактат еще не гарантирует неприкосновенность Грузии. Лишь полгода спустя на ее защиту выступил из Кизляра русский Каспийский корпус во главе с Валерианом Зубовым, любимцем Екатерины. Зубов занял (почти без применения силы — инструкция императрицы предписывала действовать «ласками и уговорами») Дербент, Кубу, Баку, Шемаху, Гянджу. Когда он достиг слияния Аракса и Куры, пришла весть о смерти Екатерины. Вступивший на престол Павел I, который ненавидел мать и ее любовников (Зубова в их числе) и стремился сломать любое ее начинание, сразу же дал приказ всем войскам вернуться в Россию. Забавен образец черного пиара того времени — объяснение, данное шахом Ага Мохаммедом внезапному уходу русских войск. *«Занятие и жизнь русских — это продажа и покупка сукна, коммерция; никто никогда не видел*

их в применении сабли, копья или другого оружия. Они дерзнули вступить в границы занятой нами страны. Нашим высоким умом мы решили наказать и истребить их, и потому наши счастливые знамена двинулись на них. Когда русские увидели наши знамена, они мгновенно вернулись в свои презренные места».

Аннексия азербайджанских ханств Россией

Зубов оставил в Тбилиси только два батальона — для охраны царя Ираклия. Вскоре тот умирает, а новый царь Георгий XIII обращается к императору Павлу с просьбой принять Грузию в подданство России. 18(30) декабря 1800 года Павел подписывает соответствующий манифест. 28 декабря 1800 (9 января 1801) года, не дождавшись возвращения послов с радостной вестью, умирает и Георгий. 12 сентября 1801 г. последовал новый манифест, уже Александра I, о прямом управлении Грузией — то есть, о ее поглощении. Так начался на Кавказе XIX век.

Новую губернию, названную поначалу Грузинской, следовало надежно связать с внутренней Россией. Военные саперы спешно обустроивали древний караванный путь в Грузию через Крестовый перевал, но об уверенном сообщении мечтать было пока рано. Гарантировать сношения с Закавказьем мог лишь путь вдоль каспийского берега — не зря корпус Зубова двигался именно так. Азербайджан (вместе с прибрежным Дагестаном) стал коридором в Грузию, а затем и Армению.

Более всех сделал для приобретения этого коридора Павел Цицианов, генерал и князь. Между 1803 и 1806 гг. он где угрозами, где уговорами добился перехода в русское подданство нескольких владык Прикаспия. Их присоединение происходило на фоне очередной войны России с Персией (1804-1813), которая старалась ни в коем случае этого не допустить. Но персы с задачей не справились. Свою роль сыграл и юный возраст персидского главнокомандующего, наследника престола Аббаса-Мирзы, и то, что английские военные советники, реформировавшие персидскую армию, оказались ни на что не годны. Но главное было

в другом. Мало кого из азербайджанцев вдохновлял возврат персидского владычества, а ведь в условиях войны выбор у них был только между Россией и Персией, третьего не было дано.

Вообще люди прошлого думали и рассуждали явно не так, как считается политкорректным приписывать им сегодня. Простой народ был бесконечно далек от политики, современное понятие национальности отсутствовало. На протяжении веков это понятие заменяла для высших слоев во всем мире присяга тому или иному сюзеру (монарху). Высшим слоям азербайджанских ханств было отлично известно: в случае добровольного присоединения к России они будут уравнены в правах с русским дворянством, и многие увидели здесь для себя интересный шанс. Кстати, этот простой механизм более чем что-либо другое обеспечил конечную победу России на Кавказе.

Если бы присоединение к России было для азербайджанцев полностью неприемлемо, оно бы оказалось невозможным. Яркий пример того, что происходит в подобных случаях — народная война против французов как раз в это время в самой России. К слову сказать, известие о взятии Москвы Наполеоном, быстро достигшее Персии и Кавказа, не добавило шансов персам. Как не добавила их другая война — та, которую Россия параллельно вела с Турцией (1806-1812). С поразительно малыми силами русская армия в Закавказье решила почти все поставленные задачи.

Этапы присоединения были таковы. В 1805 г. России присягнули хан Карабаха Ибрагим и хан Ширванский Мустафа. Добровольно присоединилось также Шекинское ханство. Следующие полтора десятилетия эти ханства просуществуют уже в составе Российской империи, после чего станут просто уездами. Ханство Гянджинское, отклонившее такую честь, было завоевано и упразднено сразу, а сама Гянджа на сто с лишним лет переименована в Елизаветполь (в советское время это был Кировобад). 8(20) февраля 1806 года Цицианов явился принять ключи от Баку у бакинского хана, выразившего готовность сдать город. С собой Цицианов взял всего двух человек — и не потому, что Гусейн-кули-хан до того уже дважды, в 1796 и 1803 годах,

присягал России, а потому, что у генерала был такой обычай. Однако он был вероломно убит (по легенде, на пиру, устроенном в его честь), после чего русские войска на время отступили. Но ненадолго. В октябре 1806-го хан бежал из Баку, и город поверил свою судьбу генералу Булгакову. Наконец, в последний день 1812 года генерал Котляревский отбил у персов Ленкорань, столицу Талышского ханства. Это решило исход войны. По Гюлистанскому договору (1813) Персия признала включение Грузии и всех названных азербайджанских ханств в состав России. Нахичеванское ханство добавилось к этому списку после следующей русско-персидской войны (1826-28).

В составе Российской империи

Итак, все части современной Азербайджанской Республики оказались включены в Российскую империю. Но можно ли сказать, что Россия была для Азербайджана такой же собирательницей его земель, какой она стала для Украины и Грузии? Нет. Основной массив исторического Азербайджана остался в составе Персии, принявшей в 1935 году имя Иран. Сегодня в Иране, по официальным данным, живет примерно 16 миллионов азербайджанцев, почти четверть 66-миллионного населения страны, но часто приходится слышать, что на самом деле их там гораздо больше. В Азербайджанской Республике, по официальным данным, живет свыше 7 миллионов азербайджанцев (при более чем 8-миллионном населении страны). Таким образом, Азербайджанская Республика — государство, представляющее менее трети азербайджанского народа, а может быть и всего лишь четверть.

Это следствие событий 1805-1828 гг, а к ним в свою очередь привело, напомним, предшествующее трехвековое мессианское движение России на юг, от берегов Оки к берегам Аракса. На протяжении трех веков Россия последовательно шла к тому, чтобы взять под защиту грузин и армян и остановилась, достигнув цели, хотя вполне могла двигаться и дальше. Здесь мотивы России не могут быть поставлены под сомнение: того же типа

войны она вела в защиту православных украинцев, белорусов, молдаван, румын, греков, болгар, сербов, черногорцев — хотя Россия, случалось, вела войны и общепринятого типа.

Но чем это мессианство обернулось для азербайджанцев? Похмелем в чужом пиру? Не все так просто. Не окажись Северный Азербайджан два века назад в составе России, очень вероятно, что и сегодня азербайджанцы оставались бы народом без своего государства — как курды, уйгуры или баски. Иран пресекал и пресекает любые шаги иранских азербайджанцев в направлении собственной государственности. Хотя правда и то, что немалая часть нынешней иранской элиты — азербайджанского происхождения.

С другой стороны, хотя азербайджанцы и до 1805 года жили в разных ханствах, едва ли между ними мог возникнуть тот разрыв (некоторые даже говорят о пропасти), который налицо сегодня. Принято считать, что нации формируются лишь с появлением достаточно мощной национальной буржуазии. Если это так, азербайджанцы Севера и азербайджанцы Юга формировались как нации в двух разных культурно-политических средах. Вот почему сегодня это во многом разные по менталитету народы.

В составе России азербайджанские земли быстро стали спокойным и безопасным местом. Здесь даже стали селиться русские казаки, молокане (поначалу не по своей воле) и немецкие колонисты, основавшие близ Гянджи городок Еленендорф, ныне Ханлар. Интерес и симпатию русского общества 1830-х годов к «кавказским татарам» можно ощутить, прочтя сказку Лермонтова «Ашик-Кериб», основанную на азербайджанском источнике.

Присоединение азербайджанских земель к России имело самые разные последствия — причем для обеих сторон. Главным последствием для Азербайджана стала его быстрая модернизация.

Бакинский нефтяной козырь

По пути модернизации — от феодального общества к индустриальному — Азербайджан двинулся достаточно быстро. Крестьянская реформа высвободила рабочие руки для промышленности,

товарного сельского хозяйства, рыболовства и судоходства на Каспии, а главное — для нефтедобычи. С 1899 г. Батум, Тифлис, Александрополь и другие города Закавказья были через Баку и Дербент соединены с железнодорожной сетью остальной России. Но уже задолго до того Азербайджан и все Закавказье были вовлечены в общероссийский рынок через Бакинский порт и Волгу.

Когда мы читаем, что в XX век Россия вступила главной нефтедобывающей страной мира, что на ее долю в 1901 г. приходилось более половины мировой добычи, надо отдавать себе отчет, что на 90% речь идет о бакинской нефти. Благодаря бакинской нефти большинство российских локомотивов ходило на мазуте. Для России с ее расстояниями это было исключительно разумно — крен в пользу угля могли себе позволить страны поменьше. В основном на мазуте работала промышленность не только Поволжья, но и Центрального района, на нефтетопливе работал весь каспийский и волжский флот. К такой структуре топливного баланса остальной мир придет лишь к середине XX века. Бакинская нефть во многом обеспечивала быстрое развитие всей России.

Но обладание нефтью бывает чревато неприятностями. В 1903 году в Баку начались крупные стачки. Они попали в советские учебники как боевая заслуга большевиков. Историк А.А. Иголкин выяснил, что все это сказки. Беспорядки были внешне немотивированными, забастовщики не предъявляли никаких требований. Страшнее всего были поджоги, только в 1903 г. сгорел почти миллион тонн нефти, немыслимое по тем временам количество. Люди надолго теряли заработок, озлоблялись, что вело к межэтническим столкновениям. Буза длилась два года, вызвав резкий спад нефтедобычи и утрату европейского керосинового рынка в пользу Рокфеллера. Когда эта цель была достигнута, беспорядки вмиг утихли. Но к тому времени топливный голод забивает российские железные дороги угольными перевозками. К 1913 году доля бакинской нефти в топливном балансе российской промышленности снизилась до 56%, на железных дорогах — до 33%. Особенно губительными стали последствия перехода с мазутного на угольное топливо в годы Первой мировой.

Этнический фактор заявляет о себе

Еще в 1864 году Баку имел всего 14,7 тыс. жителей и вел весьма небольшую торговлю. Всего за полвека вырос целый новый город с великолепной набережной, с улицами европейского облика, синематографами, ресторанами и клубами — но и с убогими окраинами. В 1913-м. здесь было уже 214,6 тыс. жителей. «Ни один город России не развивался так быстро», — пишет дореволюционная энциклопедия. За это время Баку стал интернациональным городом. Достаточно упомянуть, что здесь родился Рихард Зорге. Стремительно складывалась предпринимательская буржуазия. Но в списках капиталистов (Аваков, Адамов, Асадуллаев, Вартанов, Воронцов-Дашков, Гукасов, Дадияни, Кварстрем, братья Красильниковы, Лианозов, Мансветов, Манташев, Меликов, братья Мирзоевы, Мухтаров, Нагиев, братья Нобель, Питоев, Поляк, Рьльских, Тагиев, Тер-Акопов, Хатисов, Шibaев и т.д.) азербайджанцев хоть и немало, но они отнюдь не в большинстве. Преобладают армяне — и как конкуренты они раздражают сильнее всего.

Я верю художественным свидетельствам. В 30-е годы в Берлине на немецком языке вышел роман «Али и Нино», подписанный неведомым именем Курбан Саид. В 1971-м роман был переведен на английский, а в 90-е годы вышел на азербайджанском и русском. Несмотря на сюжетную лубочность, он густо насыщен реалиями дореволюционного Баку и Карабаха, придумать которые невозможно. Вот отношение героя, юного азербайджанца из богатого и знатного рода, к армянам: «Я с признательностью пожал ему руку. Значит, в самом деле, и среди армян есть достойные люди. Это открытие ошеломило меня». (Согласно сюжету, герой позже понял, что пожимал эту руку зря).

А вот с каким отношением к себе были вынуждены мириться сами азербайджанцы. Герой описывает выпускной вечер в своей гимназии (русской): «Подруги и сестры моих одноклассников стояли по углам и весело болтали. Среди них было много

светловолосых, голубоглазых русских девушек. Они разговаривали с русскими, иногда с армянами или грузинами, но стоило заговорить с ними мусульманину, как девушки тут же насмешливо фыркали, что-то односложно отвечали и отходили». Стремительно взрослеющую нацию должна была оскорблять сама возможность подобной атмосферы у себя дома.

Обострение армянского вопроса

В советское время на Кавказе было защищено немало диссертаций о прогрессивном значении присоединения той или иной республики к России. От соискателя к соискателю переходил следующий довод: раньше кавказские народы беспрерывно резали друг друга, а после присоединения к России с этим было покончено. Диссертанты упрощали дело. Для Кавказа были характерны не только вспышки вражды и мелких войн, иногда действительно разгоравшихся между крошечными княжествами, бекствами, шамхальствами и меликствами, но и уникальный опыт мирного и даже дружелюбного сосуществования языков и вероисповеданий. Иначе не понять, например, появление таких ашугов как Саят-Нова, сочинявшего свои песни не только на армянском и грузинском, но и на азербайджанском языке.

В «Али и Нино» описано соревнование народных певцов в Карабахе. Поражает атмосфера двуязычия. «В село съехалось много богатых мусульман и армян со всего Карабаха, они жаждали насладиться искусством ашугов». Не могу отказать себе в удовольствии процитировать описание Шуши: «Шуша очень благодатный город: для 60 тысяч населения здесь десять мечетей и семнадцать церквей. В этом городе, со всех сторон окруженном живописными горами, лесами, реками, издавна жили мусульмане и христиане. Люди строили себе в горах и долинах маленькие домики из необожженного кирпича и торжественно именовали их дворцами. Дворцы эти принадлежали мусульманским бекам и агаларам и армянским помещикам — меликам и нахарарам. Хозяева дворцов могли часами сидеть на веранде,

курить кальян и рассказывать о том, как неоднократно Россию спасали царские генералы родом из Карабаха, и вообще неизвестно, что стало бы с империей, если бы не карабахцы». Это в Карабахе неистребимо.

Сегодня армянские и азербайджанские сайты предлагают свои объяснения много раз вспыхивавшей (но всегда затем утихавшей!) армяно-азербайджанской вражды. К сожалению, из большинства подобных объяснений явствует, что одна из сторон конфликта всегда, век за веком, была права, а другая, наоборот, всегда была неправа. Можно ли в такое поверить?

Причины этой спорадической вражды не религиозные, как часто изображают. Армяне и азербайджанцы (кроме крестьян) начиная со Средних веков выполняли на одной и той же территории достаточно разные социальные функции — но не настолько разные, чтобы это привело к неантагонистическому разделению труда. В силу особенностей исторической судьбы, у армян раньше сложилось сословие ремесленников, раньше сложилось купечество, а затем и национальная буржуазия. Поколения азербайджанских купцов и предпринимателей с досадой убеждались, что у армян давно все схвачено и лучшие места заняты — не только в Шемахе, Нахичевани или Баку, но и в Тифлисе, Астрахани, Ростове, Москве, Стамбуле, Тавризе, Багдаде, Бейруте, Измире. Похожие претензии были к армянам и у турок — но не у персов, старой торговой и ремесленной нации. В Османской империи армяне занимались откупам, давали ссуды султану и губернаторам. То же, в более скромных объемах, происходило в азербайджанских ханствах. Такую прослойку, особенно если она иной веры, не любят нигде и никогда, — но при этом поколение за поколением вполне могут ужиться на одной улице и даже вместе слушать ашугов. И даже отмечать религиозные праздники соседей иной веры, ведь для праздника любой повод хорош. Но беда приходит со сломом эпох.

Первый звонок прозвенел в 1905 году. Тогда все началась с заурадной уличной стычки, а кончилось «татарско-армянской войной» (как тогда писали) с сотнями убитых. Для ее прекращения

пришлось вызывать казачьи части. Даже помня об общей загадочности событий 1903-1905 гг, инспирированных какими-то неустановленными силами извне, понимаешь, что горючего материала в Баку было достаточно. В глазах бедноты, состоявшей в основном из азербайджанцев, более богатые армянские ремесленники и лавочники воплощали собой неправильное устройство мира. Это было столкновение на почве классовой ненависти. Однако на фоне событий 1917-1920 годов резня 1905 года стала казаться собранием кружка цветоводства.

ИСПЫТАНИЕ НЕЗАВИСИМОСТЬЮ И СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

28 мая 1918 г. Азербайджан провозгласил независимость и стал Азербайджанской демократической республикой (АДР), первой республикой в мусульманском мире, чем азербайджанцы вправе гордиться — Турция решилась стать республикой лишь пятью годами позже. Можно, конечно, вспомнить, что независимых мусульманских государств в мае 1918-го в мире числилось всего семь — Турция, Персия, Афганистан, доживавший последние дни Бухарский эмират да три мелкие монархии внутренней Аравии, чудом не доставшиеся ни Турции, ни Англии. И все равно психологически этот шаг Азербайджана был исключительной важен. Молодая мусульманская нация делала серьезную заявку: мы можем жить без ханов, шахов и султанов, мы будем строить свое государство на основе выборной многопартийной демократии. Важную роль тут сыграл пример российского Временного правительства, провозгласившего вслед за взятием власти все недостающие демократические свободы, а 1(14) сентября 1917 г. объявившего Россию республикой. Да и судьба Азербайджанской республики оказалась та же, что у Российской. Правда, Российская республика просуществовала всего 56 дней — до 25

октября (7 ноября) 1917 г., а Азербайджанская — формально целых 23 месяца. Но и та, и другая были уничтожены большевиками и под руководством одних и тех же лиц.

Первая республика, как это было

Независимость пришла неожиданно. Кампания 1915-16 гг на Кавказском театре против Турции была успешной, русская армия заняла Эрзерум, Ван, Битлис, Трапезунд (Трабзон), перешла Курдское нагорье, выбила турок из Персии. Очередное поражение старинного врага уже не вызывало сомнений. Мусульмане России не подлежали призыву, но, вдохновленные победами империи, некоторые пошли на войну добровольно. Партия «Мусават» («Справедливость») не разделяла подобных настроений. Она была против войны с братской Турцией и мечтала о поражении России в этой войне, в чем совпадала с большевиками. Однако активных действий законопослушный «Мусават» не предпринимал. Более того, часть мусаватистов встала на «оборонческие» позиции. Известие о Февральской революции поразило всех как гром.

Политическая жизнь сразу забила ключом. Уже в марте 1917-го партия «Мусават», слившись с азербайджанскими федералистами, стала Тюркской Демократической Партией Федералистов «Мусават». В этом названии важно каждое слово. Например, слово «федералисты» означает, что партия объединяла людей, стремившихся сделать Россию федерацией народов. Но в первую очередь все устремления «Мусавата» были направлены на ускоренную модернизацию азербайджанского общества. Программа партии более или менее отвечала всем демократическим стандартам.

Пока «Мусават», «Гуммет» (социалисты) и другие партии готовились к выборам во Всероссийское Учредительное собрание, активность на турецком фронте пошла на убыль. В июне 1917-го корпус генерала Баратова прервал наступление, будучи всего в 130 верстах от Багдада. Мы никогда не узнаем, как события

развивались бы здесь дальше, ибо, как известно, четыре месяца спустя власть в российской столице захватили большевики, сразу же начавшие переговоры о перемирии. После подписания перемирия 2(15) декабря 1917 г. русские части начали покидать Кавказский фронт.

Ноябрь и декабрь 1917 года в Закавказье были временем томительной неясности. Сегодня кажется непонятным, почему Азербайджан, Армения и Грузия не провозгласили независимость немедленно после большевистского переворота в Петрограде. Но задают такой вопрос люди, знающие, что было потом. Тогда же многое виделось иначе: ну, был у власти эсер Керенский, пришел большевик Ленин, оба социалисты. Что тот незаконный, что этот. Главное, что выборы во Всероссийское Учредительное собрание не отменены. Дождемся выборов, посмотрим. Выборы прошли 12(25) ноября, созыв собрания назначили на начало января 1918 года. Что такое большевики, страна уяснила лишь когда они разогнали Учредительное собрание. С этого момента отделение национальных окраин от России стало неизбежным.

Власть в Закавказье была в это время в руках Закавказского Комиссариата, детища свергнутого в Петрограде Временного правительства. Комиссариат отказался признать Совнарком во главе с Лениным. Но политическое пространство не терпит пустоты, надо было учреждать какую-то государственность. 10 февраля 1918 г. в Тифлисе начал работу Закавказский Сейм в составе депутатов Всероссийского Учредительного Собрания от закавказских избирательных округов, в том числе 44 человека от Азербайджана. Депутаты-большевики отказались от участия. В разгар работы Сейма пришло известие, что ленинский Совнарком подписал с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией Брестский мир, по которому, в частности, уступил туркам Карсскую и Батумскую области. Мнением закавказских народов Совнарком не интересовался. С подписанием Брестского мира Кавказский фронт окончательно прекратил свое существование.

Еще в ноябре 1917 г. обычное для России тех месяцев двоевластие переросло в Баку в тяжелый конфликт. Бакинский Совет во главе со С. Шаумяном объявил себя единственной властью в городе, подчиненной лишь ленинскому Совнаркому. По версии Совета, вся Бакинская губерния становилась частью РСФСР. Со всем этим были резко не согласны Бакинская Дума и «Мусават». Вдобавок, в регионе множились межэтнические столкновения, в которые втягивались следовавшие с фронта войска. Тысячи человек погибли у станции Шамхор близ Гянджи.

Драматичные события развертывались и в самом Баку. Благодаря принятому годом ранее решению Временного правительства о реформировании армии по национальному признаку, в русской армии на Кавказском фронте успел появиться Армянский корпус. Теперь 4 тысячи вооруженных солдат и офицеров этого корпуса находились в Баку. Вдобавок, в Бакинской губернии оказалось множество армян-беженцев из Персии, турецкой Армении и турецкого Курдистана. Армяне были уверены, что мусаватисты вот-вот пригласят в Азербайджан турецкую армию и вооружались на этот случай. А Шаумян, рассуждали они, если уж и пригласит внешнюю силу, то только антитурецкую. И такая сила есть, это английский корпус в Персии. (Российские большевики были далеко, на них расчет пока не делался).

Силы в нараставшем противостоянии были неравны: Бакинский Совет располагал даже собственной «Красной армией», на стороне же «Мусавата» и Бакинской Думы были не слишком многочисленные азербайджанские отряды «мусульманской самообороны» и демобилизованный Татарский (т.е. азербайджанский) конный полк Кавказской туземной дивизии, известной также под именем «Дикой дивизии». 28 марта— 1 апреля 1918 г. в Баку (а затем еще в семи уездах) развернулись настоящие межэтнические сражения, далеко затмившие 1905 год. Только в Баку погибло несколько тысяч человек, большинство из них азербайджанцы. В советских учебниках это именовали «антисоветским мятежом мусаватистов».

Полтора года спустя М.-Э.Расулзаде писал о случившемся:

«Мусават» обвиняют в том, что он вызвал мартовские события, защищая идею автономии Азербайджана. Это может быть похоже отчасти на правду. Если бы мы покорно гнули головы перед врагами нашей свободы, не было бы, может быть, этих событий. Но мы этого сделать не могли. Мы открыто в то время требовали автономию для Азербайджана. Этим мы увеличивали число наших врагов».

22 апреля 1918 г. Закавказский Сейм провозгласил независимую Закавказскую демократическую федеративную республику (ЗДФР), что сильно порадовало турок. Они Брестский мир подписывали с Россией, никакой ЗДФР они знать не знают, руки свободны. Не довольствуясь Карсом и Батумом, турецкая армия заняла Александрополь, оказавшись опасно близко от Тифлиса. Грузины решили, что втроем не спастись, каждый должен спасаться сам. На сепаратных переговорах с немцами они просили их взять Грузию под свой протекторат. Немцев не надо было уговаривать, им был необходим контроль над трубопроводом Баку-Батуми, единственной в то время артерией транспортировки нефтепродуктов. Независимую Грузию ласково называли «Грузинской Нефтепроводной Республикой».

Едва 3 тысячи немецких солдат высадились в Потти, грузинская фракция Сейма объявила о независимости Грузии. Это было 25 мая 1918 г. Азербайджанский депутат Фатали Хойский сказал пророческие слова: *«Народы Закавказья настолько тесно связаны друг с другом, что разделение их окажется совсем непростым».* Но добавил: *«Азербайджанцам не остается ничего другого, как принять аналогичное решение».* Азербайджанская фракция в главе с Мамедом-Эмином Расулзаде объявила себя Временным Национальным советом и 28 мая провозгласила Азербайджанскую Демократическую Республику (АзДР). Премьером был избран Фатали-хан Хойский. Но местом торжественного акта стал не Баку, а Тифлис. Путь в Баку оставался для правительства АДР и Национального совета закрыт. Однако 16 июня 1918 году они все же переехали на азербайджанскую землю, в Гянджу.

В Баку же была объявлена «пролетарская диктатура», проводил ее в жизнь Бакинский Совнарком (Совет народных комиссаров). Рассматривая подвластную территорию как часть РСФСР, Совнарком спешно национализировал нефтедобычу и каспийский флот. Главным же образом комиссары занимались вывозом нефти в Астрахань для спасения большевиков метрополии. Через короткое время стало ясно, что этому скоро может придти конец: в середине июня на Баку двинулись турки. Официальные турецкие власти уверяли, что наступление ведет «Армия Ислама», состоящая из добровольцев, а вовсе не регулярная армия. Судя по тому, что наступление затянулось, на первых порах это, возможно, было правдой. Но наступавшими командовал опытный турецкий генерал Нури-паша, пылкий сторонник поглощения Азербайджана Турцией. Он занимался не только войной, но и политикой. Находя Национальный совет Азербайджана слишком светским, западным и либеральным, он добился его роспуска. Чтобы не рассориться с Турцией, без помощи которой надежд попасть в Баку не было, правительство Фатали-хана Хойского (само же и пригласившее турок) проявило чудеса гибкости, но так и не взяло на себя обязательств, ставящих под сомнение азербайджанскую независимость.

Встревоженный турецкой угрозой Бакинский Совет пригласил в Баку английские войска. Англичане охотно откликнулись, их тоже прельщала бакинская нефть. Они прибыли в Баку 4 августа — правда, не в таком количестве, чтобы защитить город от турок. Совнарком тем временем сдал власть «Диктатуре Центрокаспия» (Центрального комитета Каспийской военной флотилии), которая и взяла на себя оборону Баку. Советские же отряды на нескольких пароходах отплыли 14 августа из Баку в Астрахань. До цели они не дошли. Через два дня их настигли в море военные корабли Центрокаспия. После артиллерийского обстрела пароходы под конвоем были возвращены в Баку, где совнаркомовцев разоружили, а 35 человек препроводили в тюрьму. Оказалось, комиссары покинули Баку «без сдачи отчета об израсходовании народных денег». Их обвинили также в

незаконном вывозе военного имущества и измене (по некоторым источникам, «в бегстве перед лицом неприятеля»).

Почему погибла Первая республика?

Пробыв на Апшероне 40 дней, англичане эвакуировались, когда стало известно, что турки перебросили к Баку регулярные части с Месопотамского, Сирийского и Балканского фронтов. Туркам, как и всем остальным, кружил голову запах нефти. Баку пал 15 сентября 1918 года. Как в средние века, город на три дня был отдан солдатне. Погибло множество мирных жителей, на этот раз преимущественно армян, но промыслы пострадали мало, их берегли все участники сражений.

Правительство АДР невозможно винить в эксцессах и жертвах тех сентябрьских дней. Оно само смогло въехать в свою столицу лишь на третий день, когда обстановка чуть разрядилась. Больше оно не покидало Баку вплоть до гибели республики.

Упорная оборона Баку стала роковой для Германии. Возьми турки Баку тремя месяцами раньше, последнее и решающее немецкое наступление на Западном фронте, начатое 15 июля, вполне могло оказаться успешным. Однако из-за отсутствия поставок топлива от турок, на чем строился расчет, оно захлебнулось в августе. Не спасла бакинская нефть и самих турок. 30 октября 1918 г. Турция признала свое поражение в Мировой войне.

Турки ушли, но вернулись англичане, первым делом снявшие в городе все азербайджанские флаги. Правительству Азербайджана пришлось долго доказывать, что оно не детище турецкой военщины. Что помогло правительству устоять? Не только твердость и дипломатический талант, но также европейские манеры и европейская образованность «отцов независимости». В итоге англичане хоть и взяли на себя всю власть, обязались передать ее законному правительству, буде таковое появится.

30-тысячная английская армия занималась почти исключительно охраной промыслов и трубопровода на Батум. Уже через месяц английский флот до самого Гибралтара обслуживался

бакинскими нефтепродуктами. Правительство же Фатали-хана Хойского почти два месяца действовало как переходное. В декабре 1918 г. был созван парламент (97 депутатов, 11 фракций и групп), который сформировал новое правительство. Премьером остался Хойский. 28 декабря 1918-го английский военный губернатор генерал Томсон наконец признал это правительство единственно законным. Но ограничения на его деятельность английским командованием в Баку были постепенно сняты лишь к августу 1919 г., уже под занавес пребывания англичан в стране. Ограничения касались контроля над печатью, нефтедобычей, каспийским флотом — самого главного. Это помогло англичанам вывезти за короткий срок полмиллиона тонн нефти и нефтепродуктов.

Приведенные даты показывают, как мало времени было на самом деле отпущено Азербайджанской демократической республике и в каких тяжелых условиях она утверждала себя. Из 23 месяцев Первой республики азербайджанское правительство работало в своей столице Баку и без присутствия чужеземных армий меньше 8 месяцев. Но и в это время на нем висели неподъемные гири: 150 тысяч беженцев, экономическая блокада со стороны Добровольческой армии Деникина, безработица, военное положение в стране (с июня 1919-го), захват крестьянами частных землевладений, неустанная подрывная деятельность большевиков, опасная неясность границ. И главное: война с Арменией из-за Нахичевани, Зангезура и Карабаха.

Смог ли бы независимый Азербайджан устоять под тяжестью всех этих проблем? Советские историки уверяли, что «гнилой антинародный режим турецких марионеток», переживавший «политический и экономический кризис», рухнул под напором «трудящихся масс». Звучит не очень логично. Турецкие марионетки присоединили бы Азербайджан к Турции, и дело с концом. Но руководители АДР не были ничьими марионетками. Первая республика, которую они создали, была жизнеспособной. В этом убеждаешься, прикидывая, как много они, вопреки всему, смогли и успели.

Был создан парламент европейского образца (тоже первый в мусульманском мире), отражавший не только партийное, но и этническое многообразие Азербайджана, сложились основные государственные структуры и финансовая система, организована армия, введен 8-часовой рабочий день, учрежден Азербайджанский университет, азербайджанский язык сделан государственным, далеко продвинулась реформа школьного дела, принят демократический закон о гражданстве и закон о выборах в Учредительное собрание Азербайджана, пресечен муганский сепаратизм (речь идет о попытке превратить Ленкоранский уезд в Муганскую советскую республику), удалось добиться признания Азербайджана со стороны ряда важных стран, добиться отказа Персии от требований к Азербайджану войти в состав персидского государства (об этом мечтали не только в Турции).

Стоит отметить благородное политическое поведение отцов азербайджанской независимости. Так, когда в феврале 1919 г. возникло подозрение о причастности кого-то из членов правительства к махинациям с нефтью и зерном, Фатали-хан Хойский подал в отставку с поста премьера, хотя к нему лично подозрения не относились.

По настоянию своего Генштаба, которому не хватало сил для подавления волнений в разных частях империи от Ирландии до Египта и Индии, англичане объявили о своем решении покинуть Закавказье осенью 1919 г., в связи с чем «Совет десяти» Парижской мирной конференции предложил мандат на Азербайджан Италии. Англичане еще готовились к эвакуации, когда в Баку прибыла миссия полковника Габбы для изучения обстановки. Итальянцев интересовало: брать мандат на все Закавказье или ограничиться Азербайджаном? Курировавший миссию дипломат Стефано Ногара настоял на отправке посланцев к Колчаку и Деникину — договориться о точной зоне временной итальянской оккупации. Габба определился с цифрами: для начала 40 тысяч солдат, со временем — 100 тысяч. Чтобы успеть до зимы, уже 17 июня был отдан приказ о подготовке итальянских судов к доставке войск морем в Поти. Но 19 июня пал кабинет Витторио

Орландо, сторонника мандата, а новое правительство Франческо Нитти решило не искать себе приключений на Кавказе.

Возможно, решение Нитти изменило ход мировой истории. Войди столь крупное соединение страны-члена Антанты в Баку, весь исполинский большевистский проект мог, к нашей радости, покатиться под уклон уже тогда, а не семьдесятю годами позже — Ленин без мазута и бензина стоил немного. Последующее советское мифотворчество вокруг «Бакинской коммуны» и восстания бакинского пролетариата в апреле 1920 г. было рассчитано как раз на то, чтобы заслонить простую истину: большевики решили захватить Баку под любым предлогом. В своих воспоминаниях адмирал Иван Исаков вполне простодушно воскрешает свои эмоции времен гражданской войны: *«Злость и досада берет, как подумаешь, что мы экономим керосин на копилки, заставляем наших летчиков летать на аптекарской микстуре, кораблям мазут отмеривается через мензурку; за нами — громадная страна без горючего. А они? Покупаются в бензине всех сортов. Нефтью — хоть залейся, торгуют через Батум со всем миром, а смазочные масла — хоть за борт лей, высшего качества!»* Они — это вконец обнаглевшая Азербайджанская Демократическая республика.

Если Исаков и преувеличивает насчет микстур и мензурок, то ненамного. В Совдепии бензин заменяли смесью керосина, спирта и скипидара, вместо нефтяных смазочных масел применяли касторовое и хлопковое. В топках паровозов жгли даже запасы вяленой рыбы — помните, у Набокова: *«...штабной салон-вагон какого-нибудь карательного отряда (вижу страшный паровоз, отопляемый сушеной рыбой)»?*

Ленин телеграфирует Смильге и Орджоникидзе: *«Нам дозреть нужна нефть»* (28 февраля 1920), *«Взять Баку нам крайне, крайне необходимо. Все усилия направьте на это»* (17 марта 1920). В это время XI Красная армия уже сосредотачивалась в Дагестане, готовясь к походу на Баку. К Баку у Ленина совсем иные чувства, чем к Тифлису. Сравните: на телеграмму Сталина (в том же году, но позже, 18 ноября) о «необходимости оккупации

Грузии» Ленин отвечает: *«...надо очень осторожно обдумать, стоит ли воевать с Грузией, потом ее кормить...»*

27 апреля 1920 г. части XI Красной армии перешли границу Азербайджана, и одновременно бакинские большевики вручили парламенту АДР ультиматум о сдаче власти. Через несколько часов, во избежание многих жертв, парламент принял решение о передаче власти большевикам. Жертв, в конечном счете, оказалось неизмеримо больше, чем могли себе в тот момент представить обе противоборствующие стороны.

Конец республиканцев

Так была прервана попытка создать первую в мусульманском мире светскую демократическую республику. Ее опыт мог бы стать бесценным для сотен миллионов мусульман мира, но не стал. Стандартом сделался куда более жесткий турецкий образец.

ЧК развернуло настоящую охоту за азербайджанскими республиканцами. Лидеру «Мусават» Мамеду-Эмину Расулзаде повезло. 17 августа 1920 г. он был арестован в селении Лагич, но находившийся в это время в Баку Сталин, тогда нарком по делам национальностей, помнил Расулзаде с 1908 года как товарища по заключению. Сталин тогда еще не был всемогущ, но сумел вызволить Расулзаде из тюрьмы и увез с собой в Москву, куда не могли дотянуться руки бакинской ЧК. Проработав около двух лет под началом Сталина в Наркомате по делам национальностей, Расулзаде в 1922 году бежит из СССР через финскую границу. Из эмиграции он пишет Сталину открытое письмо. *«Мои друзья очень удивились, узнав, что меня выпустили из тюрьмы Особого отдела. Я их понимаю: ведь многих рабочих расстреливали только за то, что они были простыми членами мусаватской партии. Я же был ее лидером. Но это чудо оказалось возможным благодаря Вам, Вы вспомнили о нашей прежней дружбе»*. Затем Расулзаде переходит к главному: *«Говорить всерьез об автономии, которую якобы получили бывшие независимые республики, просто невозможно. Азербайджанские ханства*

при первых царских наместниках на Кавказе были более самостоятельны, чем нынешние кавказские республики при секретарях Заккрайкома... За два года в Москве я понял: восточные народы все равно обретут свою независимость. Вы не добьетесь того, что хотите. Народы Востока будут жить так, как захотят сами, а не по коммунистическим нормам и принципам».

Писатель Олег Васильевич Волков оставил поразительную книгу «Погружение во тьму». Узник советских концлагерей (до середины 30-х они официально назывались именно так), он вспоминает 1928 год. «В то время в Бутырке их было около трехсот, ссылаемых на Соловки членов партии мусаватистов. Цвет тюркской — по-позднейшему, азербайджанской — интеллигенции... Мусаватисты твердо верили в обещанный им режим политических. Сильные своей спаянностью, они были готовы за него бороться. Среди них были европейски образованные, знающие иностранные языки политические деятели, испытывавшие гонения в царское время. Они ждали чего-то вроде поднадзорной жизни прежних ссыльных...». Когда их стали выводить на «общие работы», они объявили голодовку.

«Уже более двух недель держится голодовка. Начальство тянуло, ожидая указаний из Москвы — как поступить с тремя сотнями бунтарей. Многим из голодающих, жестоко пострадавшим в бакинских застенках, приходилось тяжело — их, изнуренных, покрытых холодным потом, уже крепко прихватила чахотка. Некоторые бредили... Их все-таки сломили. Не поддались лишь староста мусаватистов и его ближайшие друзья. Мы с Георгием пытались их уговорить. — Я решил умереть, — твердо сказал нам староста. — Мы и на Соловки-то привезены с тем, чтобы покончить с остатками нашей самостоятельности. В Баку мы для них реальные и опасные противники... Но не стоит об этом. Мы и наши цели слишком оболганы, чтобы я мог коротко объяснить трагедию своего народа... — Напоследок он пошутил: — Я потребовал перевода с острова... в солнечную Шемаху! Случится мимо ехать — поклонитесь милым моим садам, кипарисам, веселым виноградникам... Прощайте, друзья».

«Его и трех оставшихся с ним товарищей увезли в бывший Анзерский скит, обращенный в штрафное отделение. Все они там один за другим умерли — староста на 53 день голодовки. Говорили, будто их пытались кормить искусственно и кто-то из них вскрыл себе вены... Остальные мусаватисты рассосались, потонули во все растущей массе заключенных. Оглядываясь на мою длинную жизнь — я это вписываю в 1986 году — и вспоминаю случаи, когда я чувствовал свою вину русского из-за принадлежности к могучему народу, покорителю и завоевателю, перед которым приходилось смиряться и поступаться своим, национальным, — словно и я был участником насилия!»

Ключевое место в этом отрывке — слова старосты: «Мы и наши цели слишком оболганы, чтобы я мог коротко объяснить трагедию своего народа».

Худой мир

Советские годы большинству из нас кажутся хорошо известными и понятными, но это заведомое заблуждение. Мы знаем лишь внешнюю канву событий. Большевики, овладев весной 1921 года всем Закавказьем, хоть и не сразу, но прекратили взаиморазрушение чересполосно живущих народов, которое велось из-за Нахичевани, Геокчая, Борчали, Ахалкалаки, Зангезура, Карабаха. Прекратили силовыми методами, но спасибо и на том: если верить советской энциклопедии, всего за полтора года вследствие войн «между закавказскими народами население в некоторых районах сократилось до 10-30% первоначального состава» — см. БСЭ, I изд., т.1, стб.664 (М., 1926). Кстати, в том же томе есть карта Азербайджана, на ней хорошо видно, что очертания Нагорного Карабаха в 1926-м сильно отличались от более поздних и привычных.

По Московскому договору между Турцией и РСФСР (!) от 16 марта 1921 г. Турция очистила занятые ее войсками Северную Аджарию с Батумом, Нахичевань и пять уездов Эриванской губернии. Возвращенные территории были присоединены

соответственно к Грузии, Азербайджану и Армении. Затем советская власть на свой лад провела границы между республиками, нарезала и распределила автономии, а в 1922 г. соединила все это вместе в единую Закавказскую Федеративную социалистическую республику (ЗФСР) — отчасти в надежде, что благодаря превращению границ в пустую формальность вражда из-за территорий постепенно забудется. С одной стороны, национальная государственность как бы сохраняется, а с другой — так ли она важна? Ведь классовые и экономические факторы, по Марксу, вытесняют национальные. Марксисты вечно недооценивали национальное и, к тому же, страдали непоследовательностью. Марксист Сталин в декабре 1936-го вновь разделил ЗФСР на три республики — видимо, для удобства проведения «Большой чистки», — а также сделал Казахстан и Киргизию союзными республиками, выделив их из состава РСФСР.

В СССР людям внушали, что народы всех республик обязательно сольются в «новую общественно-историческую общность — единый советский народ», но почему-то неустанно подправляли национально-административные границы. Решений о том или ином изменении границ наберутся многие сотни, они составили бы занимательный сборник. Какое расщепленное сознание (по-научному, шизофрения) двигало всем этим, понять трудно.

Первую Азербайджанскую республику отделяют от Второй (или, если угодно, Третьей) 70 лет. Все эти 70 лет не было другого Азербайджана, как не было другой России — было только то, что было. Но жизнь продолжается и в глубочайшем несчастье, она обязана продолжаться. Народы живут без перерывов, и каждому народу необходим весь его исторический и духовный опыт, изъятия неуместны.

В вечном долгу

В СССР происходила индустриализация, принимались пятилетние планы, рос выпуск танков, тракторов и самолетов. Раб-факовцы записывали в тетради слова тов. Сталина: «Вопрос о

нефти есть жизненный вопрос, ибо от того, у кого больше будет нефти, зависит, кто будет командовать в будущей войне, кто будет командовать мировой промышленностью и торговлей». Но, вспоминая пятилетки, Магнитки, Днепрогэсы, Турксибы и Уралмаши, почему-то не говорят про Баку, без которого все эти пятилетки были бы много скромнее — если вообще возможны.

Что еще поразительнее, не припомню, чтобы по праздникам и годовщинам, связанным с войной, кто-нибудь из советских бонз говорил о роли бакинской нефти в победе. Чтобы вообще поднималась эта тема. Ну, кто-то, наверное, ее поднимал, но прозвучать громко ей не давали. Баку не присвоили звание «город-герой», не отметили, как это было принято, наградами. А ведь надо взглянуть правде в глаза: без нефти Азербайджана война была бы проиграна. Судьба СССР висела на волоске осенью-зимой 1941-го и, снова, осенью 1942-го. Этот волосок не оборвался благодаря бакинским нефтяникам. Четыре из пяти самолетов, танков, автомашин были заправлены бензином и соляркой, выработанными на бакинских НПЗ из нефти, добытой на бакинских промыслах. Даже в осажденный Ленинград по дну Ладожского озера был проведен бензопровод длиной 28 км и пропускной способностью 400 тонн в сутки. Два с половиной года Ленинград и Ленинградский фронт обеспечивались этим горючим.

Доктор геолого-минералогических наук Чапай Алиевич Султанов обобщил поразительные, хотя и не так уж глубоко скрытые факты. Во время войны вся европейская нефть — румынская, венгерская, польская, австрийская и албанская — работала на фашизм. Ее главным противовесом была азербайджанская нефть. В 1941-45 гг. в Азербайджане было произведено 80% общесоюзного бензина, 90% — лигроина, 96% — масел. С конца 1941 г. прекратились поставки в Баку всего необходимого. Нефтяники вырезали обсадные трубы из старых скважин и снова пускали их в ход, совершали чудеса при ремонте оборудования. Вместе с тем, малейшее ЧП расценивалось, как действие врагов народа, люди в лучшем случае оказывались за решеткой.

В годы войны шел процесс беспощадного разрушения недр. На земле немного мест, испытывавших такую нагрузку, как бакинские нефтепромыслы. В августе 1942-го вывоз нефти через Астрахань прервался: немцы вышли к Волге у Сталинграда. *«Бакинские моряки совершили невозможное, — пишет Ч.А. Султанов. — Впервые в мировой практике они на плаву отбуксировали на другой берег Каспия, в Красноводск, нефтеналивные железнодорожные цистерны и нефтяные резервуары, вмещавшие по 5 тысяч тонн».* В Баку стало не хватать емкостей для слива, *«но нефть продолжали добывать. Имевшиеся в наличии металлические резервуары были заполнены до отказа. Все так называемые открытые нефтяные хранилища (земляные емкости) тоже были переполнены, и нефть просто сливалась в Зыхское озеро. Нефтью заполнялись даже лощины близлежащих возвышенностей... Никогда, во всяком случае в обозримом будущем, не будет восстановлена изрешеченная земля Апшерона, не будет освобождена от груд металлолома и всевозможных ядовитых отходов, не будут осушены озера из попутной пластовой воды».* Вместо того, чтобы ненадолго снизить добычу, решено было иное.

Гитлер жаждал захватить бакинские промыслы, поэтому не бомбил их. Но куда сильнее, чем если бы их бомбили, они пострадали от решения руководства СССР перебросить большинство имеющихся мощностей и кадров из Баку в районы «Второго Баку», Волги, Урала, Казахстана, Средней Азии и даже Северного Сахалина. Цвет нефтяной промышленности Азербайджана, свыше 10 тысяч бакинских нефтяников с семьями, в октябре 1942 г. были отправлены через Каспий в восточные районы страны вместе с техникой и оборудованием. Люди, не привыкшие к суровому климату, попадали в края 40-градусных морозов. *«Бакинцы размещены в деревнях, за 10-15 км от места работы. Дорог и транспорта нет, добираться приходилось пешком или на тракторах, порой не хватало еды, работали по 16 часов, а бывало и целые сутки из-за отсутствия смен. Ночевали в селах, а с рассветом — опять на тракторы. До места добирались*

иногда и за трое суток. Во время буранов и заносов бывало еще тяжелее. Некоторые рабочие неделями жили на буровых».

На практике этот наскок обернулся разрушением нефтяного хозяйства Азербайджана, создававшегося неимоверным трудом более полувека. До конца войны вне Баку удалось добыть всего 4 млн. тонн нефти, зато в самом Баку было недополучено примерно 40 млн. тонн. Это был грубый стратегический, военный и экономический просчет, который запросто мог привести к поражению в войне. *«Этот просчет дополнительно стоил жизни сотням тысяч наших солдат и офицеров... Если бы немцы захватили Баку, никакой «Второй Баку» не смог бы повлиять на события. С ежегодной добычей 1,5-2 млн. т нефти воевать с фашистской Германией, которая восстановила бы часть грозненских и бакинских скважин, выйдя на уровень 15-20 млн. т., было бы невозможно».* К счастью, в половинном объеме добыча продолжалась и в Баку. Только это спасло СССР от рокового исхода.

Второй, Третий и так далее Баку в Предуралье и за Уралом оказались, в конечном счете, не выдумкой академика Губкина. Они стали реальностью, но чтобы это произошло, потребовались десятилетия. Многие азербайджанские нефтяники и после войны остались в новых районах, возглавив там нефтедобычу. История нефти в СССР так и пестрит азербайджанскими именами. Много их и в новой России.

По наклонному льду

Если раны не смертельны, они заживают. Война постепенно отодвигалась в прошлое, жизнь брала свое. Баку всегда был интернациональным городом, эта его черта резко усилилась за счет огромного числа попавших сюда в эвакуацию, да так и оставшихся. У этого интернационализма был один изъян: он мало считался с азербайджанцами. Лишь единицы из тысяч осевших здесь освоили азербайджанский язык. Подразумевалось: стоит ли тратить силы, когда все вокруг знают русский. Добродушные

азербайджанцы сравнительно легко с этим мирились. Те, кто поэтизируют и оплакивают душевную атмосферу, на сорок с лишним лет воцарившуюся в Баку после войны (как, например, творцы спектакля с вводящим в заблуждение названием «Я степую по Москве» в театре «Летучая мышь»), также не склонны придавать этому какое-либо значение, а зря.

... Можно ли вообразить, чтобы в военную пору в СССР сняли фильм, прославляющий буржуазию? Но именно таков был фильм 1945 года «Аршин мал алан» Бакинской киностудии, осыпанный затем Сталинскими премиями. Сколько ни делай скидку на то, что это была экранизация музыкальной комедии Узеира Гаджибекова, главного государственного композитора Азербайджана и автора гимна АзССР, — комедии, написанной им еще в сказочном 1913 году, загадка остается. «*Деньги есть?*» — «*Есть! Есть!*» — «*Деньги есть — выйду я!*» — «*Ах ты, козочка моя!*» — пели сладкоголосые Рашид Бейбутов и Лейла Джеванширова, весело попирая все советские измы. Мало ли кто что писал в 1913 году! Тогда Гаджибеков, кстати, сочинял не только музыку, но и статьи антибольшевистской направленности — так что же, переиздать их для советских людей? (Попутно: бешеный успех фильма в Иране дал толчок рождению иранской кинематографии.)

Подсоветская жизнь вообще полна загадок. По рассказам людей, проводивших в Баку годы эвакуации, всю войну на черном рынке не переводились контрабандные товары из Ирана и Турции, причем турецкие босоножки не были тогда такого ужасного качества, как нынче. А как же граница на замке? Как же тоталитарное государство и всевидящий НКВД? Всевидящий действительно видел всё (в 1942-м он даже выявил среди бакинских обывателей двоюродную сестру нацистского идеолога Альфреда Розенберга — без всяких шуток), но кое на что закрывал глаза. Просто не будучи в силах отказаться от некоторых предложений. Слыша «При Сталине такого не было!», знающие люди только улыбаются.

Вообще неудачу коммунистического эксперимента можно

вывести из универсальных свойств человеческой природы. Один сельский мыслитель объяснял это следующим образом: человека не переделаешь, у него руки так устроены — к себе загребать удобно, от себя нет. Можно лить слезы по поводу столь скандального несовершенства нашей природы, а можно обратить это несовершенство на пользу обществу. Открытие Адама Смита состоит в том, что всеобщая корысть надежнее всего порождает всеобщее благо. Универсальные свойства, даже закатанные асфальтом, все равно пробиваются сквозь него, правда, приобретаемая уродливые формы. Спрос, хоть умри, рождает предложение. В кавказских республиках СССР этот закон проявлялся ярче всего — вековые купеческие традиции давали себя знать.

Идеологическая власть боролась с искусителями, все более искушаясь сама, и скрывать это стало, в конце концов, невозможно. Уже в августе 1969 г., когда на пленуме ЦК Компартии Азербайджана было громко объявлено о борьбе «с негативными явлениями в республике» и эту борьбу начали с 2-3 подпольных галантерейных цехов, в республике царил убеждение, что таких цехов великое множество и что все начальство районного уровня состоит на прикорме у цеховиков. Скорее всего, это убеждение еще опережало реальность, но убеждения не менее показательны, чем факты.

Не учтя устройство человеческих рук, коммунисты заложили в общество, которое они решили создать, встроенный механизм его гибели. Механизм гибели, хотя и другого действия, был встроен и в государственную конструкцию СССР. Образцом для нее послужили разработки австрийских марксистов об устранении национальных противоречий в будущей социалистической Австро-Венгрии. Эти нигде не испытанные на практике идеи были доверчиво взяты на вооружение при создании Союза ССР в декабре 1922 года. Теоретически, Россия (РСФСР) вошла в этот союз «вместе и наравне» с остальными республиками. Такая конструкция, вероятно, могла бы работать, развиваясь с самого начала на добровольных и демократических принципах. Но сразу же зажатая со всех сторон множеством тисков, она

оказалась неспособна устоять при их ослаблении — так у человека, много лет проведенного в гипсовом корсете, атрофируются целые группы мышц.

К счастью, в Союзный договор 1922 года и конституцию СССР 1924 года перешли из конституции РСФСР 1918 года ничего не значащие слова о праве каждой республики на выход из союзного государства. Это, казалось бы, мертвое положение затем переключалось в «сталинскую» конституцию 1936 года и в «брежневскую» 1977-го. Внесенное в торжественные государственные акты, оно ждала своего часа, чтобы оказаться вполне живым и актуальным в 1991 году. Коммунистической системе пришлось заплатить по счетам за имитацию демократии, но это, возможно, спасло СССР от ужасающего распада по югославскому образцу — войны центра с уходящими национальными окраинами. При роспуске СССР такой войны не было — не столько благодаря доброй воле Ельцина, сколько благодаря юридической возможности роспуска.

Хотя ни одна из пятнадцати республик не вышла из СССР совсем без синяков, для нескольких из них обретение независимости имело кровавое продолжение. Самый тяжкий жребий выпал на долю Азербайджана. Но это уже другая история.

Пожелаем дружественному азербайджанскому народу удачи.

**АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РЕСПУБЛИКА**

*Сборник статей, посвященный 90-летию
Первой республики*

Редакторы: *Гаджиев Э.А. и Мамедов А.А.*
Дизайн обложки: *Новруз Новрузов*

Ответственный за выпуск: *Тариел Сулейман*

Подписано в печать 08.04.2008.

Формат 60x90/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 8,5

Тираж 1000 экз. Заказ № 6639

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ОАО «Ордена Октябрьской Революции, Ордена Трудового
Красного Знамени «Первая Образцовая Типография»
115054, г. Москва, ул. Валовая, 28

Azərbaycan Respublikasının Dövlət himni

*Musiqisi Üzeyir Hacıbəyovun,
sözləri Əhməd Cavadındır*

**Azərbaycan! Azərbaycan!
Ey qəhrəman övladın şanlı Vətəni!
Səndən ötrü can verməyə cümlə hazırız!
Səndən ötrü qan tökməyə cümlə qadırız!
Üçrəngli bayrağınla məsud yaşa!
Minlərlə can qurban oldu!
Sinən hər bə meydan oldu!
Hüququndan keçən əsgər,
Hərə bir qəhrəman oldu!
Sən olasan gülüstan,
Sənə hər an can qurban!
Sənə min bir məhəbbət,
Sinəmdə tutmuş məkan!
Namusunu hifz etməyə,
Bayrağını yüksəltməyə
Cümlə gənclər müştəqdir!
Şanlı Vətən! Şanlı Vətən!
Azərbaycan! Azərbaycan!**

Государственный гимн Азербайджанской Республики

*Музыка Узеира Гаджибекова
Слова Ахмеда Джавада
Русский текст: Сиявуша Мамедзаде*

**Азербайджан, Азербайджан!
О, колыбель святая славных сынов!
Нет земли милей Отчизны,
Нет ее родней
От истока нашей жизни
До скончания дней!
Под знаменем Свободы верши свой путь!
Тысячи нас, павших в бою,
Защитавших землю свою.
В час роковой встанем стеной
В нерушимом ратном строю!
Пусть цветут сады, твои!
Создай, мечтай, твори!
Сердце, полное любви,
Посвятили мы тебе.
Славься, славься гордой судьбой,
Край наш древний, край наш святой.
Каждый сын твой движим мечтой
Видеть мирный свет над тобой.
О светлый край, заветный край,
Азербайджан, Азербайджан!**